

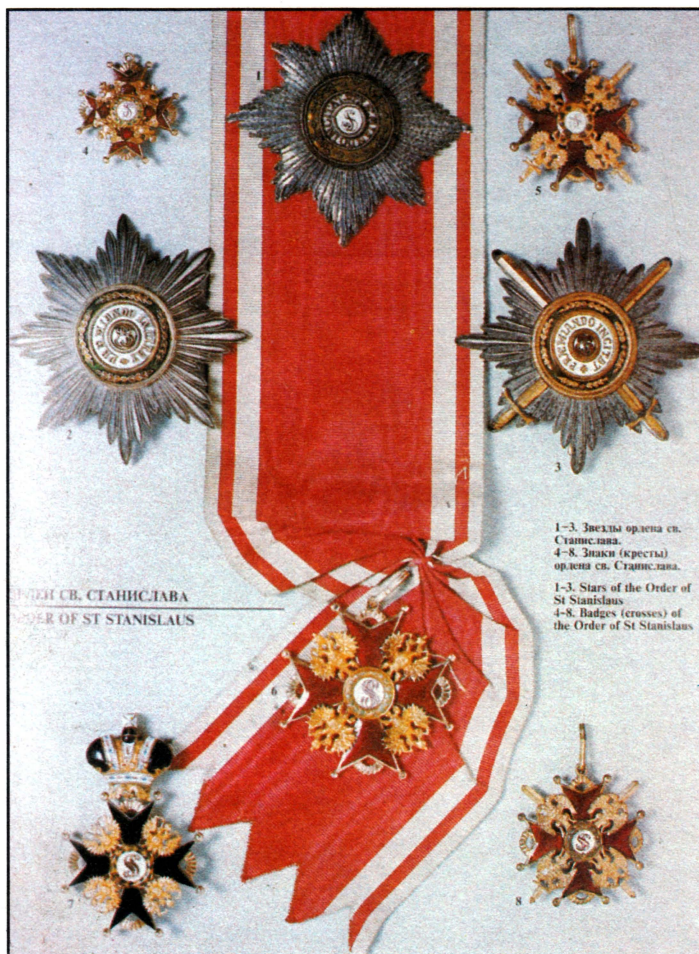
124.

95
м 468

У Р А Л Ь С К И Й
снегонбим
3°98

ISSN 0134-241X

Звезда и крест ордена св. Станислава с мечами и без мечей.

Цветаев Иван Владимирович (1847-1913)
профессор Московского университета,
основатель музея Изобразительных искусств
им. А. С. Пушкина.
На фотографии —
с лентой ордена св. Станислава I ст.

Редакция:
 Герман ИВАНОВ
 (главный редактор),
 Юний ГОРБУНОВ,
 Сергей КАЗАНЦЕВ,
 Анна КОСТРИКОВА
 (художественный редактор),
 Юрий ШИНКАРЕНКО
 (заместитель главного редактора),
 Леонид ШУНЯЕВ

УРАЛЬСКИЙ следопыт

УЧРЕДИТЕЛИ –
 СОЮЗ
 ПИСАТЕЛЕЙ
 РОССИИ,
 ТРУДОВОЙ
 КОЛЛЕКТИВ
 ЖУРНАЛА

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:
 Виктор АСТАФЬЕВ,
 Кир БУЛЫЧЁВ
 Владислав КРАПИВИН,
 Станислав МЕШАВКИН,
 Николай НИКОНОВ,
 Олег ПОСКРЁБЫШЕВ,
 Геннадий ПРАШКЕВИЧ,
 Борис СТРУГАЦКИЙ

В номере: 3 '98

Компьютерная вёрстка:
 Эдуард КИСЕЛЁВ

Адрес редакции:
 620142, ЕКАТЕРИНБУРГ,
 ул. ДЕКАБРИСТОВ, 67
 Телефон редакции:
 (3432) 224-501

Рукописи принимаются
 перепечатанными
 на машинке через 2 интервала,
 60 знаков в строке,
 28-30 строк на странице.
 Материалы на дискетах
 рассматриваются в первую очередь.
 Рукописи не рецензируются
 и не возвращаются.

По вопросам подписки
 и доставки обращаться
 в районные отделения
 "Росвязьинформа".

Бракованные экземпляры
 отправлять
 в ИПП "Уральский рабочий".

Рег. № 441 от 13.12.90.
 Подписано к печати 15.04.98.
 Формат бумаги 84x108/16.
 Бумага газетная.
 Печать офсетная.
 Усл. печ. л. 8,4.
 Уч.-изд. л. 18,6.
 Усл. кр.-отт. 8,4.
 Тираж 3 600.
 Заказ № 128.
 Все претензии по ошибкам в тексте
 предъявлять
 редакции журнала "Уральский следопыт"
 Отпечатано с готовых оригинал-макетов
 на ИПП "Уральский рабочий"
 620219, Екатеринбург, ул. Тургенева, 13
 Слайд на 1-4 стр. обложки
 Константина КАРАЧАРОВА

«Награждая, поощряет...»	
Игорь НЕПЕИН	2
«Жуковский — письма в Туринск»	
Юрий КЛЮШНИКОВ	4
Краеведческая копилка	8
«Вердикт Мэтра»	
Сергей ПОЛЯКОВ	11

ЖУРНАЛ В ЖУРНАЛЕ «АЭЛИТА»

Соавтор	
Геннадий ПРАШКЕВИЧ	29
Урод	
Владимир КЛИМЕНКО	48
Заочный КЛФ	53
Павленковская библиотека	55
«Мы с тобою, друг, бессмертны...»	
Фёдор ВОСТРИКОВ	57
Командорская каюта	58
Злой дух у гроба и у колыбели	
Ольга ЩЕРБИНИНА	75
Аятское озеро	
Елена АРАПОВА	79

ЖУРНАЛ ОСНОВАН
 В 1935 ГОДУ.

ВОЗОБНОВЛЕН
 В 1958 ГОДУ.

Игорь НЕПЕИН

«НАГРАЖДАЯ, ПООЩРЯЕТ...»

(ОРДЕН СВ. СТАНИСЛАВА)

Кто не знает картину П.А. Федотова «Свежий кавалер»? Первоначально ее замысел нашел отражение в сепии (рисунок, сделанный коричневой краской) «Утро чиновника, получившего первый крестик». Сюжет прост. Утро после пирушки. Чиновник указывает кухарке на крест св.Станислава III степени, а она ему — на рваный сапог...

В 1831 году в русскую орденскую систему были включены сразу два ордена польского происхождения. Судьба их на новой родине сложилась по-разному. «Белый орел» стал одной из самых высших наград, а «Станислав», наоборот, замыкал орденскую систему.

Как и все ордена, св.Станислав имел три знака: ленту для первой степени, звезду также для первой степени и крест различной величины, которая зависела от степени.

Ленту ордена — красную с двумя белыми каемками с обеих сторон — носили с правой стороны или через правое плечо.

Звезда была серебряная, восьмиугольная. В середине ее на белом фоне — круговая надпись-девиз: «Награждая, поощряет». С 1815 года орден имел четыре степени, но в 1839 году четвертая была упразднена.

Крест ордена золотой, покрывался красной (реже черной) эмалью. Концы креста были раздвоены и заканчивались золотыми шариками. Острые концы креста соединялись золотыми полукружиями. Между сторонами креста располагались двухглавые орлы под короной. В центре креста венок из зеленых листьев, а внутри него на белой эмали красные буквы — «святой Станислав».

«Станислав» II степени до 1874 года украшался императорской короной, что повышало значение награды.

С 1855 года к знакам ордена, если он жаловался за военные заслуги, присоединялись скрещенные мечи, проходящие через середину.

С 1857 года «св. Станислав» III-й степени, если он жаловался за военные заслуги, стал даваться с бантом. В формулярных списках офицеров так и писалось: «Станислав III-й степени с мечами и бантом». Но это лишь с 1857 года.

Орденом Станислава были награждены многие ученые, писатели. Остановимся на биографиях трех прославленных русских ученых.

Василий Осипович Ключевский (1841—1911),

Иван Владимирович Цветаев (1847—1913), Степан Осипович Макаров (1848—1904). Они были современниками и каждый имеет не малые заслуги перед Отечеством в своей области. Конечно, им всем повезло в отличие от многих просветителей XVIII века. Они не обойдены вниманием потомков. О каждом написано множество статей и каждому посвящена отдельная монографическая книга.

Будущий историк В.О.Ключевский родился 16 января 1841 года. Образование получил в Пензенском приходском и уездном училищах, а также в Пензенской духовной семинарии.

Летом 1861 года он приехал в Москву, в возрасте 20 лет поступил на историко-филологический факультет Московского университета, закончил его с золотой медалью и был оставлен при кафедре для подготовки к профессорскому званию.

Главнейшая заслуга В.О.Ключевского — создание «Курса русской истории» в пяти томах. Из «Предисловия» к восьмитомному изданию его сочинений: «Курс русской истории» представляет собой единственную в русской буржуазной исторической науке сводную работу по истории России с древнейших времен до XIX века, в которой на первое место выдвигается не систематически изложенный фактический материал, а целый ряд теоретических проблем...»

В.О.Ключевский, как пишет его биограф М.В.Нечкина, имел «Станислава» всех степеней.

Иван Владимирович Цветаев — один из подвижников русской науки и культуры прошлого века, профессор Московского университета, один из основателей Музея изобразительных искусств им. А.С. Пушкина в Москве.

Будущий ученый происходил из семьи русского священника. Закончив Петербургский университет, он преподает греческий и латинский языки, работает в московских Румянцевском и Публичном музеях, преподает на Отделении истории и теории искусств в Московском университете. Самое замечательное творение, что оставил Цветаев русской культуре, — это Музей изобразительных искусств, который и сейчас украшает Москву. На чьи деньги осуществлялся этот грандиозный проект? В основном на средства частных благотворителей. Главным жертвователем стал владелец стекольных заводов в г. Гусь-Хрустальном Юрий Степанович Нечаев-Мальцев.

«За четырнадцать лет, — читаем в исследовании Ю.М.Когана, — на строительство и отделку здания, на приобретение весьма значительной части скульптурных экспонатов Ю.С.Нечаев-Мальцев дал огромную сумму — более двух миллионов рублей золотом».

Музей создавался по проекту архитектора Р.И.Клейна неустанными трудами и заботами И.В.Цветаева. Он был открыт 31 мая 1912 года. В путеводителе особо подчеркивалось: «Музей преследует прежде всего цели преподавания, в силу чего главной задачей его является насколько возможно полная картина развития искусства в историческом его ходе».

Иван Владимирович был удостоен ордена св.Станислава всех степеней.

Степан Осипович Макаров был не только одним из крупнейших флотоводцев России, но и ученым. Деды будущего адмирала были николаевскими солдатами. Отец тоже начинал службу рядовым. Образование Макаров получил в Морском училище в Николаевске-на-Амуре, закончив его первым по успеваемости. Вот краткие вехи его служения отечеству.

1869. Произведен в мичманы.

1870. Изобрел пластырь для заделки пробоин судов.

1871. Произведен в лейтенанты.

1876. Вступил в командование вооруженным пароходом «Великий князь Константин». Во время русско-турецкой войны не раз атаковал минными катерами крупные турецкие суда.

1877. В ночь с 30 апреля на 1 мая произвел атаку четырьмя минными катерами сторожевого судна на Батумском рейде. В ночь на 29 мая совершил нападение минными катерами парохода «Константин» на турецкие корабли на Сувлинском рейде. В ночь на 16 декабря совершил нападение на турецкие броненосцы у Батума. Во время атаки впервые в мире были применены торпеды.

1878. В ночь на 14 января атаковал торпедами турецкий сторожевой пароход «Интибах» на Батумском рейде и потопил его.

Подвиги Макарова были отмечены орденом

св.Владимира IV ст. с мечами и бантом, золотой саблей с надписью «За храбрость», орденами св.Георгия IV ст. и св.Станислава II ст.

1882. Произведен в капитаны 1-го ранга.

1890. Произведен в контр-адмиралы.

1892. Изобрел приспособление на снаряды — бронированный колпачок, вскоре принятый на всех флотах под названием «макаровского колпачка».

1896. Произведен в вице-адмиралы.

1897. Опубликован труд Макарова «Рассуждения по вопросам морской тактики».

1898. По его проекту построен ледокол «Ермак».

1899. 21 февраля — 4 марта Макаров вышел на «Ермаке» в море, совершив на нем первое плавание из Ньюкасла в Кронштадт.

В журнале «Нива» за 1898 г. помещена фотография адмирала с лентой ордена св.Станислава первой степени.

Кавалером «св.Станислава» II ст. был Иван Егорович Забелин (1820—1909), историк, археолог, один из создателей Исторического музея в Москве, автор замечательных исследований «Домашний быт русских царей», «Домашний быт русских царей», «История русской жизни с древнейших времен», «История города Москвы».

В 1862—1863 годах Забелин руководил раскопками кургана Чертомлык, где найдена знаменитая

чертомлыкская ваза из серебра с золотыми грифонами (ныне хранится в «золотой кладовой» Эрмитажа). За исследование Чертомлыка Забелин и получил «Станислава» II степени.

Кавалером того же ордена стал и наш прославленный земляк, краевед Наркиз Константинович Чупин (1824—1882), автор «Географического и статистического словаря Пермской губернии».

Орден св.Станислава II степени носили на шее. В отличие от «Станислава» третьей, который носили на груди в петлице.

Обычно орден украшает человека, но бывает, хотя и нечасто, что человек украшает орден. Так случилось с орденом св. Станислава третьей степени, оказавшимся в декабре 1899 года на груди Антона Павловича Чехова.

В.О. Ключевский

Фотопрепродукции
Юрия ЛУНЕВА
на 2 стр. обложки

Юрий КЛЮШНИКОВ

*«НАДОБНО ПРОЖИТЬ НЕДАРОМ...»**(Туринские страницы В. Жуковского)*

*Его стихов пленительная сладость
Пройдет веков завистливую даль.
И, внемля им, вздохнет о славе младость.
Утешится безмолвная печаль.
И резвая задумается радость.*

Эти строки Пушкина о Жуковском ссыльный переселенец декабрист Иван Пушин бережно хранил в Туринске — вместе с другими пушкинскими автографами в своей тетради заветных сокровищ. К числу последних относилось и письмо Василия Андреевича Пушину в Туринск от 7 мая 1840 года. «Три года миновало после смерти нашего Пушкина, — писал Жуковский, — а все не могу привыкнуть, что его нет среди нас. Перед кончиной своей, любезный Иван Иванович, Пушкин много вспоминал вас. Жаль, что в эти последние минуты моей жизни, говорил он, нет со мною рядом бесценного друга моего Пушина. Если будет у вас, дорогой Жуковский, возможность — напишите ему, что я всегда принимал душевное участие в его многострадальной судьбе. И умираю с думою о нем».

Перечитывая это письмо в один из туринских вечеров, Пушин не удержался от восклицания: «Если бы при мне случилась несчастная его (Пушкина) дуэль, роковая пуля встретила бы мою грудь. Я бы нашел средство сохранить поэта-товарища, достояние России». Но и Жуковский оставался, как и Пушкин, для декабриста Пушина образцом добродетели. Человеком «сердца чистого и светлого, как стекло» называли его декабристы туринской колонии.

Уральский городок на реке Туре особенно интере-

совал В. Жуковского. Его эпистолярное наследие насчитывает более двух десятков писем, отправленных в Туринск. Эта связь с «уральской глубинкой» продолжалась (с небольшим перерывом) шесть лет, до самой смерти поэта. За лаконичной строкой: «Туринск. Посылка денег» в дневнике Василия Андреевича скрывалось многое.

В частности, мемориальный дом ссыльного декабриста В.Ивашева в Туринске — одноэтажный, деревянный на каменном цоколе, с высоким чердачным этажом — вполне можно было бы назвать «домом Жуковского». Без его помощи опальный дворянский революционер так и не получил бы от своих родителей необходимые средства на его строительство.

Все началось летом 1837 года. На выставке крестьянских изделий в Симбирске встретились Жуковский и П.Ивашев. Наставник наследника престола (впоследствии царя Александра Второго) Жуковский познакомился с экспонатами выставки. Ундорский помещик П.Ивашев представлял на выставке работы своих крестьян. Встреча старых знакомцев — бывшего генерал-квартирмейстера штаба генералиссимуса Суворова и служителя муз — была сердечной. Обоих связывали общие военные воспоминания. Во время войны 1812 года с Наполеоном оба служили в армии Кутузова. В Бородинском сражении армейский директор военных сообщений П.Ивашев возводил флеши, устанавливал на позициях артиллерию. А поручик первого пехотного полка Московского ополчения В.Жуковский пребывал в резерве, под

В.А. Жуковский

пулями и ядрами неприятеля. По долгу службы оба часто встречались в штабе фельдмаршала Кутузова и, случалось, вместе с командующим армией обсуждали отдельные военные вопросы. Неудивительно, что после встречи на выставке Петр Никифорович пригласил Жуковского погостить у него в имении, в деревне Ундоры. Там-то 24 июня 1837 г. и изложил гостеприимный хозяин свою просьбу.

Сын Ивашева-старшего, Василий Петрович, член южного общества декабристов, после отбытой каторги за «одобрение республиканской цели цареубийства» поселен был с семьей в Туринске и остро нуждался в жилье. А посылать деньги государственному преступнику на строительство дома запрещает царский указ. Не мог бы Жуковский, занимающий видное положение при царском дворе, похлопотать, чтобы родителям разрешили послать деньги опальному сыну. Тот согласился сразу. И не только ради близкого знакомства с Ивашевым-старшим. Несмотря на высокое положение царедворца, Жуковский разделял прогрессивные декабристские идеи. Был знаком с уставом тайного Союза Благоденствия. И не вступил в Союз, по его собственным словам, только потому, что не чувствовал «в себе достаточной силы выполнить требования» устава.

Помогая «государственному преступнику», он рисковал сам оказаться в немилости у царя. Но иногда он жаждал, по его собственному признанию, «чтобы какое-нибудь потрясение меня разбудило, чтобы я мог с чем-нибудь бороться и, следовательно, напрягать все свои силы: либо пан, либо пропал!»

Итак, Жуковский начал действовать. Он уговаривает «своего воспитанника» цесаревича отнестись благосклонно к просьбе Ивашева-старшего — из уважения к сединам просителя, его заслугам перед Отечеством и государем-императором. Словно невзначай опытный царедворец упомянул, что начальник императорской тайной канцелярии граф А. Бенкендорф в курсе дела, но, к несчастью, теперь болен и по состоянию здоровья не может изложить государю просьбу отставного генерал-майора. Тонкий дипломатический ход! Если уж ближайший сподвиж-

ник императора не считает генеральскую просьбу «чрезмерной», можно не сомневаться: царь ее выполнит. Последовал ответ наследника престола: «Пусть генерал мне напишет!»

И вот уже поэт уведомляет П.Ивашева: «Напишите письмо на имя великого князя (Александра Николаевича). В этом письме изложите ясно, в чем дело, и упомяните о том, что уже просили графа Бенкендорфа, но что болезнь его все остановила. Завтра письмо ваше будет послано с фельдъегерем».

Несколько дней спустя друг Суворова получает от Жуковского вторую записку-напоминание: «Я уже сказал великому князю, что вы хотите просить его. Почему вам не писать? Думаю, что Вам писать можно. Преданный вам Жуковский». Прощение было написано. Через поэта пришло к цесаревичу. От цесаревича — к государю. В результате, царь отменил ограничения касательно родительской помощи — посылку и денег — семье опального туринского поселенца. Больше того, декабрист В.Ивашев получил в Туринске высланные ему отцовские чертежи для строительства дома. И в дальнейшем имел все необходимое на расходы, «приличествующие положению дворянина».

Заступничество за Ивашева-младшего было не первым и не последним делом в практике Жуковского-царедворца по защите униженных. Ранее он заступался перед царем за декабристов В.Кюхельбекера, Ф.Глинку. В 1830 г. просил простить декабриста-эмигранта Н.Тургенева, и судебный приговор ему был смягчен. Василий Андреевич выдвинул даже проект амнистии декабристам, «дав (осужденным) гражданские права и возвратив их детям и позволив свидеться.

Бедных же употребить на службу с жалованьем». Услышав новое прошение — на сей раз за В.Ивашева, — Николай Первый не удержался от укоризненной реплики: «Тебя называют защитником всех тех, кто худ с правительством». Монаршее неудовольствие едва не обернулось «учителю царской семьи» опалой. Но и это не поколебало решимости поэта поддерживать дворянских революционеров.

Узнав о скоростижной смерти жены Василия Пет-

А. Ф. Бриген

ровича — Камиллы Ледантю, вслед за скорой смертью родителей Ивашева-младшего, Жуковский в январе 1840 года пишет В.Ивашеву в Туринск: «Смерть жены твоей, мой бедный Василий Петрович, настолько потрясла меня, что я долго не мог успокоиться.

Что я могу сказать тебе, угнетенному бедственной утратой. Уповай на милость божию. Предавайся более спокойной, более образовательной силе здравого мужества. Это поможет тебе войти в порядок обыкновенных, ясных, ежедневных мыслей». Чтобы отвлечься от «мрачных дум», Жуковский советует Ивашеву, с его богатыми талантами, больше заниматься живописью, сочинением музыки, литературной деятельностью, в частности, работой по редактированию мемуаров отца о великом русском полководце А.В.Суворове.

«Ваши теплые слова, любезный Василий Андреевич, — сообщил В.Ивашев в ответном письме Жуковскому, — побудили меня помнить о моем долге по отношению к детям и матушке (мать Камиллы Мария Петровна Ледантю жила вместе с семьей Ивашевых в Туринске. — Авт.). Я стараюсь и буду стараться сохранить мужество до конца и наполнять свое существование любовью к ближним».

После смерти В.Ивашева в декабре 1840 года Жуковский присоединяет свои хлопоты к хлопотам родных и близких Василия Петровича, а также декабриста И.Пушкина и других ссыльных декабристов, чтобы осиротевшим детям дворянского революционера разрешили вместе с бабушкой выехать в Симбирск, в родовое имение семьи. Ходатайство возымело действие. Высочайшее повеление было дано, и сироты с бабушкой оставили Туринск.

Отдельная страница биографии поэта — его туринская переписка с декабристом А.Бригеном. С 1850 года до смерти своей Жуковский регулярно пересылает деньги в Туринск крестнику русского поэта Г.Р.Державина, отставному полковнику Измайловского полка, члену Союза Благоденствия и Северного общества, который в ту пору отбывал ссылку в этом окружном городке. То были деньги товарища Бригена по Союзу Благоденствия Н.Тургенева, оставленные для него в

Москве. Но сам Николай Иванович, осужденный в России на вечную каторгу за «умысел на упразднение престола», проживал в ту пору в Париже. Да и мог ли государственный преступник пересылать деньги опальному «бунтарю»? Посредником стал Жуковский. В 1837 году в Кургане, где Василий Андреевич, сопровождавший наследника престола в поездке по России, впервые встретился с Бригеном, он, доселе никогда не знавший его, кинулся ему на шею со словами: «Друг мой, Бриген!»

Жуковский свято хранил тайну истинного отправителя денег. Открылась она только после смерти поэта. Материальная поддержка поступала Бригену под видом авторского гонорара за перевод «Записок о Галльской войне» Юлия Цезаря. Этот перевод Бриген посвятил Жуковскому с припиской «Душой и стихом поэту и другу человечества, в знак истинного уважения и преданности». Василий Андреевич уговорил Бригена продать ему рукопись перевода «Записок» римского полководца на одно издание за 2500 рублей ассигнациями с последующей выплатой переводчику остатков прибыли от издания после его реализации, за вычетом издательских расходов. Для видимости были затеяны хлопоты по изданию. Жуковский обратился к управляющему Третьим отделением Л.Дубельту, тот — к царю. Последовало высочайшее разрешение. Однако об издании перевода «Записок» реально никто не думал. Зато под этим предлогом Жуковский через Третье отделение переслал Бригену предложенную сумму, которая в тот момент значительно облегчила материальное положение ссыльного поселенца.

В.П. Ивашев

Денежная помощь продолжала поступать Бригену и в дальнейшем. «Сердечно благодарю Вас, добрый мой Василий Андреевич, за присланные бы тысяч рублей ассигнациями, — писал Бриген Жуковскому из Туринска летом 1851 года. — Надобно знать вашу прекрасную, совершенно христианскую душу, чтобы суметь оценить все то, что она заключает в себе прекрасного и великодушного. Ваше расположение и интерес ко мне дороги, тем более что мне случилось видеть равнодушие там, где я надеялся встретить доб-

рожелательность и дружбу, на которые, как я полагал, имел некоторое право, в то время как вы, мой добрый друг, знали меня только благодаря моей связи с семьей Тургеневых, отец которых был вашим приемным отцом».

Благодаря Жуковскому, Александр Федорович завершил в Туринске важное дело, начатое еще по месту предыдущей ссылки — в г. Кургане. В 1849 году, исполняя обязанности судьи Курганского окружного суда (вместо заболевшего), заседатель этого суда Бриген обвинил местные власти в организации убийства крестьянина М.Власова. В связи с этим он находился под следствием и «за неуместные его званию суждения и заносчивое поведение» был переведен заседателем в Туринский окружной суд. Уже в Туринске декабрист обратился за помощью против происков генерал-губернатора Западной Сибири князя П.Горчакова к начальнику штаба корпуса жандармов управляющему Третьим отделением Л.Дубельту. Поскольку Василий Андреевич Жуковский, по словам Бригена, «неоднократно писал мне, чтобы я в случае надобности обращался с просьбами» к нему с полной уверенностью, что Дубельт «по доброте своей всегда готов пособить» Бригену и «по чувству справедливости расположен всегда взять под защиту всякого несправедливо гонимого человека». В конце концов, все материалы уголовного дела были затребованы в Третье отделение собственной канце-

лярии его императорского величества. Было проведено объективное расследование. Указом Сената крестьянин П.Власов, ложно обвиненный в убийстве своего двоюродного брата, был оправдан и выпущен из острога, куда его противозаконно посадили.

Смерть Жуковского 12 апреля 1852 года, по словам Бригена, «очень взволновала», «оставила пустоту в моем существовании, которая ничем не может быть восполнена». Освободившись из ссылки после амнистии 1856 года, Александр Федорович до конца своих дней продолжал неизменно отмечать день рождения и смерти своего друга Жуковского. Заказал себе его гравированный портрет. Видное место в его личной библиотеке занимало полное собрание сочинений поэта.

Переписка Жуковского с туринскими декабристами дополняет наше представление о добродетелях поэтического собрата Пушкина. А их немало. В 1823 году он дал вольную своему слуге М.Акулову с женой и двумя детьми. Помог выкупиться из крепостного состояния великому украинскому поэту Т.Шевченко, русскому поэту-самоучке М.Сибирякову, художнику К.Горбунову — автору известного портрета М.Лермонтова.

«Надобно прожить недаром, — признавался Василий Андреевич, — с пользою, как можно лучше... и сделать все, что могу для других». В этих словах — весь Жуковский.

Леонид ОСИНЦЕВ
ОСЕЕВСКИЙ
МОСТ

Про Осеевский мост можно целую историю написать. Он соединял город Шадринск с пригородной деревней Осеевой. Сама по себе она мало чем прославилась, а вот колокольный завод купца Шишкина знали многие. Сам игумен Далматовского монастыря наезжал сюда, осматривал доброй работы колокола и заказал для монастыря царь-колокол на четыреста пуд. Чтобы звону он был музыкального, купец обязан был колокол с серебром отливать. Знатное было производство.

Сначала постоянного моста не было, и переезжали Исеть на лодках или плотах. Затем построили полукилометровую земляную дамбу, уторкав в нее тысячи возов земли и валежника, и четыре моста через рукава. Мост, что шел от городского берега, был плавучий, и когда по нему проезжало несколько подвод, то он погружался в воду.

В 1906 году город приступил к строительству постоянного моста, затем укрепил земляную дамбу щебнем. Сохранился снимок северной части Осеевского моста. Она выполнена архитектурно безупречно, даже ажурно. Мост простоял до июня 1918 года. Когда части белой армии, то есть ее авангард — чехи, стали брать Шадринск штурмом.

Среди петроградских защитников города находился некто Колечка Гарнич, который увязался за отрядом моряков-анархистов прямо со школьной скамьи. Опытные морские волки, благоговевшие перед революцией, называли юного морячка ласково Олечка Гарнич. Он, конечно, шутки сносил, но паренек был не промах. Уже через несколько лет, после гражданской, явился миру в образе писателя, автора художественной повести «Ос്മнадцатый», в которой описал защиту красного Шадринска и, в частности, Осеевского моста. Впоследствии Н.Ф. Гарнич стал генералом, преподавал в военной академии.

В повести он вспоминает, что красные ожидали нападения с юга, со стороны деревни Осеево, поэтому на мост выставили самое грозное оружие — серо-стальной броневик.

Бронемашинка тогда появилась в городе впервые, и обыватели смотрели на нее, разинув рты. Однажды машинка, пробуксовывая в уличной хляби, выпустила столько дыма, что пожарные ударили в набат и со звоном двинулись к центру города.

Когда экипаж броневика зорко всматривался в противоположный берег, показался конный разъезд. Хотя белые не пошли на город прямо по мосту, а переправились вверху по течению реки Исети, тем не менее, они создавали впечатление, что вот-вот ринутся на мост. Поступила команда:

— Мост запалить!

Плеснули морячки горячего, бросили запаленную бересту, и запылали северные пролеты Осеевского моста, что у Спасо-Преображенского собора. Сухие как порох деревянные конструкции взялись дружно, с треском. Еще утром по мосту группами и в одиночку шли и ехали верхами красноармейцы интернациональной роты, разбитой белыми ночью в селе Мингали. Некоторые интернационалисты шли в нижнем белье. А вечером мост уже догорал, и крупные головни с шипением погружались в воду Исети.

Белые находились в городе чуть больше года, и за это время мост восстановили. В начале августа 1919 года части Красной Армии стреми-

тельно приближались к Шадринску. В городе начался переполох, усилившийся после того, как в окрестностях были замечены красные разъезды. По Осеевскому мосту в спешном порядке проходили военные с обозами. Вместе с воинскими частями из Шадринска отступало купечество, священники, зажиточные горожане со скарбом. Обозы уходили по правому берегу Исети в сторону Кургана, а потом длинной измученной вереницей шли по размытым дождями грунтовыми дорогам Сибири. Опасаясь преследования, белые мост сожгли.

Вскоре после освобождения Шадринска от белых шадринский ревком приступил к постройке Осеевского моста. Он направил волостным ревкомом предписание командировать в Шадринск плотников с топорами, поперечными пилами, долотьями и шнурками.

Однако, ревком не мог осилить строительство, и им занялась 10 кавалерийская дивизия. А контролировал начдив Николай Дмитриевич Томин. Стройный, высокий, стремительный, он появлялся на мосту ежедневно: следил за подвозкой леса. Работали с раннего утра и до позднего вечера, для чего на стройке оборудовали электроосвещение.

Чтобы не возник пожар, на обоих берегах Исети соорудили будки для сторожей, в которых посменно дежурили шесть человек. Кроме того, на случай пожара или дорожных происшествий, мост соединили с городом телефоном.

Во время Великой Отечественной войны мост оберегали от ледохода. Весной 1943 года, например, ремстройконтора горкомхоза проводила сколку льда вокруг свай и ледорезов. В город подвезли взрывчатку. Когда взрывали лёд, горожане приходили смотреть на искрящиеся фонтаны ледышек, как на цирковое представление.

Но война продолжалась, а мост не ремонтировался: было нечем и, по сути, некому. К январю 1945 года

Осеевский мост пришел в такую ветхость, что движение по нему пришлось закрыть. Ходить и ездить стали по льду. Но приближалась весна, а с нею и посевная кампания.

Начальнику горкомхоза В.С. Ермакову приказали: к началу посевной мост капитально отремонтировать, для чего и выделили около 100 тысяч рублей, 15 плотников и 4 слесаря, всего же на мосту трудилось 70 человек. Кормили только овощной похлебкой. После вмешательства горисполкома питание улучшилось, рыбзавод выделил 3 центнера рыбы, подвозили также кости с мясокомбината; молоко, хлеба по 200 грамм дополнительно, винегрет, солености. Мост пустили в срок, строители получили денежные премии.

На Осеевский мост в свое вре-

мя обратил внимание маршал Советского Союза Г.К. Жуков. А было это в конце сороковых — начале пятидесятых, когда он, командующий Уральским военным округом, ездил на озеро Таволжаны, где была оборудована охотбаза округа. Северная часть моста в это время сильно прохудилась, и Георгий Константинович, вызвав к себе командира саперного батальона, приказал мост обновить. Так как Г.К. Жуков во время поездок на охоту каждый раз останавливался в Шадринске, офицеры гарнизона обратились к нему с просьбой помочь в строительстве жилого многоквартирного благоустроенного дома. Командующий выделил средства на дом, и вскоре его построили.

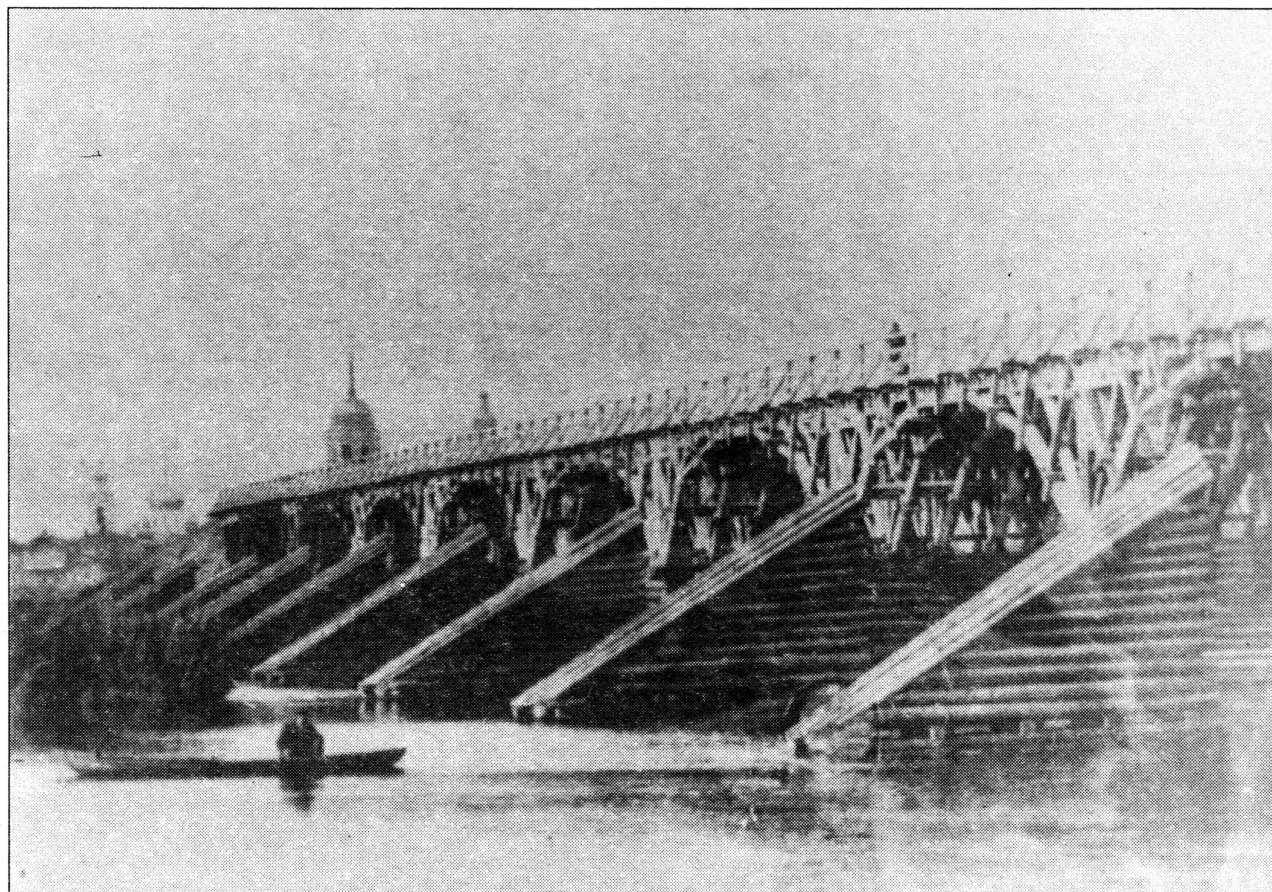
Где-то во второй половине шестидесятых годов город приступил к строительству железобетонного

моста, который проходил недалеко от деревянного, а в 1971 году по нему открыли движение. Теперь у производственного объединения жилищно-коммунального хозяйства нет заботы оберегать мост от заторов и пожаров.

Монолитная каменная громадина работает бесперебойно и безотказно, ежедневно пропуская по своей могучей выгнутой спине тысячи машин и пешеходов.

Но одолевает порой щемящая тоска по старому Осеевскому деревянному мосту. Он был не только транспортным сооружением, но и местом прогулок по вечерам, когда стихал шум машин. Прохладой и запахом цветов веяло от вечнозеленых релок снизу моста, от тихо струящихся вод в рукавах Исети.

г. Шадринск

23 октября 1722 года по указу Петра I был построен и пущен в действие Выйский медеплавильный завод. Этот год принято считать годом основания Нижнего Тагила.

Становление города произошло благодаря открытию в 1696 году уникального месторождения железных руд горы Высокой, которая первоначально называлась горой Магнитной. Систематическая его отработка началась в 1721 году.

Человек любознателен. Благодаря исследованиям археологов, историков, краеведов мы знаем, какие события происходили на территории края сто, двести, тысячу, несколько тысяч лет тому назад.

Заглянем в еще более древние времена. Миллионов этак 300—400 лет тому назад здесь происходили замечательные геологические события, по-научному — процессы.

Совершим небольшое путешествие в так называемую палеозойскую эру, а точнее, в периоды силура-девона. Кстати, с точки зрения геологии, 400 миллионов лет — не такой уж огромный срок по сравнению с возрастом нашей планеты, которой приблизительно 4,5 миллиардов лет.

Итак, в те времена на месте, где сейчас расположен наш город, плескалось море. Купаться в нем и загорать на его берегах было некому, так как людей тогда и в помине не существовало на Земле.

Растительный и животный мир палеозойской эры разительно отличался от ныне существующего. Предкам современных животных и растений было, наверное, не очень уютно в том палеозойском море. Его берега и дно были весьма беспокойны. То тут, то там взрывались вулканы, извергая потоки огненной

Людмила ПОНИНА

ПРОГУЛКА В ПАЛЕОЗОИ

лавы, росли и исчезали в морских пучинах вулканические острова. Эти древние застывшие лавы мы с вами можем наблюдать непосредственно в черте города — на горе Лисьей и Шихане Красного Камня. А многочисленные поколения морских животных и растений в течение десятков миллионов лет образовали мощные осадочные толщи, превратившиеся со временем в известняки и мраморы. Их сейчас разрабатывают в Гальянском карьере. А недавно добывали в Главном карьере. Есть мрамора и на Лебяжке. Красивую красно-коричневую окраску им придают соединения железа. В этих породах при желании можно обнаружить окаменевшие остатки древних животных — криноидей (морских лилий).

Известняки используются в металлургии, как флюсы, а также в строительстве. А красивейшим тагильским мрамором отделаны две станции Московского метро.

Но вернемся в палеозой. Бурная магматическая работа прошла не без пользы. На территории нашего города магмы родили такие породы, как сиениты и диориты. Но главное — магмы, а вслед за ними горячие водные растворы несли из глубоких земных недр по трещинам и разломам земной коры же-

лезо. На контактах (границах) горячих расплавленных магм с ранее образовавшимися известняками и другими осадочными и вулканическими породами и в самих породах возникли железные руды.

В нашем городе — целых три крупных месторождения железных руд: Высокогорское, Лебяжинское и Естюнинское.

Железные руды состоят из известного минерала — магнетита, или, иначе, магнитного железняка. В гораздо более поздние геологические времена в слоях, близких к земной поверхности и выходящих на нее, магнетит под воздействием кислорода и воды превратился в другой рудный минерал — бурый железняк (лимонит).

С окислительными процессами, происходившими на Высокогорском и Меднорудянском месторождениях, связано также образование знаменитого малахита — из первичного неокисленного минерала халькопирита (медного колчедана), содержащегося в виде вкрапленности в магнетите. Для образования малахита благоприятным фактором стало наличие карстовых пустот и трещин в известняках.

Наряду с халькопиритом в магнетите присутствует в большом количестве пирит (серный колчедан), который при окислении превращается в лимонит и гематит (красный железняк).

Такова, в общих чертах, история рождения нашей знаменитой железной руды, с которой и начался наш город.

А ведь окрестности Нижнего Тагила богаты и другими полезными ископаемыми. И у каждого — своя, не менее захватывающая и занимательная история.

г. Нижний Тагил

ПРОЗА

Сергей ПОЛЯКОВ

ВЕРДИКТ МЭТРА

Повесть

Рисунки Юлии МЕНЬШИКОВОЙ

1

Ночь, скрывающая затаившегося зверя или человека — Благо. Белая ночь, демонстративно подчеркивающая наше присутствие на морском берегу, выдающая нас с головой — Зло. Отягощенные громоздкой поклажей, мы крадемся в тени скал, окаймляющих бухту. Рисуем напоротью на пограничный наряд, милицейский патруль, инспекторскую засаду и отпускаем в адрес северного феномена отрывистые, лаконичные матерки. Наши рюкзаки под жвак забиты ястыками с икрой, сулящей в обозримом будущем хорошую поживу.

С другой стороны, мы по горло обременены дискомфортом, пропитаны неимоверным ужасом, заставляющим вздрагивать, шутаться, корчиться от ночных шорохов, плеска волн, стука осыпающихся с откосов камешков. Подстегнутое воображение вносит болезненные коррективы в зрение, и мы пугливо дергаемся, опасливо настораживаемся при каждом подозрительном предмете.

Паническая жуть перед вероятным наказанием отравляет радость удачи. Авантюризм и благоразумие предъявляют многочисленные «за» и «против». Стылый страх перед расплатой и жажда наживы противостоят друг другу, заставляют левой рукой судорожно сжимать ляжку рюкзака с ценным содержимым, правая наготове, чтобы отшвырнуть изобличающий груз

в нагромождение валунов или в морскую воду. Нелегка жизнь браконьерская!

Современный подросток должен иметь карманные деньги, и вымаливать их у взрослых по законам побережья — дешевка. Калеча руки в ледяной воде, мы зимой и летом ставим крабовые ловушки; демонстрируя скалолазные трюки, собираем яйца на птичьих базарах; добываем водоросли для диетологов. Мы ловим деликатесного синекорого палтуса и морскую курицу — камбалу, нежную, благоухающую огурцами корюшку и громадного шипастого ерша, зубатку-рыбособаку и неуклюжую, увесистую треску.

Таким промыслом занимались несколько поколений подростков до нас, Бог даст, продолжат и после. Мы предпочитаем изнурительную, непрестижную рыбалку торчанию в «комках», пресмыканию перед жирнорожими, нуворишами в шикарных «мерсах», мытью стекол в машинах, вымоганию у младших и слабых, банальному воровству.

Гошка, поправляя рюкзак, внезапно вскидывает подбородок.

— Грач! В хибаре печь топят!

Действительно, над трубой заброшенной дачи курится дым, сильно осложняющий положение. Ранее инспекция не наведывалась в уединенный, полуразрушенный домик на крутой сопке, и мы безбоязненно использовали его не один год.

— Отдыхающие, наверное! — сплевываю я и команду напарнику. — Касьян, разнюхай!

Поднявшись метров тридцать по оврагу, я и Гошка прячемся в ольховой рощице. Икра — продукт капризный, затягивать с обработкой нельзя. «Кого принесло? — гадаю я. — Только бы не перепившихся городских парней с девчонками. Там рыпнешься и огребешь без всякой надежды сквитать должок».

Не круглите честные глаза, не вздыхайте гневно руки к небу, не вопите возмущенно: «Караул! Хапуги грабят народное достояние!» Наш маленький бизнес по сравнению с бесчинством взрослых — комариный укус, детская шалость. Завалы в десятки тонн гниющего, поротого лосося — безотрадное по постоянству зрелище на речках побережья. Сотни тонн незаконно добытой, заготовленной икры уходит ежегодно в Центральную Россию. Разбойники подобного масштаба рыбоохране не по зубам, и она сосредоточила усилия на борьбе с неорганизованными одиночками.

В траве шуршит скатывающаяся галька, ойкает поскользнувшийся на отсыревшей земле Леонид.

— Болван! — кляню я товарища.

— Торопится, — примирительно шепчет Герман, зная мою взрывную натуру.

— Пацаны! — тараторит лазутчик. — По фазенде чокнутый шизик бродит. Больше никого, за базар отвечаю.

Оставив груз в кустарнике, входим во двор. Духлый, нескладный с бледным, унылым лицом очкарик неумело тюкает зазубренным топором массивную, пропитанную морской водой плаху. Устрашающий вид алебарды и сиротливый облик изрядно пошипанной колоды не обманывают, не вводят нас в заблуждение.

— У него плохо меблирован чердак! — на полном серьезе подмечает насмешник Гошка. — Он хвост откинет, такое бревно и бензопила не возьмет. Да, мозги у чухана прокисли конкретно.

Вежливо здороваемся. Лесоруб, загнанный в мыло, как лошадь д'Артаньяна, везущего драгоценные подвески, по-жабьи хватает воздух и не удивляется ранним визитерам. С усилием справившись с одышкой, он кивает головой, от которой клубами валит пар.

— Здравствуйте, ребята!

— Лучше горелого стланника нарубить, — по-доброму советует Герман. — Упрели с лесиной.

— Есть немного, — смущенно соглашается незнакомец. Ни хрена немного! Да он едва не взорвался от перегрева!

— Какими судьбами? — дипломатично прошупываю я почву и цепко осматриваю незваного пришельца. Одежда добротная и неимоверно грязная. Ни один подвал, колодец теплотрассы, чердак сменил бичкомер.

Босяк правильно оценивает вопрос и отвечает без утайки.

— Рыбаки указали на дачу и подсказали, что бесхозная.

— Не совсем так! — с нажимом проговариваю я. Чмырь снова адекватен ситуации.

— Вы выставляете меня? — покорно осведомляет он и бесхитростно пялится в глаза. В проведение дознания вмешивается добросердечный мягкотелый Гошка.

— Живите, главное язык не распускайте.

— Собственно о...

Твердо прерываю слевшихся говорунов-кенарей:

— Гера, имеется договор, нарушение чревата!

Друг возмущенно вспыхивает, готовый вступить в перепалку. В назревающее выяснение отношений незамысловато встречается бездомный горемыка.

— Мальчишки, идите чай пить! И сахар есть, рыбаки поделились. У вас, в Магадане, удивительно отзывчивый народ.

«Недурной, перспективный расклад получается, — обмозговываю я, прихлебывая душистый напиток, — Взрослый нас отмажет, за домиком присмотрит. Надо приручать!» Не откладывая дело в долгий ящик, в лоб спрашиваю:

— Почему у моря без рыбы?

Собеседник неуверенно приподнимает левое плечо:

— Не рыбак, нет снастей, лодки, умения.

Решение заготовлено, и я команду:

— Гошка, руби стланник, вари тузлук!

Опоражниваем рюкзаки, и натякаюсь на недоумевающий взгляд закадычного дружка:

«Балда! Неоправданный риск, влипнешь как кур в ощи! Добровольно совать голову в петлю, возвращаться на место преступления, где кучи потрошенной горбуши — верх безрассудства!»

Именно из-за предполагаемых возражений кента я беру на вылазку беспрекословного Касьяна.

Часть пути придется брести по сопкам, и сколько пога пролить не представят ровесники с «материка». Попадёмся с поротой рыбой — и амба, читай отходную. Но я стратег и обязан просчитывать на несколько ходов вперед. Накормить, обогреть, привязать бомжа, — актуальная задача, и сегодняшняя жертва — во спасение.

Балансируем на осклизлых камнях, карабкаемся по крутым косам, продираемся сквозь стланниковую сельву. Сгибающая тяжесть за плечами не располагает к оптимизму. Жаль вымотавшегося бессловесного напарника, безотказного и в уличных драках, и немислимо тяжелой пахоте. Он танком претя через заросли, искренне не понимая, на кой ляд мы возмисся с отработанным, рискованным хламом. Путняя рыба пойдет позже, тогда и примемсся солить. Сейчас он считает переноску горбуши блажью и глупостью. О смысле затеи приятель догадается на базе, задним умом.

«Не зря покинул кодлык Рыси, — делаю выверенное обобщение, — Гошка, Касьян, Дюха — ребята лучше и проче».

— Грач, привал, — мотает башкой Леха и валится на муравейник.

...С рисовкой ставлю на стол салат из водорослей с луком и зеленым горошком, миску запеченных ра-

кушек, огромную чашку с «пятиминутной» икрой, тарелки с жареной горбушей. Люмпен деликатно намазывает икру на кусочек хлеба, мы едим ее ложками. Касьян набрал дефицит в кружку и просто пьет. Спустя неделю лакомство приестся и будет не востребоважно засыхать в чашке. Оголодавший незнакомец ошарашенно таращится, как мы лихо уминаем килограмм дорогостоящего продукта, запивая чаем.

Работа по обработке, засолке икры нудна, монотонна, стерильна, и все облегченно вздыхают, покончив с ней.

— Спать, — благостно вздыхает Герман, и мы устриваемся на полу, застланном пахучим стланником. Предки за нас не беспокоятся, мы на рыбалке. Просыпаемся поздно вечером. Впрочем, понятие «поздний» в Магадане летом своеобразно. Белые ночи создают иллюзию сплошного пасмурного дня, нескончаемого, непрерывного.

Новый знакомый сидит у полуоткрытой дверки печки и неотрывно щурится в огонь.

— Замерзли? — участливо спрашиваю я.

— Нет, — он загадочно улыбается. — Нарубил плавника, положил к сухим дровишкам и наблюдаю.

— Неужели интересно? — озадаченно всматриваюсь в чудака, ожидая розыгрыша.

— В Англии аристократы, топящие камин, покупают на топливо деревянную обшивку списанных морских судов, — без претензии на энциклопедизм повествует незнакомец.

— Зачем? — настороженно осведомляюсь я.

— Пропитанная морскими солями, стронцием, кадмием, древесина горит с таинственными переливами, причудливо, своеобразно искрит, пламя окрашивается волшебными оттенками! На манер пиромана, люблю наблюдать за сказочной игрой огня, — отвечает чудодей.

Я остолбенело молчу. «Пироман», «таинственные переливы», «игра огня». Он не странный, скорее, с придурью.

Покурив после плотного ужина, учтиво спрашиваю владельца:

— Дядя Володя, разрешите поиграть на гитаре?

На уникальный инструмент я положил глаз еще с утра. И профану заметно, изделие ручной работы, штучное, дорогое.

— Ты играешь? — поднимает брови хозяин.

— Да, — независимо ставлю в известность лицо без определенного места жительства. Гитара нынче не в чести, у сверстников на вооружении «маги», и мне достаточно владения пятью-шестью аккордами, чтобы саккомпанировать простенькую мелодию.

— Бери.

Звук у инструмента чистейший, благородный, с легким серебристым отливом, бархатистостью. Даже дрожь проридает. Чувствуешь, в руки попала коллекционная вещь.

«Откуда у чухана подобное чудо? — гадаю я. — Может свистнул и отдаст по сходной цене?»

Втроем мы базлаем в течение часа прилпатленные шлягеры, в лесу стесняться некого. Охрипнув, вешаю мученицу на стену и благодарю.

Малохольный бережно берет любимицу и осторожно подкручивает колки. Он чудесно преображается. Движения становятся стремительными и точными, мощным потоком удивительной энергии, наполнившей тщедушное тело, веет от него. Лицо розовеет, губы сжимаются в ниточку, и он трогает струны. Никогда, нигде, ничего подобного слышать нам не приходилось. В комнате зародился светлый вибрирующий звук. Нет! Сказать «ширился», значит ничего не сказать. Он принялся разворачиваться в спираль, вовлекая в орбиту бессистемный строй, прихотливо разбросанный по октавам. Тканевая основа мелодии набирала мощь, магнитом притягивая новые и новые тона и полтона. Звуковой ряд, обретший стройность и гармонию, взорвался огненным, зажигающим ритмом.

Уже не человек создавал Музыку. Она сама овладела его существом, взяв в пленительные, могучие объятия. Музыка творила Человека, вздымала его к своим вершинам... Его величество Очарование изволили вступить и наполнить собой жалкое, запрятанное в приморской воде жилище. Крайние пацаны, чуравшиеся классической музыки, как черт ладана, искренними кретинами презиравшие ее, считавшие ее моветоном, были проняты до дрожи и потрясены.

Тоска и печаль, сменившие гейзер пламенного веселья, хлестнула кнутом безмерной скорби по бесшабашной шпане, не знающей жизненных потерь, фатальных неудач, страшных провалов. Дохлак, неумеха, не приспособленный ни к чему путевому, расправился с нашими кургузыми душами, как Бог с черепахой, то окуная в феерическую фантазмагорию веселья, то погружая в хаос и пучину отчаяния и беспросветности, то вздымая к пикам просветления и чистоты.

Закончив, дядя Володя священнодействуя положил инструмент на кровать. Герман и я опустошенно молчали, пораженные талантом виртуозного исполнителя. Менее впечатлительный Леха разродился:

— Классно! Отрывной музон!

Перебираю названия, иностранные термины, застрявшие в башке после сотен проглоченных книг. Припомнил: «Мэтр, Маэстро. Так именуют выдающихся творцов».

Без помпы, оваций, торжественного церемониала на побережье и в нашей жизни появился неприкаянный Маэстро.

2

Стремглав мчится колымское лето, прожорливо поглощая скудное время, отпущенное на школьные каникулы. Пашем не покладая рук, точно китайцы на рисовых чеках. Безогцовщина Гошка собирает на японский мотоцикл. Прижимистый, обстоятельный Касьян — на «Прогресс» с «Вихрем». Дюха мечтает о му-

зыкальном суперцентре. Я... В общем, настраиваюсь на мореходку. Из поселка нужно рвать когти, чем скорее, тем лучше.

Многие пацаны на учете в милиции, кое-кто в спецшколах, немало парней постарше в местах не столь отдаленных. Я твердо решил — в криминал ни ногой. И из компании Игоря Рысина я слинял за приверженность вожака к воровству и грабежу. Рысь отступничества не прощает, и я держу ухо востро.

В школе веду себя пристойно, по большинству предметов успеваю на «хорошо». В детстве, проведя около года на больничной койке, пристрастился к книгам и, в отличие от сверстников, много читаю. От бабушки-учительницы в семье осталась большая библиотека. На полках дружно соседствуют Купер и Эмар, Майн Рид и Буссенар, Карл Май и Сабатини, Берроуз и Конан Дойл. От приключений перебрался к литературе посерьезней и втянулся, начал запоем проглатывать книги, игнорируя тупоумно-беспросветное ТВ. Эрудицией не злоупотребляю, давно усвоив, что выделяться опасно. Мы не гимназия, не лицей, и подавляющее большинство одноклассников не подозревает о местонахождении Суэцкого канала и крестят Гарри Трумена рок-звездой.

У семейного очага интеллектуального накала не хватит и на лампочку для карманного фонарика. Мать слезливо горюет над латиноамериканскими драмами, отец предпочитает бокс и футбол. Сестренка оттягивается по мультяшкам, дед «покачнулся» на фронтовой тематике. Торичеллева пустота!

Заработанные несправедливо деньги предусмотрительно меняю на баксы. Поступив в училище на казенный кошт, я не дождусь от родителей ни цента: они ревностные последователи жесткого финансового ограничения.

Зачастую к мушкетерской четверке присоединяется и Витька Сидорин, погоняло Клоп. Шкет на дух не нужен, и я терплю его присутствие, чтобы не конфликтовать с Германом, обожающим опекать молодое поколение. Имеет одноклассник соответствующий пункт.

Одиннадцатилетнего Витьку жаль. Мать неизлечимо больна, сестра мала, близкой родни нет, алиментов не получают. Друг настоял — и парнишка по-сильно подрабатывает для матери и сестренки. В одном мы с Касьяном уперлись, Дюха с Гошкой не сумели нас переубедить — полного пая я ему не плачу. По непроверенным данным благодетели доплачивают Клопу. Бога ради! Человек волен распоряжаться лишними бабками по своему разумению.

Нежданно-негаданно музыкант воспылал пламенной любовью к мальку. Витьку мать научила брэнчать на мандолине, и дядя Володя немилосердно терзает новоявленного ученика.

Я и гитариста привлекал к общественно-полезному труду, органически не выношу трутней-филонов. Суетится, старается интеллигент — и все «мимо денег». Варит тузлук и невзначай опрокинет, шкерит

рыбу и обязательно порежет пальцы, сядет в лодку грести и, словно на заказ, собьет ладони в кровавые мозоли.

— Ни воровать ни караулить! — беззлобно подшучивает Дюха.

Нахлебников, тунеядцев нам не надо, и я возложил на яйцеголового заготовку дров, в душе сильно опасаясь, что в один прекрасный день лесоруб приковыляет на одной ноге, придерживая вторую под мышкой. Засолил ему на зиму три бочки кеты, некондиция, пригодится на черный день.

Никудышный он работник, человек не от мира сего. Бродит в «горячее» время по берегу с мольбертом (упросил меня приобрести и клятвенно заверил в окупаемости вложения средств), взбирается на скалы, лазает по сопкам и рисует, рисует, рисует море.

— Сколько можно малевать одно и то же! — недоумевает Леонид.

— Леша, маринист Айвазовский написал более 6000 полотен на морскую тематику, — возразил знаток. — Море каждую секунду разное, и уловить волшебный миг требует огромного таланта.

«Плакали мои денежки» — вздохнул я про себя сокрушенно и вслух посоветовал рисовать портреты отдыхающих, кишмя кишевших на песке. Художник понимающе улыбнулся.

— Не рви сердце, Дима, этюды со временем выстрелят!

Легко ему говорить, ни кола, ни двора, голь перекатная!

О себе, своем прошлом гитарист не распространяется. С жаром повествует пацанам о выдающихся композиторах и исполнителях. Клоп беззвучно вторит загадочные имена: Ром Лебедев, Иванов-Крамской, Саранезе, Ларичев, Поздняков, Пако де Луиса, Сараэзэ, Гойя, Гомеш. У меня есть определенные планы насчет наставничества дяди Володи. Колымская зима, вошедшая в поговорку, наполовину «мертвый сезон» для рыбалки, и невредно совместить приятное с полезным. Педагог в силах натаскать меня игре на гитаре. Вдруг всплыл в ансамбле училища, не боги горшки обжигают. Я не без способностей, и усидчивости не занимать. В теплый июльский вечер сидим вокруг стола, заставленного бутылками с пепси, соками, пачками печенья, коробками конфет. Андрею сравнялось пятнадцать, и мы в тесном сплоченном кругу отмечаем день рождения. Ратников, к моему удивлению, выпив три бокала специально купленного для него вина, моментально сломался, принялся буровить неусветную чушь и вскоре заснул.

— Алкоголик! — припечатал немногословный Касьян. — Баба с воза — кобыле легче!

В дверь громко стучат, и не дожидаясь приглашения, в балок вваливаются Рысь и пятеро гвардейцев.

— Слава труду! — вставляет шпильку в приветствие предводитель. Вразнобой откликаемся. Незваный гость непринужденно усаживается на скамью, приближенные устраиваются рядом. Он внимательно

озирается, ироничный взгляд упирается в посапывающего на топчане музыканта, и Игорь с мудрой прозорливостью поднимает указательный палец.

Я осведомляюсь:

— Чем обязан?

— Захотелось посмотреть на ваше житье-бытье, — не смущается спортсмен. В магаданской школе бокса готовят не просто чемпионов, еще и людей обтесанных, культурных.

— И как? — продолжаю гнуть свою линию. Рысь неуязвим.

— Убого. Разве только... — он пересекает комнату и со значительным видом изучает гитару. — Шикарная вещь, шедевр, кому принадлежит?

«Знарок» прицеливается языком, ожидая ответа. Я указываю на спящего.

— Бичу? — презрительно оттопыривает нижнюю губу главарь и безапелляционно режет. — Он мне ее продаст!

— Поинтересуйся у него? — примирительно говорю я, сдерживая рвущееся наружу раздражение.

— Он не в состоянии слова молвить! — отмахивается Рысин. — Оставлю бабки ему на опохмелку.

Он с щедростью Креза швыряет на стол несколько купюр.

— Я забираю!

Местные ребята отлично знают источник поступления средств у «солдата удачи». Его шайка ворует у туристов и рыбаков дорогостоящие лодки, палатки, сети, снаряжение, личные вещи. Беззастенчивый хам снимает гитару со стены.

— Не тронь! — советую я распоясавшемуся наглцу. — Инструмент без согласия владельца не продается!

Оборзевший забияка, ожидавший повода, буром прет на рожон.

— Кто мне запретит? — брезгливо любопытствует он.

— Найдутся люди! — без обиняков осаживаю скандалиста. Он гитары из рук не выпускает и демонстративно-деланно оглядывается.

— Где здесь люди? В упор не вижу!

С места начинает подниматься Герман. Промедление чревато потерей авторитета, и я предьявляю зарвавшегося хулигану:

— Мы люди, в отличие от тебя, пан-спортсмен!

— Слышали, пацаны! — с наигранной обидой вопит Рысин. — За оскорбление ответишь, Грач!

Гвардейцы потерянно безмолвствуют. Даже при их скудном интеллекте заметно невооруженным глазом, что я предводителя не обзывал и не клял. Чувствую себя уверенно. Групповая драка исключена, дома и стены помогают.

Делаю два шага вперед. С донельзя обиженным видом подонок вешает инструмент на место.

— Подавитесь, жлобы! Не больно нужно!

Хорошо, хорошо знаю я коварную Рысь и немножко не успеваю. По-звериному изогнувшись, с непос-

тижимой резкостью он, точно молотком, врезает мне под глаз.

— Ох, и фингал будет! — отшатываюсь я с мгновенно промелькнувшей мыслишкой. За плечами солидная база уличных боев, и соревноваться с тренированным драгуном себе дороже.

Чудом перехватываю правый кулак, грозящий своротить скулу, и провожу элементарный бросок через бедро. На земле классический бокс бесполезен, я гада зубами загрызу.

Спустя пару минут дело кончено. Я наставил хищнику фонарей, раскровянил нос и губы.

— Хорош, — мычит жалкое животное. С трудом поднявшись, гонористая тварь форсу не теряет и декларативно грозит: — Мы еще встретимся!

— Зачем ждать! — стерженею я, отбрасываю джентльменские условности, сшибаю скота с ног и яростно обрабатываю пинками. — Довольно, Грач! — гнут сат его приспешники. — Насмерть изучешишь!

— Туда и дорога! — запальчиво ору я. Ожесточение и гнев внезапно спадают. Негоже стратегу уподобляться неистовому берсерку. Повергнутого главаря утаскивают дружки. За последствия избиения я спокоен, подонок жаловаться не пойдет. В противном случае его моментально «поставят на лыжи» и спровадят.

Печально разглядываю раскрашенную физиономию. Батя — мужик жесткий, и не исключена головомойка. Привычно анализирую происшедшее. Почему я впрягся за опустившегося ханурика? Честно говоря, считаю в какой-то мере инструмент своей собственностью и ни с кем не желаю делиться. Во-вторых, мой дом — моя крепость, и отступить перед оскогиневшим мерзавцем в своей вотчине — преступное малодушие и стратегическая ошибка.

С другой стороны, дядя Володя не расстанется с любимицей двадцать лет. Неужто я пожалел никчемного люмпена без флага и Родины, у которого единственная ценность — гитара? Странно! «Сентиментальный морской волк!» звучит не слишком убедительно и отдает забытыми лориганом и опольдеком. Прикинем итог. В активе отлупленная и посрамленная Рысь, подтверждение авторитета лидера. В пассиве — вырытый томагавк и вступление на тропу войны с подлым хищником, не брезгующим ничем, не смотря на кодекс чести спортсменов.

Зарядили затяжные, нудные августовские дожди. Из разбухших речек нанесло коряг, вывороченных стволов, подмытых пней. Остерегаясь за сети, мы прекратили рыбалку. Беспечного гитариста, словно несмысленшпа, не кольшет приближающаяся зима. Свободное время без остатка он отдает Клопу.

Бывший колымчанин заблаговременно думает о будущих холодах, и мне приходится твердо вмешаться в занятия музыкального кружка, растолковать беспечному растяпе прелесть буйных ветров, неумных снегопадов, промозглой стужи. Перекрыли, залили битумом крышу, законопатили, обшили рубероидом сте-

ны. Дюха приволок провод и монтерские когти. Мы втихушку подключились к энерголинии дачного поселка. Касьян соорудил два мощных «козла».

Встала немаловажная проблема с дровами. На плавник надежда бесперспективна, поднять его в гору нам не под силу. Где раздобыть топливо — известно, завозка в тракторе. С помощью автомашины дрова не вывезти, она просто-напросто не осилит бездорожья.

Приходится идти на поклон к Романтику. Отец Романа, дядя Коля, мужик не жадный, отзывчивый и многих выручает. Правда и то, что Николай Вадимович считает бичей людьми пустыми и ради них палец о палец не ударит. Для него бомж и человек искусства — два сапога пара, олухи, скроенные на одну колючку.

— Ромка, будь человеком, выручи! Замерзнет зимой мужик без дров, — ввожу я кента в курс дела.

— Я не против, — мнется понимающий кореш. — Вдруг отец пронюхает — пришибет!

— Романтик! — заклиная я. — Откажешь ты, к кому обращаться!

— Ладно, — решается приятель. — Стырим старый прицеп с мехдвора, и ночью я отбуксирую его в лес, к старой, заброшенной пилораме. За день закидаете сепарацию, и, как стемнеет, отволоку прицеп объездными дорогами в поселок.

— Не имей сто рублей... — благодарно жму я пятерню самодеятельного механизатора. Он лукаво подмигивает.

3

Вплотную подкрадываюсь к добротной, ухоженной даче и замираю, услышав голоса на веранде:

— Нет, нет, Владимир Степанович! Так дело не пойдет, забудь о прошлом годе. Надо жить сегодняшним днем — и нечего пенять на вчерашнее.

По характерной хрипотце мигом распознаю знаменитого на всю округу рыбинспектора Толю Резаного. «Резаным» неподкупного, принципиального радетеля государственных интересов прозвали за кривой устрашающий шрам через щеку, от носа до скулы. Недоброжелатели утверждают, что рваная борозда на лице получена по пьяной лавочке, вопреки официальной версии о ране, нанесенной служивому человеку при исполнении. Попробуй проверь!

Собеседник невразумительно возражает, и я поднимаюсь над изгородью, силясь рассмотреть присутствующих. Их трое. Соратника Резаного, Виктора Васильевича Лаврова, на побережье тоже знают не понаслышке. На пару с коллегой он принес немало хлопот и горя нарушителям. Лавруха с отсутствующим видом сидит за столом и небрежно ковыряет вилкой в сковороде.

Свирепый сторожевой пес хозяев пока и не пикнул, недаром смекалистый Дюха прикармливал втихую злющего ротвейлера, вот и пригодилось. Кто бы мог подумать! Три дня назад, проявив преступную халатность, я проворонил прекрасную сеть. В нашу

вахту (дежурили с Андреем) я непростительно задремал и поплатился орудием лова. И оторваться не на ком! Кого бранить, склонять, если самолично виноват по всем статьям.

Моторная лодка рыбоохраны призраком скользнула в укромную бухту. Японский «Судзуки» еле пришепывал, как соседская бабушка Лида, лишившаяся по старости зубов. Двигавшийся на «малом газу» «Прогресс» тащил за собой «кошку» — крюк на шнуре, бульдогом цеплявшийся за незаконно выставленные порядки. Я не успел предпринять контрмер. Над водой гулко раздался отчетливый, бесстрастный возглас:

— Есть контакт!

Моторка застопорила ход, фал подтянули и рекувизировали добычливую красавицу.

До боли, до зубового скрежета обидно за детище, связанное собственными руками. Засвечено удачно выбранное место, притоплен безотказный японский блочок. Все накрылось, пошло прахом из-за моего рожеяства.

Флегматичный Леха взбешенно рычал:

— Спалить пост к чертям собачьим и концы в воду!

Благонамеренный Дюха протестующе мотал башкой, не скрывал отвращения к экстремистской деятельности благоразумный Герман. И я не собирался напрямую конфликтовать с законом, испытывать его терпение. Есть иные пути и способы выправить положение.

Сеть сняли лютые «временщики» — внештатные инспектора. По непонятной причине они наиболее рьяные, добросовестные, усердные сотрудники. Возможно, оттого, что не в штате, «сезонники» тянут службу не за страх, надеясь постоянно устроиться на хлебную синекуру. Работа рискованная, опасная, тем не менее, волонтеров достаточно, даже с избытком.

Промедлей весной оперативники на отличном японском джипе вплотную прижали нас к отвесной скале. Побросав мешки с селедкой, пришлось штурмом брать неприступный утес. Игра стоила свеч! Штраф за одну весеннюю селедину 52 штуки. В килограмме 5—6 селедок, плюс конфискация лодки и рыболовных принадлежностей, плюс 78 штук административного взыскания, итого 400000 рубчиков. Под угрозой подобного расклада и на ошкуренный столб взметнешься наскипидаренным котом.

В начале лета я навестил Дядю по матери, вкалывающего на СТР. Валентин Трофимович криво ухмыльнулся на мои сетования:

«Взяли в мае хороший замет тонн на шестьдесят. Повозили, повозили, сдачи нет. Плавабы перегружены, рыбзаводы ликвидированы, сельдь начала тухнуть. Капитан принял вынужденное решение — «смайнять» рыбу за борт, так и трудимся. Тем временем в русской глубинке забыли не только вкус, запах ее, но и облик».

Значит я, родившийся и выросший у моря, не вправе наловить мешок селедки, а государственным раз-

долбаям позволительно гноить, топить, гробить выделенную квоту. Сильная арифметика у рыбоохраны, не вникнуть простому человеку.

К забору подползает Дюха:

— Пролет, Грач, сарай заперт.

Я лелеял надежду, что хозяева, находясь дома и полагаясь всецело на злобного кобеля, ослабят бдительность и не станут прикрывать пристройку с конфискованным имуществом. Призрачный шанс восстановить «статус кво» испарился.

Через два часа полный прилив. Лодки инспекции, вытасканные на «осушку», всплывут, и недремлющие слуги закона отправятся вершить суд и расправу. Остается последнее, ничтожное — напакостить, подстроить подлянку принципиальным поборникам, ратующим за честную рыбалку, не доводя дела до открытого криминала.

— Дюха, — склоняюсь я к уху дружка. — Пробрись к лодкам и долей из питьевого анкерка воды в топливные бачки и канистры с бензином. Пусть гады помучаются с движками.

Товарищ утробно хмыкает и растворяется в темноте.

Остаюсь у веранды, чтобы оповестить в случае необходимости приятеля, проследить за казенными людьми. Мое внимание произвольно привлекает разговор угощающихся за щедро накрытым столом мужчин. Третий собеседник, невзрачный, худосочный тип, мне не знаком, явно залетный.

— Так мы их тепленькими и взяли, — громогласно бахвалится Лавруха. — Зависли на «вертушке», прижали, как зайцев, воздушной струей от винтов, выпрыгнули и похватали. Двое, правда, уткнулись, да и то сказать. Куда им, родненьким, податься в глухой тайге без снаряжения. Спустили три дня, поскитавшись, прибыли на пост с повинной.

Он раскатисто ржет, незнакомец угожливо подхихкивает.

Резаный сохраняет величавое спокойствие, наливает в стакан из бутылки, не приглашая сотрапезников, пьет. Старый колымский обычай: наливай себе сам сколько и когда угодно! Гость не торопится причаститься, терпеливо ждет, пока инспектор закусит. Наконец он с вездливой вкрадчивостью осведомляется:

— Может, скостим?

— Настырный ты, Степаныч, как сибирский раскольник! — клеймит докучливого собеседника рыбоохранник. — Не хочешь уяснить очевидную истину — делиться необходимо. Не я запустил механизм в действие, не мне приостанавливать его, регулировать таксу!

Упертый приезжий уныло вперивается в угол и смешно шевелит губами, производя замысловатые подсчеты.

Лавров самодовольно ухмыляется и поддевает вилкой кусок колбасы.

— Оставь надежду всяк сюда входящий! — зако-

выристо цитирует он.

Обогнув угол, бесшумной тенью вылетает пикап «Ниссан» и ярко освещает фарами кромку берега, лодки, суетящегося у кормы «Прогресса» корешка. Уворачиваясь от слепящего, неумолимого луча, дружок плашмя ныряет под моторку. Автомобиль тормозит у калитки, из кабины не спеша вылазят двое мужчин. Пронесло. Водитель с пассажиром не заметили Андрея.

Увлечшись, я вторично совершаю зевок и пропускаю прибытие двух моторных лодок, безмолвными привидениями всплывших в темноте. Черт подери корсольных, островных соседей, заполонивших побережье безотказной, бесшумной, сверхнадежной техникой. Когда-нибудь мы влипнем, пойманные не проворными, скорыми на ногу операми, а взятые в полчищем с помощью «ноу хау» узкоглазых, не в меру изобретательных япошек.

Натужно скребут днищами по песку вытаскиваемые моторки. Четыре человека, оживленно разговаривая, скрипят ступенями крыльца. Прибывшие уstraиваются у стола, выпивают «с устатку», торопливо насыщаются.

— Скорее, скорее! — канючит, стоит над душой понтовитый толстячок, рьяно корчащий из себя начальство. Лавруха с Резаным производят впечатление людей, абсолютно индифферентных к происходящему. Они прекратили разговор с приезжим и тактично не вмешиваются в базар коллег.

Поев, мужчины дружно закуривают.

— Виктор Степанович! — обращается к Лаврову прибывший и протягивает несколько листов бумаги. — Здесь три протокола на нарушителей, в лодке изъяты сети.

Лавруха благосклонно кивает. Мужчины сноровисто перетаскивают в пикап молочные бидоны с икрой, я сардонически кривлюсь.

Да, налицо солидная постанова, размах. Восемь бидонов — 300 килограммов чистого продукта. Четыре дня напряженной работы — и тонна с лишком готова. На побережье браконьерят под прикрытием инспекторов нахрапистые хапуги, безбоязненно шкерят кету. Параллельно бдительные, неподкупные оперативники кладут животы в борьбе с потерявшими стыд и совесть одиночками, ведущими хищнический вылов «красной рыбы», с теми, кто не имеет «крыши».

— Утром подскочим! — извещает Лавруху деятельный толстячок и прощается «по ручкам». Резаный сидит «не при делах», и не ясно: то ли он заснул, то ли погрузился в прорастию, то ли медитирует на манер тибетских лам.

Шустрым налимом скользит вдоль изгороди Андрей.

— Едва не засыпался, — переводит он дух. — Думал, хана. Там в «Прогрессе» сети...

— Тссс! — останавливаю друга. — Я в курсе. Осторожно вытаски их, скройлай, свяжи. Скоро приду.

Понятливый Дюха по-змеиному струится вдоль

забора, возвращаясь к моторкам.

— Грехи наши тяжкие! — со вздохом роняет резонер Лавров и плещет в стакан на три пальца. — Через часок двинем, Толя.

Неуклюже повернувшись всем телом, напарник соглашается.

Кочевряжешемуся гостю подан прозрачный намек на отпущенное для свертывания переговоров время, и неизбежность форсажа нависает над ним. Ехидный Лавруха, не ощущающий остроты и прелести жизни без подначки, верен себе:

— Степаныч, «выпей с горя, где же кружка? Сердцу станет веселей»!

Незнакомец обиженно косоротится. Резаный невозмутим, будто Древний Пеликен, выставленный в городском музее.

— Значит, по прошлому не покажут! — сокрушено констатирует загнанная в дейтнот сторона.

Коллеги по неумолимой борьбе с попирающими нравственные законы браконьерами не устаивают твердолобого делая отвегом.

— Виктор, поставь чайку, — обращается к напарнику Резаный. Тот встает и направляется к электроплите.

— Может, баксами? — осмеливается предложить художочный бизнесмен.

— Нет! — отмахивается инспектор. — Год и марку укажу особо. Съездишь, привезешь, заплатишь таможене, оформишь — и в расчете.

— Тут разброс, вилка цен выходит, — противится делец.

— Тебе и карты в руки! — наставляет рыбоохранник. — Работай интенсивнее, реализовывай выгодней, меньше баклань.

— По рукам! — вымученно выдавливает загнанный в угол клиент.

— Ну и ладненько! — бодро благословляет капитулировавшего предпринимателя Лавров. — При твоих дивидендах плакаться о «Тойоте» не солидно.

Степаныч надсадно чихает, точно нюхнул добрую понюшку.

Мокрые от пота и воды, окатывающей нас с невыжатых сетей, мы лупим во все лопатки по распадку. В голове, не ослабевая, надоедливо стучит завистливая мысль: «Так делаются серьезные дела!»

4

Вымогатели сверлят уничтожающими взглядами: — Иностранные лекарства стоят прорву денег, не жмись!

— Мы и так отстегиваем ему незаработанное! — возмущаюсь я.

Набывчившийся Касьян согласно кивает.

— Бабки нужны не на мороженое! — бросает в лицо приятель.

«Герман, Герман! — мысленно обращаюсь я к другу. — Рано, браток, рвешься в атаманы, зарабатываешь очки на филантропии». Тру тыльной стороной

ладони щеку и небрежно вопрошаю:

— Сколько?

— По пять с каждого! — чеканит Андрей. Невольно морщусь и подтверждаю согласие.

— Двадцать литров за раз! — охает ошарашенный Леха и раздосадованно от души матерится. Наткнувшись на мой предостерегающий взгляд, корефан смиряется:

— Лады!

Оппозиционеры не желают принимать в расчет попорченные нервы, страх попасться милиционерам, пограничникам, инспекторам. Не время для разногласий и «разбора полетов». Предусмотрительный полководец не всегда выигрывает сражение, наступая, иногда целесообразнее отступить.

Конец августа, и рачительные предки припахали на полевые работы. У нас картошка-скороспелка, и мы копаем раньше других.

Еле пережил родительский диктат. По ночам уматный подход кижуча, изголодавшийся краб приступом берет ловушки, огромный ерш остервенело атакует блесну, деликатесный палтус рвет без разбора наживу. «Жаба давит» неимоверно. Пиастры уплывают из рук, и ничего не поделаешь. Бьюсь на огороде, как немец на Курской дуге. Быстрее, быстрее закончить и послать...

Не разгадав причины, отец, пронятый моим неистовым усердием, попадает пальцем в небо:

— Дурь потихоньку выходит, взрослеешь.

Недоверчивая матушка, опасаяющаяся странных, необъяснимых явлений, более скептична:

— Да он, небось, отлупил кого или спер. Не сегодня завтра участковый заявится. К Романовым за Мишкой ночью наведывались!

Вот и родительское благословение. Умри на трудовом фронте от перенапряжения, и благодарные предки констатируют, что очурился страдалец, лежа под кустом от солнечного удара.

По вечерам привычно забегаю на фазенду проводить музыканта. Он привлекает меня контрастом с прагматичными обитателями поселка, считающими чужака никудышной пустельгой. Гвоздя не забьет, топор из рук валится, с ножовкой на «вы», поесть толком не стоговит, сеть не свяжет, валенка не подошьет, огород не вспашет. Одно слово — интеллигенция.

Трудно доказать закоснелым ортодоксам пользу современных писателей, художников, музыкантов. Бьешь на осязаемое, конкретное, распинаешься перед замшелыми консерваторами без толку, проваливаешься в пустоту полнейшего неприятия. Даже размеры гонораров неубедительны и не впечатляют.

Попробуйте вдолбить очевидное моему деду, демонстративно покидающему дом, когда я врубаю «тяжелый металл». Надутый старый сыч восседает на завалинке со смертельно оскорбленным видом — «Вихри враждебные» ему подавай. Мать грозит поленом и обещает разломать «Сонни». Хлебнешь горя с подоб-

ной дремучей темнотой. Где свобода личности, демократия, право на изъявление собственного мнения?!

Ратников — представитель иного мира, любопытно послушать его суждения, оспорить или разделить взгляды на представляющие интерес проблемы. Наши посиделки порой длятся за полночь, благо родители относятся снисходительно к времени возвращения. В один из вечеров, заканчивая играть, Гитарист делает несколько виртуозных пассажей, и Леха наивно восклицает:

— Где вы так здорово наострились шпарить, дядя Володя?

Я сижу на скамье, курю и внимательно наблюдаю за реакцией музыканта, примостившегося, по обыкновению, напротив печки. Огни из неплотно прикрытой дверцы освещают на линзах очков, Маэстро не торопится с ответом. Наконец, глубоко вздохнув, объясняет:

— Десять лет не расставался с гитарой, ел, пил, гулял, спал с ней. Ни шагу без инструмента, постепенно приучал его, ставил технику, овладевал секретами.

— Десять лет, — пробует на зуб Касьян. — Ума не двинешь.

— Вы исполняли современную музыку? — осведомляется Дюха.

— Нет, Андрей, — отрешивается Хозяин. — Я «классик», и не «лабал» в ВИА и рок-группах. «Тяжелый металл», техно, рэп, рок — бесовщина. Они оболванивают, отвлекая от самое музыки, навязывают установки на примитивные тексты, акцентируют, заостряют восприятие на голом ритме. Выхоленная стряпня наводит смуту, заставляет подсознание выливаться в агрессивных проявлениях!

Страстный поборник симфоний и рапсодий выпаливает гневную тираду на едином дыхании. Непривычно видеть его возбужденным и распаленным по пустяковому, на мой взгляд, поводу.

Дров в топку разговора подбрасывает привязчивый Леха:

— Вы концерты давали?

Мэтр отстраняется на минуту от происходящего и, спохватившись, подтверждает:

— Работал в Московском и, естественно, играл.

Подключаюсь я:

— Заколачивали, небось, капитально?

Интервьюируемый иронически усмехается:

— Сказки, Дима! В Советском Союзе музыканты прилично не зарабатывали, сводили концы с концами.

«Брешет, кривит душой московский гость», — делаю вывод для себя, вслух не высказывая личного мнения.

В беседу вступает Гошка. Его постоянно тянет на откровения:

— Дядя Володя, как вы, человек творческий, одаренный, очутились здесь, в глубокой провинции? С какой целью?

— Собрал остатки денег, купил билет, — ни на

секунду не задумываясь, вещает путешественник, — и оказался тут. А искал? Искал я покоя, умиротворения. Хотел отдышаться, о многом подумать.

— Удалось? — не отстает Герман.

— Время покажет, — темнит новоявленный Мессия.

«Дружок, Герка, — сочувствую я про себя дотошному правдоискателю. — С подобными психологическими выкрутасами быть тебе предводителем в «желтом доме». Бери на худой конец пример с Касьяна».

Лучше вернуться к прозе жизни, и я грубо, на грани фола цепляю за живое вояжера:

— На что думали жить, дядя Володя?

Чудик прощупывает меня сквозь затемненные линзы и откровенничает:

— Надеюсь на добрых людей, Русь всегда изобиловала ими.

Я и Леонид очумело таращимся на блаженного: «Это ж надо!» Даже гуманисты отключили ошеломленно челюсти и застыли китайскими болванчиками, недоумевая — не то плакать, не то смеяться. Завернула творческая личность — и не разогнешь.

«Да не встретиться на твоём пути мы, не замкнувшиеся на себя, пацаны, и гореть тебе синим огнем, околевать с голода!» — едва не вырывается у меня. Сдерживаю порыв и мудро помалкиваю. При необходимости стратег позволяет коллективу высказать суетные мысли, держа ситуацию на порфоре.

Восхищенно пялятся на кумира Клоп, чучело гороховое. Озадаченные проповедями музыканта, ребята не выказывают особого стремления продолжить расспросы, и разговор умирает, словно костер, окаченный ведром воды. По дороге домой народ пришибленно переваривает откровения столичного праздногохода, лишь неутомонный Лешка дурашливо ухает филином:

— У-у-у-ух,.....ля!

Суточные краболовки на бухте Светлой сняли с богатой добычей. На полу комнаты восемь мешков, доверху забитых членистоногими. Хозяин фанзы с открытым ртом дивится на щедрый улов. Дюха в закопченном баке варит крабов, красная гора их высится на столе. Я, Герман, Клоп, музыкант извлекаем мясо из лап и клешней. Усердный, дотошный Касьян укладывает продукт в банки, проводит термообработку и закатку. Фарт знатный, работа спорится, а на душе мутрно, кошки скребут по нагаженному. Сегодня после занятий по требованию Андрея вышли из школьного автобуса за две остановки и пошлепали пехом. Гошка, не рассусоливая, принялся за привычную бодягу:

— Неделя занятий минула, тем не менее Клоп не посещает школу. У него нет сносной одежды, сестренка раздета-разута, зима впереди. У матери снова ухудшение. (Я сразу сообразил куда ветер дует!) Предлагаю скинуться мальчишке, — выдал на гора благодетель. Немедленно впрягся Дюха, филантроп:

— Надо помочь, без базара!

Леха не столь бестолков, как считает компания, когда дело доходит до жизненно важных интересов — моя школа!

— Месяц назад отслонявливали двадцать литров икры, переведите в тугрики!

«Молодчина, Лешка!» Я с ним солидаризируюсь и подхватываю:

— Кормим его, поим на котловые деньги. Куда он заработанное девал?

— Все на лекарства, медобслужу, питание уходит. Мать практически при смерти. Я каждый день захожу, — талдычит приятель.

— Да скорей бы она...! — свирепею я. — Наши подачки, как мертвому припарки. Мы не горсобес! С формой малоимущим обязана школа помогать. Мы Бога за бороду не держим, я деньги в... (елы-палы, еда не сболтнул про баксы).

— Это было давно и неправда, — на манер Жванецкого саркастически подчеркивает Герка. — Сейчас никому не помогают.

— Почему мы должны! — резонно замечает умница Касьянов.

— Мы люди! — патриотическим петухом взрывается положительный Дюха. — Ты, Грач, Рысь избил за слово «люди».

Прикидываю так и эдак. Игоря Рысина я отрубил не совсем из-за унижения человеческого достоинства, мог, сочтя обстановку неблагоприятной, пережить оскорбление.

Наотрез отказать — и моя песенка спета. У отца Андрея мощная моторка, мотоцикл-амфибия, находящаяся в безраздельном владении наследника. Касьяна, куда ни шло, простят, сорвав солидную мзду на болящую матушку Сидорина, меня — ни за какие коврижки. Зимний крабовый сезон для меня потеряян. Без поддержки друзей банда Рысина станет рихтовать слугу покорного ежемесячно. Товарищи без меня не пропадут, вот я?

«Лучше оставить на поле боя свой меч, нежели голову», — изрек в седой древности некий мудрец и дал тягу с ристалища. Последуем примеру предусмотрительных предтеч.

— Поддержим, — вяло выдавливаю я и кидаю косяка на Леху.

— Не дам! — хладнокровно упирается кент и сдвинуть его с занятых позиций не легче, чем голыми руками вывернуть бульжник из брусчатки. Терять его было нельзя, без Леонида мне не выдюжить. Придется искать компромисс.

— Встречаемся в 15 часов, — напутствую я альтруистов. Полчаса затрачиваю на вдалбливание твердолобому тугодуму очевидного.

Пашем сегодня на сопляка Клопа, нищую сестренку, больную мать. Мы, соответственно, получим долю, увы, она будет значительно урезана. Погруженный в сумрачные мысли, выполняя скучную, монотонную работу автоматически, я пропускаю прибытие незваных гостей и запоздало реагирую на гром-

кий, пьяный голос:

— Ты?

— Да, я хозяин, — отвечает гитарист.

Посредине комнаты стоят поселковые взрослые парни Рич и Крот. У каждого отсидка «по малолетке», и они уверенно и целенаправленно стремятся ко второй.

— Возьмешь подвесные моторы на хранение, через неделю заберем. Пара фляндеров с нас! — приказывает верзила Крот.

— Нет, парни! — наотрез отмежевывается дядя Володя. — Склада ворованных вещей мне не нужно!

— Мы не задаром, Рассчитаемся, — втолковывают недалекому мужику приблатненные урки. Локтем пихаю Гошку, указываю на гитару, выставленную точно напоказ, и дверь на улицу.

— Мне ничего не надо, — отнекивается музыкант, привычно поправляя указательным пальцем сползающие на нос очки. — Я хочу спать спокойно! Проворачивайте дела без меня и не упоминайте о содеянном.

Отповедь не по нраву братьям-разбойникам.

— Смотри, Крот, какой праведник выискался, — косоротится Рич.

— Батя, не испытывай терпения. Я тебя спалю к чертям собачьим и пепел над морем развею; гнида!

— Воля ваша, — стоически произносит меланхоличный непротивленец. — Жгите.

Я не успеваю вмешаться.

— Наша, сука, наша! — брызжет слюной психоватый Рич и отточенным ударом в переносицу отправляет «толстовца» в нокаут.

— Рич! — окликаю я. Белые от ярости глаза тормятся на мне, в углах губ пузырится пена.

— Грачонок, с кем водишь дружбу! — огорчается за меня доброжелатель. — Он, падла, вложит вас рыбоохране, поймет Иудины серебрянники, и сторгите, как Лазо в топке!

— Рич! — повторяю я. — Ты на нашей базе — и не угрожай ей спалить. Я схожу к братану и сообщу о твоём беспределе. Мужик — сторож, увечить его не позволим.

— Ути-ути, крутой молодняк поднимается, Крот! — куражится и гнет пальцы негодяй. — Есть повыше и пошире твоего братухи...

Трения прерывает более трезвый напарник:

— Пошли, работы невпроворот, времени в обрез! — Кротов «тянул» с двоюродным братом срок в хабаровской зоне и против обострения отношений.

Приводим в чувство дядю Володю, Клоп осторожно обмывает ему лицо. Имеется в хилом теле стержень, не срейфил, не изменил принципам гитарист. Со двора заскакивает разъяренный, трясущийся от ненависти Герман:

— Рысь навел парней, я его метрах в тридцати от фазенды видел!

Злобный, мстительный хищник подлечил, зализал раны и показывает безжалостные клыки.

— Были бы мы постарше, — огорченно бормочет

Дюха.

Подрастем!

5

Без стука вваливаемся в грязную, захлавленную комнату барака, где обитают наши негодяи Поплавков и Кедровка. В помещении дым коромыслом. В компании с пирующими хозяевами пристроились халывщики: замурзанная, спитая бабенка под сорок и потасканный исковерканный жизненными невзгодами прохвост неопределенного возраста. Изрядно подвыпившая гостья повергает в изумление реакций. При виде нас она мгновенно вцепляется в стоящий перед ней стакан с дешевым пойлом и лихо опрокидывает в чрево.

— Здравствуйте! — раздельно говорю я и подхожу вплотную.

— Мальчишки! — незамедлительно ударяется в тоскливый вой и непрерывные причитания тетя Маша. — Горе, такое горе! — Она трет замусоленной тряпкой покрасневшие не то от слез, не то от бесконечных возлияний глаза.

Супруг, чуждый бабским слабостям, чинно, благопристойно молчит. Леха хладнокровно подхватывает початую и неоткрытую бутылки, сливает вино из стаканов в ковшик и ставит его на полку. Разговаривать будем всухую.

— Отняли бандиты треклятые, чума их заведи, и рыбу, и деньги! — заливаешься крокодиловыми слезами хозяйка.

— И в знак всемирной скорби вы завываете горе веревочкой, — констатирую я.

— Библи! Терзали! Вот! — Кедровка демонстрирует внушительный бланш под глазом и тербит слуханные, немые, седые космы, наглядно показывая, с какого бока ее таскали за виски.

— Где продавали? — сухо спрашиваю я.

Торговка воровато кидает косяка на мужа и отвечает расплывчато:

— Везде.

— Ожесточились сердца людские, — смиренно объясняет непонятно кому начитанный, нахватавший верхов Поплавков. — Корыстолюбие, Зависть, Жестокость завладели душами людскими.

— Отец Евлампий, ближе к делу! — озлобленно прерывает проповедника негодующий Касьян. — Хорошо травить баланду!

— Тетя Маша, выручку и расчет немедленно! — требую я.

Беда наша и основная проблема — сбыт. Нехватка времени, отдаленность поселка от центра, нежелание попадать на глаза родным и знакомым не позволяют реализовывать пойманную рыбу лично. Перевелись надежные торговцы на нашей окраине. Приходится иметь дело с выжигами, проходимцами, лгунами, пьяню, отребьем.

Надутая, зареванная Кедровка раскрывает обшарпанный ридикюль, лежащий на коленях, и подает пач-

ку купюр, завернутую в газетный обрывок. Леонид мельком пересчитывает содержимое.

— Все? — зловеще осведомляется приятель. Деньги — слабое место дружка, и он приходит в бешенство, сатанеет, когда бесосновательно покушаются на его законную долю.

— Все, миленькие сыночки мои, все до копеечки! Пытали, терзали изверги! Я, мать ваша, рази позволю обмануть детей...

— О родстве в следующий раз, — рекомендую я настойчиво навязывающейся в предки тете Маше.

— 420 штук, — информирует меня Леха.

Давненько нас так лихо не «обували» за пятьдесят килограммов крупной, отборной корюшки вместо миллиона — четыреста тысяч.

— Где торговали? — повторяю вопрос. — Я выделил вам деньги на машину и на оплату места и права продажи. Почему Леха не видел вас в «Сигме»?

— В крытом рынке плохо брали и мы перешли в гастроном, — плаксиво лепечет Кедровка. — Пристали «ркететы», стали вымогать деньги. Я не отдавала, начали издеваться, отняли рыбу, избил меня и Мишу.

Поплавков достойно подтверждает сказанное утвердительным кивком. Его стоически библейский вид явственно удостоверяет: пострадал раб Божий, но не рошчет, не корит судьбу. Смирился.

Поведанное слишком достоверно, чтобы быть правдой. Года три-четыре назад данная версия прокатила бы «на ура», сейчас нет. Самостийные, самозванные взыматели дани — баскаки прижали хвосты, и произвол поутих. Крутые хлопцы работают организованно, и вряд ли кто будет связываться с никчемными стариками.

— Больше ни в жизнь не возьмусь! — истошно завывает страдальца. — Страху натерпелась, не приведи Господь!

Элементарно врет тетя Маша. Пропившись, будет караулить нас на улице и умолять предоставить возможность подработать.

— Парни, поймите совесть! — прорывается значительный, внушительный бас у невзрачного, порепанного собутельника. — Бабушка с дедушкой за вашу рыбу муки приняли, едва остатками здоровья не полатились!

Лешка резким пинком вышибает табурет из-под заступника, и адвокат грузно шлепается на пол.

— Не впрягайся! — грозит пальцем товарищ. Непрошенный защитник привычно обхватывает бабку руками, ожидая экзекуции. Его пассия набирает полную грудь воздуха, чтобы возопить: «Убивают!» Касьян тыкает пятерней в горло, и она, не успев разразиться кликушеским ревом, поперхнувшись, закатывается в кашле.

Досконально обшариваем присутствующих и с трудом отыскиваем 60 закуркованных тысяч. Заявляющийся Герман с Дюхой. После двухчасовых угроз, уговоров, увещаний и гуманисты убеждаются, что все глухо, как в танке, и бабок след простыл. Разъярен-

ный Леонид предлагает применить третью степень убеждения, оппозиция категорически против. Провозившись сутки в ледяной октябрьской воде, мы не досчитываемся полмиллиона кровных. Веселое дело! Гошка с Андреем берут с нас слово не расправляться с «бедолагами», и расстаемся на улице.

Я и Касьян не столь легковверны, и мы договариваемся понаблюдать за баракком. Через час, подозрительно оглядываясь, из дверей выныривает долгожданный гонец и направляется курсом на киоск. Взятый с поличным, горемычный пьяница молчит на допросе с пристрастием, как партизан в гестапо, и после реквизиции 50 штук, накомтыляв халявщику, мы разворачиваем его в противоположную от хаты негоциантов сторону. Спустя сорок минут на улицу выскакивает старая знакомая — цустряка, разбитная бабенка делает по поселку круг и, не отыскав посланца, шмыгает в барак. Промороженные, словно бройлеры в холодильнике, мы клацаем зубами и отупело выжидаем финальной части трагикомедии. Даже сверхвыдержанный Леха близок к капитуляции и склоняет меня к расправе и рукоприкладству.

Святая троица покидает убежище около семи вечера. Впереди на манер истребителя боевого охранения, барражирует пространство бойкая пьянчужка, сзади, тихходными бомбардировщиками, тащится семейная пара. Чета вопреки логическим выкладкам минует ларек и неспеша телепается по улице. В поведении объектов имеется некоторая неестественность, которую не могу разгадать. Напряженно обдумывая несоответствие в облике, повадках подозреваемых. Вдруг озаряет, и делюсь с приятелем:

— Почему тросточку Поплавка несет жена?

Товарищ неопределенно морщится. Фланирующие супруги по второму заходу заворачивают за киоск и я команду партнеру:

— Вперед!

Вихрем влетаем во двор торговой точки. Кедровка обстоятельно откручивает набалдашник трости, намереваясь извлечь присвоенные деньги. Резко выхватываю палку и передаю компаньону. Он вынимает и пересчитывает ассигнации:

— 440 тысяч!

Ошарашенные, преклонных лет ворихки бояливо дупятся на невесть откуды взявшуюся шпану. Резвая бабенка, опасаясь взбучки, стремительно сигает наутек.

— Задать бы вам трепку, рук марать не хочется! — милует жуликов корешок. — Брысь отсюда!

Он испытывающе смотрит мне в глаза и мямлит стылыми, непослушными губами:

— Пополам?

К чему играть в неуместное благородство?

— Пополам!

Полной грудью вдыхаю свежий прохладный воздух, терпко отдающий морем, сладковатым запахом тронутых гленом водорослей. Промороженный песок плотно ложится под ногами, изредка подламываясь

корочкой. Здорово пройтись по берегу, припорошенному блестящими снежной крупы, прокатиться по молодому ледку, гибко прогибающемуся, пружинящему. Выбрав более дальнюю дорожку к базе, я наслаждаюсь неторопливой прогулкой, возможностью побыть наедине с собой, подумать над тем, что откладываешь на потом в повседневной текучке.

Приблизившись к оврагу, по которому намереваюсь подняться к фазенде, внезапно замечаю двоих подручных из компании Рыси, внимательно рассматривающих дачу. Незамеченный, прикрытый от наблюдателей зарослями тальника, долго слежу за незваными гостями. Спустя полчаса соглядатаи, посоветовавшись, сваливают. Настроение портится. Посланцы злопамятного, мстительного Рысина с добром не придут, наверняка затевают каверзу.

Через два дня ко мне обращается Клоп и подтверждает смутные подозрения. Он дважды за последнюю неделю встречал дружков «пана спортсмена», шныряющих возле хибары, разнохивающих.

Прикидываю возможные варианты. Устраивать набег на базу бессмысленно, там нет лодок, снаряжения, ценностей. Отловить кого-то из нас и избить — глупо. Поселок не настолько большой, и возмездие неотвратимо. Промысел закончен, и доносы в инспекцию смехотворны, они не скомпрометируют нас.

В голову приходит наиболее простое и эффективное. Коварный предводитель воровской шайки принял действенное решение уничтожить домишко. Расследование по факту поджога незаконного строения никто и вести не будет. От собаки дядя Володя отказался, и предупредить его о непрошенных визитерах некому. Дежурить каждую ночь утомительно, бесперспективно, угнетающе. Действовать на опережение неблагоразумно. У нас ни фактов, ни улики, одни безосновательные предположения.

Проводим с парнями военный совет и принимаем вердикт усилить бдительность и поискать нейтральных свидетелей, сумевших бы прояснить странные обстоятельства. Рэмбо — главный приспешник хулигана-боккера позавчера одолжил у одноклассника двадцатилитровую канистру с бензином. По здравому рассуждению, в конце октября горячее — как зайцу стоп-сигнал.

— Без бытовой надобности! — фиксирую я нажимом голоса внимание товарищей на важной детали. — Тем не менее, имеются надобности криминальные!

Пассивно ждать изо дня в день «красного петуха» невеселое, тягостное занятие. На досуге проигрываю варианты провокации противника на форсирование событий.

Его величество случай не замедлил представить. На будущей неделе в школе намечается платная экскурсия на курорт «Талая» сроком на два дня, и мы втроем — Андрей, Леонид и я — записываемся у классного руководителя и вносим деньги. Шпионы непременно донесут жожаку о нашем убытии. Главарю давно известно, что Герман частенько ночует в

семье Клопа. Пускай заговорщики уверятся в полной безнаказанности, в том, что музыкант находится на даче один...

Деловито рассаживаемся в Икарусе, устраиваемся поудобнее. Поодаль от жиденькой толпы провожающих топчутся двое соратников Рысина. Автобус трогается, и их удовлетворенные рожи остаются позади. На выезде из города при контрольном просчете мы тихо-мирно сойдем, ибо в обед предупредили об отказе участвовать в мероприятии. Свое присутствие в салоне объяснить проще простого. Пару дней прокантуемся на базе, Гошке строго-настрого заказано показываться там.

В ночь с пятницы на субботу злоумышленники активных действий не предпринимали. Поздно вечером в субботу я перекрываю выход со стороны оврага, Леха контролирует тропинку от поселка. Дюха и дядя Володя — резерв. Одетый в просторный овчинный тулуп и обутый в безразмерные, разношенные пимы поверх кроссовок, я затаился на взгорке, укрывшись от жгучего бриза за кустом стланника.

После полноты, когда удручающая вахта надоела и опротивела до крайности, чуть слышно доносятся легкие шаги, и мимо скользит зыбкая, призрачная тень. Скидываю тулуп, валенки и осторожно крадусь за преследуемым. «Почему он налегке? — недоумеваю я. — Возможно с целью рекогносцировки? С двадцатилитровой емкостью он бы выполз из оврага на карачках».

Неожиданно человек сходит с тропинки и скрывается в кустах. Замираю в нерешительности, соображая, что предпринять. Треск сучка под ногой выдает присутствие незнакомца, и он выбредает из зарослей, сгибаясь от тяжелой поклажи. «Заблаговременно доставил и спрятал горючку! — догадываюсь я. — Ну и шельма Рысь, все предусмотрел!»

План наш прост. Захватить одного из сообщников негодяя и представить вместе с вещественными доказательствами взрослым парням. Чудом предотвращенное преступление, непроверяемые улики — обвинение серьезное, и «старшая правилка» выскажет особое мнение. У нас не поощряются подобные деяния, не жалуют и попадающихся с поличным, «на горячем». Не сдобровать гадине!

Рысь (Теперь я твердо уверен — это он), скособочившись под оттягивающей руку ношей, грузно шагает по дорожке. Не спешу поднимать шухер или делать попытку захвата диверсанта, даю возможность приблизиться к даче. Не дойдя метров двадцати до строения, парень осторожно осматривается, топчется на месте. При свете Луны подмечаю факел в левой руке, запасливо заготовленный мерзавцем. Помявшись, он на цыпочках приближается к дому, заботливо поднимает емкость с топливом и принимается аккуратно, словно поливая грядки с капустной рассадой, окроплять стены...

Шутки в сторону! Засунув два пальца в рот, произвожу резкий свист, включаю фонарик и грозно яв-

каю:

— Стой, сволочь!

Ошеломленный преступник роняет канистру и поспринтерски бросается по тропинке к поселку. Нарушает строгие инструкции, торопится разгневанный Касьян. Он не позволено рано врывает фонарь и громогласно ревет:

— Сдавайся, паскуда!

Леха наглухо блокирует путь к отступлению. Ополумевший со страху поджигатель со сверхъестественной прытью улепetyвает вниз по оврагу, к морю. Следом сворой борзых, травящих добычу, гонимся мы, оглашая окрестности закoveryистыми проклятьями и изощренными матюгами. Оглушительно трещит кустарник, грохочут осыпающиеся камни, беспорядочно мечутся лучи фонарей.

Удача изменяет Рысину. Дезориентированный, оумелый, он совершает непростительную оплошность, отворачивая от поселка и бешено нарезая к далеким скалам. Сейчас мы возьмем его голыми руками, прижим в полный прилив непроходим, непреодолим. Поздно, поздно осознает преступник роковую ошибку, неумолимо настигают его безжалостные преследователи. Сбавляя ход, мы продлеваем кайф перед грядущим возмездием, воздаянием за грехи и осыпаем гниду невразумительными угрозами.

Рысь, бестолково мечущийся по берегу, слуду выскакивает на молодой, непрочный ледок и сломя голову несется к утесу.

— Стой, кретин! — осознавая, что произойдет, ору я.

Животный ужас перед неминуемой расплатой затмевает рассудок, заглушает инстинкт самосохранения. Шкодливый, хамоватый пакостник, безжалостный, бессовестный наглец, беспардонный, безудержный забияка и драчун на поверку оказывается отъявленным трусом, настолько страшным расправы, что, не колеблясь, идет на смертельный риск.

Запахавшись, мы топчемся у подножья скалы и следим за темным силуэтом, легкими скачками удаляющимся к прижиму. Издали раздается отчетливый треск проламывающегося льда и страшный крик. Под руками ни веревок, ни шестов. Сунуться на тонкий предательский лед — затея, заранее обреченная на гибель. Мы не в силах помочь загнавшему себя в коварную, не выпускающую из цепких объятий западную беднягу. Жуть знобит тело, окоченевший язык не в состоянии вымолвить слово, в замешательстве мы сгрудились у уреза воды, не зная, что предпринять.

В ледяной каше яростно мечется, неистово молотит руками и ногами, иступленно плещется и бьется тонущий ровесник. Натужно переводя дыхание, подбегает отставший музыкант.

— Что? Что происходит? — допытывается он. Хочется закрыть уши: еще один стонущий вопль несется над равнодушным осенним морем. Нелепо разбрасывая руки, благородный дурмарм вылетает на лед. В два прыжка настигаю безумца и сшибаю с ног подсечкой. Он сопротивляется, сбрасывает меня, желая

встать и непременно присоединиться к тонущему.

— Дурак! — суматошно трясу его за грудки. — Добиваешься, чтобы было два труп!

— Звери! — отчаянно баззает на всю округу всепрощенец-доброволец. Бултыханье, шлепанье, треск, предсмертный вой стихают.

Кончено! Господь сподобил меня оставить Германа у Сидориных. Двоих психопатов-толстовцев мне ничем не удержать. Чем мог закончиться добровольный заплыв под лед гуманистов-спасателей, известно лишь Всеблагому.

— Допрыгались! — потрясенно лепечет Андрей. — Доигрались!

— Не хнычь, тетеря! Собаке собачья смерть! — злобно скалится Касьян.—Он нас не пожалел!

— Звери! — не унимается, не прекращает истерику правдолюб.

— Идиот престарелый!—срываю я бешенство и нервное ожесточение на художнике. — Он хотел заживо спалить тебя, не тревожась о брэнном теле и бессмертной душе! А ты убиваешься, оплакивая ничтожную тварь!

— Звери! — упрямо скрежещет зубами негибачей столычный непротивленец.

— Кто?!

6

Над окоченелой морской гладью клубится туман. По ночам сильно подмораживает, вот-вот грянут бесчисленные снегопады, и норд-вест сменится на привычный норд-ост. Рыбацкие будни откочевали на далекий январь.

По вечерам забегаем на фазенду проведать хозяйна, попить чайку с захваченным из дома вареньем. Вскладчину покупаем заварку, сигареты, продукты. Однажды, добравшись гурьбой до базы, мы были огорошены метаморфозой, происшедшей с Ратниковым. Он записным щеголем, независимо восседал за столом, облаченный в приличный костюм, новую рубашку с галстуком, клевые штиблеты.

— Откуда «прикид»? Кого на гоп-стоп взяли? — иронизирует Гошка, удивленный сюрпризом.

Гитарист рассеянно улыбается:

— В художественном салоне продали мои картины.

Со мной едва родимчик не приключился. Матерь Божья! За мазню, заполонившую балок, башлять бабки, выше моего понимания! О непостижимая человеческая душа! Берега бухт Нагаева, Гертнера, Веселой, Светлой, Тихой, Березовой истоптаны мной досконально. Я сотни раз пересекал их по льду зимой и морю — летом. Ничего сверхъестественного я не узрел и не представляю, что высокохудожественное обнаружили, раскопали в скромных акварельных этюдах придиричливые ценители и критики.

Дядя Володя достал из стола бутылку марочного вина, яблоки, конфеты. Пригубили по рюмке, запили сладким чайком, покурили.

Несправедливость изначально заложена в подлунном мире. Один и музыкант, и композитор, и художник, другой — ни в зуб ногой. Учительница рисования с пристальной дотошностью изучает изображение ящика, которое я вдохновенно сотворил, и порывается изъять дневник и сделать незаслуженное замечание, дескать, я, издеваясь над пожилым, заслуженным педагогом, рисовал на нее уродливые шаржи. Единственное «вносит успокоение в умы», как говаривали в старинушку. Деньги, потраченные на мольберт, кисти, краски, вернутся сторицей.

Потихоньку-помаленьку по паре картин в салоне реализовывали, и сторож на нашей шее не сидел. Капусту и картошку мы запасли в сентябре, остальное приобретал Герман. Я не расстраивался и не ревновал доверию музыканта к Гошке. Члены «Армии Спасения» прекратили докучать мне и Лехе с финансовыми проблемами. Видимо, скидывались втроем и поддерживали Сидориных.

Исключительные успехи делал Клоп. Дядя Володя наседкой сидел над мальчуганом, убивая на тренингах свободное время без остатка. Подопечный в рвении не отставал от наставника.

— Игра стоит свеч, и при твоих способностях копчение непременно окупится, — талдычил педагог. — Много лет придется затратить, сынок. Закусив губы ежедневно, через не могу, работать над собой, и результаты будут.

По случаю, я отхватил прекрасную гитару (Маэстро остался доволен звучанием, акустикой, тембром инструмента) и без пропусков, шалопайничанья по часу, полтора занимался с учителем. После первых уроков он без экивоков и реверансов отрезал, что лавры Гойи мне не светят, но «лабать» прилично он меня обучит. На том и сошлись, и я педантично гонял гаммы и осваивал ноты.

На дачу Ратников никого не приводил. Однажды он пробовал заикнуться о желании коллег по творческому цеху посетить живописные окрестности, и я строго-настрого запретил. Патлатых, бородатых любителей пленера потом не выкуришь. Запасутся сотнями справок, ходатайств, рекомендаций муниципалитета и предъявят права на строение. Останутся мои напарники на бобах. Пусть оппозиционеры втихаря шепчутся о предпочтении личных интересов, ерунда! Уезжаю летом насовсем, тем не менее не собираюсь оставлять коллег без базы.

Перед Новым годом в порыве откровения господин художник изволил высказаться, де, может в любой момент перебраться на постой к новоприобретенным друзьям-единомышленникам. Держит его в жилище отшельника духовное обязательство перед талантливим самородком Витюшей Сидориным. Меня он пытался наставлять человечности, милосердию, душевности.

Где они обретались, скрывались, заклые корефаны, когда вояжер давал дуба, не умея толком растопить печь, и подыхал с голоду, принимал подачки

у самого рыбного моря в мире! Кто подобрал, пригрел, накормил, приютил, предоставил возможность заниматься любимым делом! Оклемался, очухался незадачливый турист и топорщит перья, режет правду-матку. Ну и народ...!

Отошли в небытие многочисленные январские праздники. Надо отдать должное педагогу, я освоил азы нотной грамоты и глупое сольфеджио. Дома под настроение сбавил простенькую пьеску и отец удивленно завертел головой.

— Я полагал, ты врешь, — обескураженно выразился он. Я хранил скромное, достойное молчание.

— И денег не берет, — с укоризной подытожила маманя, во всем непостижимом, загадочном подозревающая происки и подвох.

— Ни копейки.

Мать осуждающе пожевала губами. Раскинув мозгами батя конкретно заявил:

— Значит так. Отвези на салазках мешок картошки и свиную голову, хорошему человеку не жаль!

— Отвези, Дима, — поддакнула, пронятая музичированием, матушка и скуповато скостила: — Картошку, половину свиной головы и банку нутряного сала.

— Да здравствует святая сила искусства!

— Гип-гип...!

Франтовато прикинутый фраер, тулящийся от свирепого, восточного бриза за новеньким МАРК-2, властно манит меня пальцем. Хладнокровно остаюсь на месте. Холуев на побережье нет. Он корчит недовольную гримасу на сдобной, раскрасневшейся роже и, переваливаясь, бредет по колено в снегу к тропинке.

— Подскажи дорогу или проводи, дружок, в обитель Владимира Даниловича Ратникова.

— Оплата повременно или сдельно? — придурковато осведомляю я.

— Аккордно! — дружелюбно щерится незнакомец, но прищур редкостных желтых глаз настрожен и колюч.

«Бойся желтого глаза» — припоминается поговорка деда. Мгновенная беспричинная неприязнь наполняет меня. Такое случается, причуды интуиции. «Атавистические, животные признаки», — пояснила мне учительница зоологии.

— Деньги в валюте и вперед! — хамлю я.

— Дерзишь, паренек, — мерзнет взгляд у мужчины. Он вытаскивает поразительный по красоте бумажник (подобной мне представляется крокодиловая кожа) и протягивает десять долларов. Ну и фокус!

— Посещайте нас ежедневно, — с показушной доброжелательностью, угодливостью рассыпаюсь, лебезю я. — Станем до потери пульса обследовать близлежащие окрестности.

«Новый русский» указывает на гитару..

— Я тебя сразу просек, понял, что ты направляешься к Воланду. — Он потрепал меня по плечу. — В путь, чичероне, пока я не отдал Богу душу от несусветной колымской стужи.

«Нет, пижон, ты меня не купил, — шепчу я сам

себе. — Я стратег и не стоит раньше времени настораживать тебя, настраивать против».

— Здравствуй, дружище! — с проникновенным пафосом восклицает визитер, театральным, молитвенным жестом вскидывает женоподобные руки и взасос лобызает керзовую физиономию старого товарища. Мэтр после безуспешных попыток обрести свободу сдается и обалдело застревает в стальных объятиях посетителя. Недоуменно, ошарашенно он вопрошает:

— Миша, отыскать меня у черта на куличках, мистика, магия?

— Я не ясновидящий, — отмахивается приятель.

— Забрел в местный художественный салон — и результат налицо.

— Тесен мир, — растерянно блеет гитарист. Избавившись от мощного братского захвата, он впопыхах мечется по вагончику, не зная, чем угостить, что предложить.

— Ничего! — наотрез отказывается, рубит ладонью воздух приезжий. — Строгая диета: кашки, отвары, травки, пилюльки — вот мои теперешние реалии. Плотские радости жизни в прошлом, живу в целлофановой упаковке. А помнишь, Париж, бистро! Ох, года-годочки! — Он вытаскивает из дипломата бутылку дорогого коньяку, лимоны, коробку конфет.

В очередной раз ощупывая друга пронизательным, резким взором, словно барышник, торгующий мерина у прасола, гость резюмирует:

— Сдал, сдал, Воланд, прости за нелицеприятную правду.

Хозяин, постепенно приходя в себя, интересуется:

— Надолго к нам?

— По делам Эргырона на четыре дня и вдруг напоролся на тебя. Воистину мне кто-то ворожит! — Он наигранно, раскатисто ржет.

— Как ты здесь? — для проформы изрекает визитер. Вопрос неуместен. Не надо столичному фраеру изгаляться над человеком. Убожество и нищета прут из всех углов балка.

— Вuju, не процветаешь, — грустнеет старый знакомый.

— Все преходяще, Миша, — находится с ответом неудачник и разливает коньяк по рюмкам.

Михаил, переходя к главному, подозрительно-испытывающе косится на меня. Густые космы, старенький свитер, подшитые пимы успокаивают. В Москве, по улице Горького, крутые шары в таком наряде не прикалываются, и западный людоед списывает меня в разряд пришибленных, уматных, провинциальных вахлаков.

— Володя, волею судеб я ныне владелец престижного шикарного ночного клуба в столице, — он делает многозначительную паузу, давая время проникнуться услышанным, закономерно ожидая восторженных ахов и охов. Ратников внимательно, не перебивая, слушает. — Старина, подбирается замечательная команда. Мы взорвем застойное болото бомонда, вывернем наизнанку нуворишей, заставим бесноваться

от безумного восторга и коченеть от тоски и ужаса толстокожую свору «новых русских». В суперэстравагантной программе мы потрясем любителей а-ля-рюс не выхолощенной экзотикой блинов, балалаек, лаптей. У меня куча идей. Ты изумительно вписываешься, я уже сейчас наяву представляю репертуар, сценические образы, костюмы, антураж. Столько лет зная тебя, я подпишу контракт не на программу, я ангажирую тебя на обозримое будущее. Ты как прежде помотаешься по миру, я не запамятовал твою хобби — путешествовать. Недаром ты заперся в дремучую глушь, к черту на рога. Ты необходим как композитор, музыкант, аранжировщик, художник-оформитель!

— Ты, Михаил, не замедлишь содрать с ближнего три шкуры, — подковыривает музыкант.

Физиономия предпринимателя багровеет:

— Я исполню твою хрустальную мечту. Мы запишем концерт Сарасате не на допотопном виниле «Мелодии». В России есть приличные студии. Нет?! Запишемся за рубежом! Соглашайся, Воланд! Талантливому мужику прозябать на берегах стылого моря, жрать гнилую юколу, мерзлую картошку, запивая плесневелым чаем, преступно. Отринь былые обиды, лично я тебе дурного не делал.

— К тебе претензий нет, Миша, — подтверждает гитарист. — Есть вопрос.

— Валяй, — снисходительно поощряет взопревший собеседник, отирая носовым платком бисеринки пота на плешивом черепе.

— У тебя, в отличие от нас, всегда водились деньжата. Куда ты их копишь? Ведь в могилу не заберешь! Наследников нет, пятьдесят с прицепом. Остановись, оглядись, передохни...

— Оставь глупые философские доктрины мирозерцания и уравниловки! — беззастенчиво обрывает проповедника Михаил. — Вынесут из жалкой халупы, где ты ютишься, ногами вперед на одеяле и закопают в яме, не найдя средств на похороны. Ты должен жить в нормальных условиях, хорошо питаться, комфортно отдыхать. Для достижения этого нужно крутиться, суетиться.

— Посмотри у Ожегова значение слова «суетиться», — советует музыкант. — Помнишь Гену Ходоровского?

— Конечно! — брезгливо оттопыривает нижнюю губу бизнесмен. — Благодаря ему, мы стали «невьезными» на четыре года.

— Тогда он уговаривал меня остаться, обещал материальную поддержку от дяди фабриканта-миллионера. Геннадий слова на ветер не бросал и меня бы за кордоном не покинул. Сейчас он развернул грандиозную фирму по promotion. Я имел шанс разбогатеть пятнадцать лет назад и отказался, «не по Сеньке шапка».

— Естественно, Воланд, ты всегда ратовал за самоограничение и бессеребренничество, — складывает губки трубочкой и свистит заезжий обольститель. — Простоты! Я предоставляю тебе последнюю возмож-

ность воспрянуть из неблагодарного забвения Фениксом. Два, три года — и ты, как артист, выйдешь в тираж, кончишься!

— Я устал, не хочу вкалывать на поток, развлекать обожравшихся толстосумов, сочинять и аранжировать пустую попсу. Нет, мое последнее слово! — на одном дыхании выпаливает антагонист.

— Вредно в нашем возрасте нервничать и психовать, поразмысли, — советует делец. — Улетаю послезавтра, здесь мои координаты в Магадане. — Он кладет на стол несколько крупных купюр и листов.

— Дима, проводи гостя, хочется побыть одному. Прощай, Миша!

— До свидания! — не уступает твердолобый делец.

7

Ревмя ревет малек Витька, прибежавший вечером на фазенду со страшным известием.

— Из горно приходили и велели собираться в детдом. Мамке совсем худо, ее кладут в больницу. Сестренку жалко! — заливаешься шкет слезами. — Врачи дают на операцию 25 лимонов, нужно еще 10 тысяч баксов. Где их взять! Кто нам поможет!

Дядя Володя напряженно молчит, ребята потерянно смотрят друг на друга. Жутко воочию наблюдать за неотвратимо приближающейся Смертью. Бессильны, бессмысленны утешения в подобные мгновения. Бьется в конвульсиях иступления мальчишка, рыдания сотрясают тщедушное, хлипкое тело.

— Мы никому не нужны, мы лишние в Жизни!

Вдруг замечаю, как из-под очков музыканта показываются и неудержимо скользят по щеке непрошеные слезинки. Мертвенно леденящий, трупно бесчеловечный мрак людской черствости, бездушия, бессовестности, безразличия стусился, опутал уходящую из Жизни мать и маленьких детей.

Оставьте красивые, проникновенные фразы о добрых, бескорыстных воспитателях в детдоме и прочее словоблудие! Женщину можно спасти! Дело за малым, за деньгами. Не объяснить несмышленному Витьку, что сейчас и право на Жизнь — для богатых. Приступ безнадежного отчаяния корежит его, и горе неопишимо.

Ратников неуклюже обнимает парнишку левой рукой, неловко поглаживает по патлатой голове. Филантроп! Не было у тебя детей, и этот, к которому прикипел ты всем сердцем, которому искренне стремишься помочь обрести себя, встать на ноги, обречен и уходит от тебя. Ты проиграл! Терпит постыдный крах умозрительная философия умиротворения, созерцания, смирения, не выдержав испытания горькой действительностью. Она расшибается не о коварные, предательские рифы потрясений и катаклизмов, ее с прожорливой неизбежностью засасывает болото житейских будней.

Взрослые! Вы стремительно вырождаетесь и деградируете! Вы нагло лжете в лицо детям и себе:

«Жизнь диктует форс-мажорные обстоятельства, жесткие, непреодолимые условия!» Вы бессовестно врите! Правила игры не спущены из чертогов верховной власти Вседержителя ортодоксальным эдиктом, они выдуманы вами, и нечего ссылаться на ужасный Рок, неумолимый Фатум».

Я презираю вас, не желаю смотреть в ваши гнусные рожи, дышать с вами одним воздухом, ходить по одной земле! Лучше в полугодовом рейсе любоваться дельфинами, наблюдать за буревестниками, восхищаться китами, беседовать с тюленями.

Липкий, мерзкий страх могильной затхлостью и холодом обдаёт неискушенное сердце, сдавливает неизощренную голову. Вдруг я с сестрой окажусь на месте несчастного Витьки! Нет, я не сдамся, не загину, не утону в проклятом болоте бессердечия, зубами вырву кусок у другого. Не утону... Но каким выплыву?

Неужели нет иного пути?!

8

На столе записка: «Ушел к художникам». Мы стоически ждем, несмотря на то, что «маяк» давно пропаликал одиннадцать.

— Лишь бы не забухал, — вздыхает Герман. Я мысленно прогоняю гаммы: «Бесполезно, дядя Володя! Творческая родня по духу — голь перекатная не предложит ничего путного. Живописцу на роду написано жить в нищете, получить признание после кончины — аксиома.

Хлопает дверь, и в комнату тяжелыми клубами вламывается агрессивный, морозный воздух. Костлявая фигура музыканта, одетого в непомерно широкий полушубок, возникает на пороге. Он снимает моментально запотевшие очки, подслеповато щурится, и я отчетливо замечаю темные, глубокие впадины запавших глазниц, предельно заострившиеся черты лица, почерневшую, в складках кожу.

— Ждете! — нарушает молчание негромкий, глуховатый голос.

Ратников трезв. Я, честно говоря, ожидал иного расклада. Он греет у плиты озябшие руки, никто из ребят не проронил ни слова. Отогревшись, закуривает, ополаскивает стаканы из-под чая, вытаскивает из карманов две бутылки сухого вина и разливает.

— Спаиваете несовершеннолетних, дядя Володя! — куражусь я.

— Прощаюсь я с вами, парни, — буднично оповещает он. — утром самолет.

Дюха с Гошкой недоуменно переглядываются.

— Значит, продали совестливую душу и преклонили колена перед «золотым тельцом», — выпендриваюсь, поддеваю я.

— Да, подписал кабальный контракт. Вы, мужчины, поймете. — Гитарист вытаскивает из внутренне-

го, зашпиленного булавкой кармана, объемистый сверток. Е-мое!!! Зеленые в пятидесятидолларовом номинале. Целое богатство для нас. У Касьяна бельма вылазят из орбит.

— Мать Вити надо спасать, мальчишки. Нельзя оставлять его и сестренку сиротами, — он виновато разводит руками.

— Ничего не оставалось, — альтруист по-новой плескает в стаканы, и мы пьем закордонную гадость. Поразительно, уму непостижимо! Музыкант-недотепа, лох, неудачник решился на поступок. Чуду подобно!

Мелют беспрерывную, благодарственную околесицу блаженные юродивые Дюха и Гошка, сумрачный, напыжившийся, смолит сигареты Леха, порой скашивая завистливо-печальный глаз на кучу банкнотов, задумчивая тень бродит по лицу виновника переполоха. Отличился, шокировал меня опустившийся бич, рано я на нем поставил крест. Хамелеоном обратился, скинул лицедейскую маску никудышный, невзрачный мозгляк, отринул личину бесстрастия и созерцания.

— Гера, Дима, Андрияша, Ленья! Здесь денег с хорошей лихвой. И на реабилитацию после операции, на хозяйство, на учебу Виктора хватит. Бог осенил его благодатью, наградил редчайшим даром, нельзя позволить таланту остаться в забвении, втуне неостребованности. В хозяйственных делах вы на два порядка выше меня. Поручить деньги опекунам, небесу, школе — обезличка. Даже я, неискушенный в житейских дрязгах, понимаю абсурдность такого шага. Проконтролируйте расходы, проследите целесообразность использования средств, помогите детям.

Он в одиночку залпом глушит стакан пойла.

— Другого варианта у меня нет, я доверяю вам.

Мы стоим на автобусной остановке и неотрывно смотрим на поворот, за которым скрылся автомобиль, увозящий от нас Человека. Обвалью сыплет густой, пушистый снег, принесенный очередным циклоном. Обычное явление в поселке Новая Веселая, живем у моря. С момента отъезда Ратникова пробежало несколько минут, но количество потерянного и качество приобретенного — кто сочтет!

Хрипло, придушено откашливается Касьян и роняет невзначай:

— Грач! Клопу в постоянку отслонявливали, отстегивали надурняк. Давайте возьмем часть, поделим.

«Можно и взять, — размышляю я. — Кто нам судья?»

Оторопел ошеломленный Андрей, дикой кошкой напружинился, ощерился Герман.

Я, конечно, сваливаю летом во Владик...

Делаю шаг и хлестко бью в поганое мурло закадычного дружка.

Дядя Володя! Живы ли, слышите ли нас...

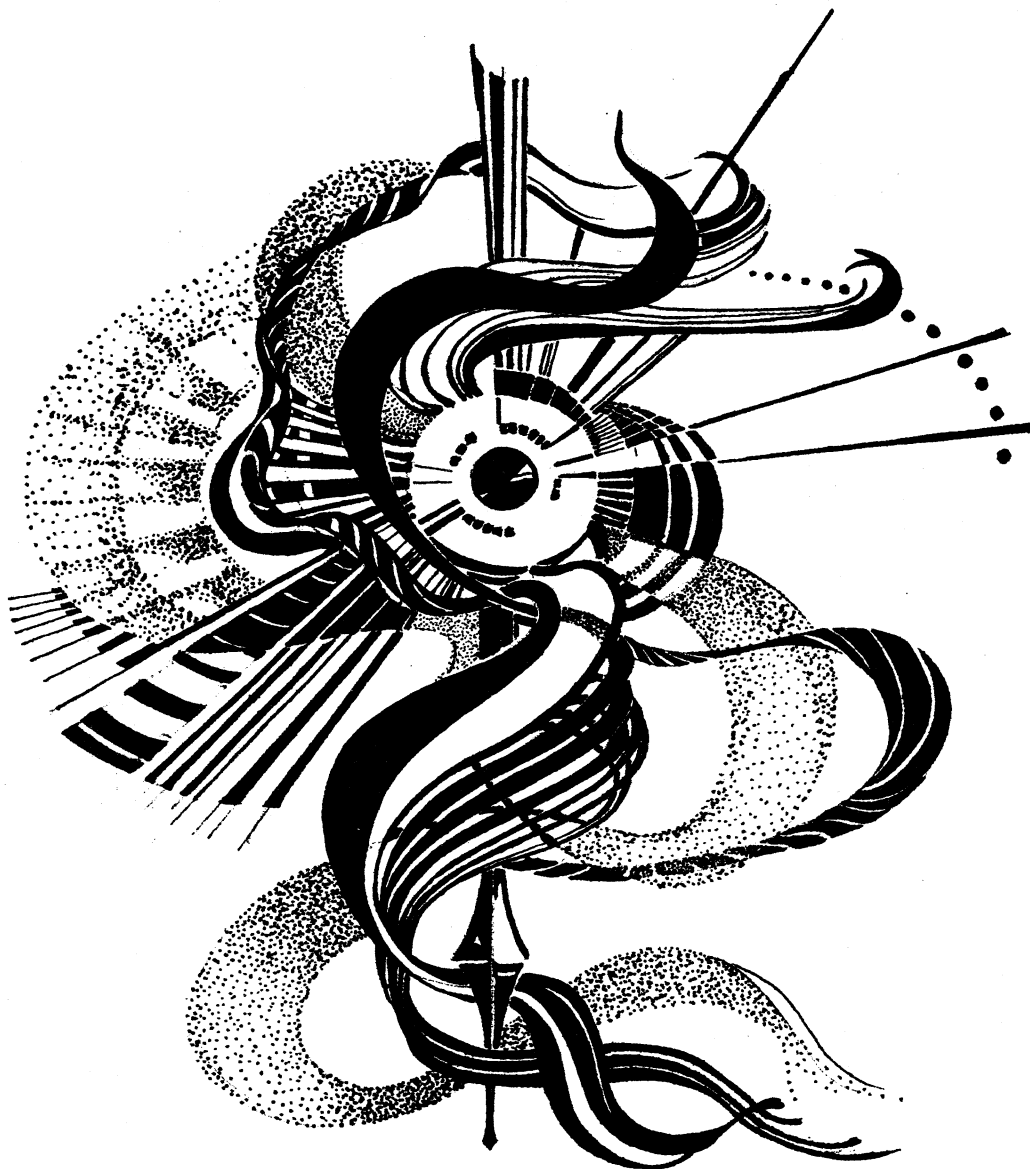
АЭЛИТА-98

Геннадий ПРАШКЕВИЧ

СОАВТОР

Рисунки Ольги СТУЛОВОЙ

Любое несовпадение людей и событий является чистой случайностью.

Шкиперу Шашкину было плохо.

Самоходная баржа медленно шла вниз по Оби, и давно бы полагалось Солнцу опуститься за неровную щетку темного леса, затянутого то ли предгрозовой дымкой, то ли сухим туманом, но шел уже одиннадцатый час, час, в сущности, сумеречный, а Солнце, сплющенное, как яичный желток, продолжало висеть над лесом. Круглое, багровое, совершенно обычное. Во всем обычное. Кроме одного. Заходило оно не на западе, то есть там, где ему и следовало заходить, а на востоке, над редкими огоньками большого села.

«Где-то там... — горько думал шкипер, рассматривая темнеющий по берегам лес, — на базе отдыха... с корешами... мой Ванька мается... — Шкипер сделал большой глоток уже из почти пустой бутылки. — Сынок... Ученый... Разбил под сосной палатку, взгрел кофеек, рыбу с корешами глушит... Отца вот только стесняется, де прост у него отец... Мало я стервеца в детстве драл, мало просил, на колени падал — к ремеслу прибивайся! Ремесло, оно — как спасательный круг! А на бумажках твоих жизнь не сделаешь!.. Не послушался Ванечка, живет теперь на оклад, а оклады у ученых какие?.. — Шкипер мутно глянул на багровое, садящееся не по правилам Солнце и выбросил опустошенную бутылку в темную Обь. — Не сумел я Ванечку поднять до себя... Простым ученым стал Ванечка...»

Шкипер Шашкин твердо знал, понимал ясно — Солнце обязано заходить на западе. Но столь же ясно он видел — сегодня Солнце пытается опуститься за горизонт не где-нибудь, а на востоке. Маясь головной болью, занюхивая корочкой плохой спирт, он тщетно пытался примирить происходящее в природе со своими собственными о ней представлениями.

Ничто не сходилось.

«Ванечку бы сюда... — думал шкипер в отчаянии. — Пусть Ванька неуважителен, но все же ученый... Мало я его в детстве порол, не сумел довести до человека... Чтобы не стыдно там, ну и все такое... Ведь разбуди

его, подлеца, в любой час ночи — вот чего, дескать, Ванечка, подлец, больше всего тебе хочется? — ведь он, не задумываясь, не открывая глаз, ответит — на батю не походить!»

1.

Гроза шла со стороны Искитима. Небо там — заплывшее, черное — сочилось влагой, но над базой отдыха Института геологии Солнце пока даже не затуманилось. Стояла плотная, ясная, графическая, как определил ее про себя Веснин, тишина. Подоткнув под голову свернутый спальник, Веснин лежал на тугом надувном матрасе и удрученно рассматривал сосну, опутанную растяжками палатки. От обнаженных плоских корней, густо и во многих местах пересекавших тропинку, до нижних причудливых толстых сучьев сосна была сильно обожжена — то ли неудачно жгли под нею костер, то ли молния постаралась.

«Чувствует ли дерево боль?.. — Веснин поехал. — Как это вообще — ощущать лижущее тебя пламя и не иметь возможности уклониться, заорать, броситься в воду, если даже вода плещется прямо перед тобой?..»

Он вздохнул.

Он-то, Веснин, мог сбежать от огня, он бы выпрыгнул из огня, случись такое, но вот от мыслей... От мыслей, действительно, не убежишь...

Повернув голову, он хорошо видел палатки, разбитые по периметру большой поляны, больше того, он видел почти всех еще не съехавших с базы людей — аккуратного математика Ванечку Шашкина, лениво брэнчащего на гитаре, рослого неудачника Анфеда, геофизика и спортсмена, и, наконец, дуру Надю.

Нет — упаси Господь! — Надя, конечно, не была дурой, просто, без всякой, кстати, злости, так ее определил Анфед. А сама по себе Надя больше походила на балерину — прямая, точеная, ноги сильные, длинные, изпод распущенных рыжих волос, схваченных выше лба кремовой лентой, всегда беспечально посверкивают глаза, но вот инстинкт самосохранения... Как правило, Надя сперва сморазивала какую-нибудь глупость, и только потом спохватывалась.

Веснина на базе встретили с интересом — писатель все-таки. Писатель-фантаст...

Прошел слух, что он и есть один из двух знаменитых братьев, но этому все же не поверили — с чего вдруг кто-то из знаменитых братьев поедет в Сибирь, да еще осенью, да еще на базу отдыха Института геологии, а не на какие-нибудь там обкомовские дачи? Хотя никто, конечно, за базу не переживал. Тут все в порядке, хоть Станислава Лема привози. Бывали тут, кстати, польские минералоги, бывал болгарский поэт, называвший комаров москитами, да мало ли кто тут еще бывал, преимущества, в общем, для всех одни: утром свежий деревенский творог, раз в неделю — чистые вкладыши для спальных мешков. Это только Ванечка Шашкин требовал напрокат торпедный катер — топить самоходные баржи, будившие его по утрам, но Ванечке в торпедном катере отказали. Что ж это будет, начни каждый топить на Оби суда?

Когда на базе узнали, что Веснин вовсе не брат и даже не имеет брата, расстроился один Анфед. Но это никого не удивило. Все знали: даже при росте своем и спортивности Анфед все равно неудачник. Гирию пудовую одной левой жмет, всегда поддержит любую компанию, замечательно на гитаре играет, в голове мысли водятся, а все одно — неудачник. Жена от него ушла, на переаттестации чуть не загремел в лаборанты, новый дорогой костюм прожег сигаретой в первый же день рождения... И последний случай: дирекция Института сочла нужным именно Анфеда оставить на базе, вместо того, чтобы отпустить в поле. Оно понятно, кому-то все равно надо помогать начальнику базы Кубыкину, но почему именно Анфед?..

«Опять я не о том, — вздохнул Веснин. — Мне не об Анфеде, мне о рукописи надо думать. Ведь специально выбрался на базу — осень, безлюдье. Гуляй по лесу, собирай моховики, сиди над Обским морем, все работает на тебя, думай!.. А я об Анфеде... Анфед совсем из другой оперы, при этом не из космической. Да и не возьмут в космос такого, как Анфед. Он по присущей ему неправе врежется в первый же астероид... К черту!»

Думай, Веснин.

Но сосредоточиться он не мог. Мешала ги-

бо, мешала приближающаяся, никак не могущая разразиться гроза, воздух, налитый электричеством, неопределенностью, тяжелой духотой. Говорят, вспомнил Веснин, грозы здесь бывают такие, что хвосты у лошадей торчком стоят.

«Посмотрим...» — неопределенно решил Веснин, хотя понимал: скорее всего, ничего такого он не увидит.

Серов, черт побери, Серов! — вот кто был нужен Веснину, вот в ком было все дело. Серов — физик, умница, старый друг, человек, читавший все его рукописи, придира, циник, насмешник. Ну, в самом деле, зачем Джордано Бруно взошел на костер? Если во Вселенной мы действительно одиноки, поступок Джордано был лишен смысла, а если окружены многочисленными разумными мирами... Ну и так далее...

Серов всегда раздражал Веснина, но, в сущности, Веснин давно ориентировался именно на реакцию Серова. Вдруг мы и впрямь одиноки? Вдруг только человек и несет факел разума? Вдруг весь наш образ мышления, рассчитанный на неведомого собеседника, ложен?.. Не пора ли пересмотреть основы философии?..

С таких вот вопросов и начинается путь к поповщине, усмехался Серов. Язвительная улыбка кривила его тонкие узкие губы, дьявольски вспыхивало треснувшее стекло очков. Может, и твои проблемы, Веснин, упираются во вселенское одиночество. Может, ты просто боишься по-новому взглянуть на давнюю проблему совести... Ладно, пришельцы, это я могу понять. Но почему ты и земных героев пишешь красавцами? Они же одиноки, как Космос. Это должно их преобразовать. Они иными должны быть! Иными... Придумывай, что тебе угодно, пусть Космос будет угрюм, тревожен, но человек-то!.. Ты оглянись вокруг! Пиши человека таким, какой он есть. Читатель ждет сравнений. Пусть не все сравнения будут не в его пользу!.. Господи, Веснин, как надоели стандартные красавцы из книжек. Должно же в твоём герое быть какое-то о б ы ч н о е волшебство или хотя бы мускусный запах! Не приключения идей, Веснин, а приключения человека! Человека с его

странным, неясным опытом!..

Веснин раздраженно ворочался на матрасе, а гроза все не приходила, а душный воздух становился все плотней и плотней.

Соавтора бы тебе! — вспомнил он язвительную усмешку Серова. Не физика и не химика, не космонавта и не шпиона, а самого обыкновенного бомжа из подвала, чтобы даже гнусным дыханием своим он не позволял тебе проваливаться в романтику. Мы же интересны друг другу только своим непосредственным личным опытом, тем, чего нет ни у кого другого. Только непосредственный опыт имеет значение, все остальное — лажа. Плюнь на воображаемые миры, зачем тебе все эти выдуманные мутанты, летящие к нам то с Альдебарана, то с Трента? И, кстати, почему с Трента? Что это вообще за Трент, что за дурацкое название?

Название как название.

— ...с в е т.

Веснин вздрогнул. Это кто-то сказал? Кто-то неслышно подошел к палатке?

Приподнявшись, он выглянул из палатки, но никого рядом не увидел.

Дело не в пустом придумывании, подумал он. Дело в сомнениях, которые никто не может назвать пустыми. Ну да, ну ладно, там впереди, в веке тридцатом, скажем, страсти животные уступят наконец место страстям чисто человеческим, там мы даже физически будем выглядеть иначе, но почему, черт возьми, описывая то, чего еще нет, я должен пользоваться только тем, что уже создано? Зачем тогда человеку воображение? Разве не воображение является двигателем прогресса?..

Духота, выдохнул он. Какая, к черту, работа?

И услышал голос Кубыкина.

2.

Голос у начальника базы был замечательный. Редкого безобразия голос, то срывающийся на фальцет, то гудящий, как труба, которую, даже не зная, что это такое, смело можно назвать иерихонской.

— Тама вот! — ревел Кубыкин, трясущимся толстым пальцем тыча в сторону речки, впадающей в море рядом с кухней. -Тама вот!

Молния! Как ручей огненный, а потом в шар свернулась! Я прямо так и подумал — Солнце! Ведь не бывает молний таких... И к берегу! К берегу! Вот, думаю, может, рыбки нам наглушило, а там... Ничего! -голос Кубыкина взвился, зазвенел, как струна, окончательно теряя какую бы то ни было связь с его громким тяжелым телом. — Ну ничегошеньки там! Хоть хрен точи!

Ванечка лениво отозвался:

— Как шар, говоришь? А диаметр?

— Ну... С метр!

— Анфед! Посчитай, — попросил Ванечка.

— Я уже посчитал, — меланхолично отозвался Анфед. — Диаметром с метр... Таких не бывает.

— Слышал? — спросил Ванечка. — Не бывает таких, Кубыкин, Анфед уже посчитал. Кубыкин обиделся:

— У-у-ученые!

И побагровел, налился предгрозовым нехорошим раздражением.

— А вот веники! А вот ломать! По пять штук с каждой души, иначе никого с базы не выпущу!

Конечно, можно было спросить: а зачем, собственно, веники, если через неделю базу все равно закрывают на зимний сезон, но Кубыкин столь откровенно ждал вопросов и возражений, что никто спрашивать не стал. Только Веснин, выбравшись из палатки и подойдя к Кубыкину, пообещал негромко:

— Наломаем.

Кубыкин нехорошо обрадовался:

— А территорию?

— Что территорию?

— Территорию кто уберет? Загадили.

— Да мы и уберем, — примирительно заметил Веснин.

Кубыкин растерялся:

— А тряпка на кустах... Чья?

— Это не тряпка. Это кухонное полотенце. Я уберу.

— Полотенце... — протянул, смиряясь, Кубыкин. — Ну, убери. Проверю.

— Давайте чай пить, — предложила Надя. Редкий случай — вовремя и к месту.

Перед Анфедом и Ванечкой Надя ничуть не стеснялась, разгуливая в купальнике, но

Кубыкин ее пугал — она накинула на плечи халатик. Ванечка даже откинулся, по-новому оглядывая Надю, но почему-то так получилось, что он откинулся как бы от наклонившегося к нему Анфеда, и Веснин усмехнулся — ну как же, неудачник. А неудачники, они заразные...

Уж не писать ли людей будущего с Ванечки, к чему толкает его Серов?

Веснин глянул на маленькое кругленькое личико Ванечки, на его аккуратные, тонкие, почти птичьи усики, и сразу ощутил неприязнь — Ванечка ему никогда не нравился. Вот живет человек, и, в сущности, неплохой, наверное — диссертацию защитил, напечатал десяток интересных работ, а всем до него — как до лампочки. Анфед пусть и неудачник, но все знают: случись что — на Анфеда можно положиться, он и в воду нырнет, и в огонь полезет, неважно, что там потом, а Ванечка...

К черту! Это я от духоты бешусь.

Подлесок и сосны медленно затягивало дымкой.

Потемнели стволы, растаяла серебристая паутина, темное небо медленно налилось изнутри лихорадочным смутным светом — бесшумным, странным. Над Искитимом и над Улыбино давно уже хлестал жуткий дождь, а над базой лениво ворочалось электрическое томление. Ткнуть бы тучу, чтобы немедленно пролилась.

И все не о том, все я не о том. Всегда так. Есть время подумать — желания не находится. Есть желание — времени нет. Сейчас бы не томиться. Сейчас бы сварить кофе — и за карандаш. Но нет сил...

— Интересно, — вслух удивилась Надя, подняв на Веснина смеющиеся темные глаза. — Вот если бы наши тайные желания сбывались, хорошо бы это было?

— Еще бы! — незамедлительно отозвался Анфед и для убедительности прищелкнул пальцами: — Р-р-раз! И готово.

Он не пояснил, что значит «р-р-раз», но все почему-то посмотрели на Надю, и она плотней запахнула на груди халатик, а Кубыкин от напряжения даже рот раскрыл.

— Ну хорошо, — повторила Надя. — Вот исполняйся наши тайные желания... Вот ты, Анфед... Чего бы ты пожелал?

— Леща! — ни секунды не потратил на размышления Анфед и, уловив двусмысленность своего тайного желания, поправился: — Крупного леща. Вот от сих до сих. Чтобы я этого леща чистил от хвоста до обеда. — Анфед помолчал и вздохнул печально: — Только таких лещей не бывает.

Ослепительная вспышка полыхнула в сухом вечернем небе, ярко высветила палатки, кружки с чаем, костерок. Надины вопросы почему-то заинтересовали Кубыкина, он смотрел на нее жадно, масса сомнений мерцала в его выпуклых черных глазах, как козырьками, прикрытых крыльями могучих бровей.

— Кубыкин, а Кубыкин? — пожалела его Надя. — Если бы наши желания исполнялись, ты вот чего бы хотел?

— Ну как... — пожевал губами Кубыкин. — Авторитета... И территории чистой... Ну и палатки убрать до дождей... Они же — как паруса, снимай их под ветром... Ну и все такое прочее...

Кубыкин неопределенно повел перед собой короткой толстой рукой, а про себя, наверное, подумал: «...и чтобы вы, дураки, веру знали в Кубыкина! Кубыкин не подведет, Кубыкин правду любит... Этот шар огненный... Видел я его... В метр диаметром... Тоже мне — таких не бывает!..»

— Ванечка, — не унималась Надя. — А ты почему молчишь? Ты вот чего бы хотел?

Ванечка недовольно повел дочерна загорелым плечом.

— Увольте... Ваши фантазии...

И Веснин с новой силой почувствовал какую-то непреодолимую, трудно объяснимую неприязнь к Ванечке, к его аккуратным тоненьким усикам, к уклончивому, часто равнодушному взгляду. Почему-то припомнилась зимовка на острове Котельном, было в его жизни такое. Там на станции оказался такой же вот чистенький аккуратист из Вологды — радист. Беленький, даже белесый. Недосущенный гриб. В Вологде оставил жену, получал от нее радиogramмы и ни на грош ей не верил. Постоянно, к месту и не к месту, за обедом и просто на дежурстве, всем нервы тянул: как там они, эти наши жены? Одни ведь... У всех настроение падало, стоило

радисту открыть рот. Пришлось отправить его назад, на Большую землю.

Анфед вдруг хихикнул.

— Ты чего? — удивился Кубыкин.

— А у меня есть еще одно желание.

Все посмотрели на Анфеда. Он застеснялся, но победил себя:

— Ногу... Сломать...

— Но-о-огу? — протянула Надя. — Анфедушко! Ну зачем?!

— Ну как зачем? — совсем застеснялся Анфед. — Это ж три месяца свободного времени. А хорошо сломать, так и все пять. Больничные идут, на картошку не отправят... У нас один чудака так поломался, что, пока его лечили, докторскую успел написать...

Надя повернула смеющееся лицо к Веснину.

— А вы, товарищ писатель? Вы что хотите сломать?

— Судьбу, — хмыкнул Веснин.

— Есть причины?

— У кого их нет?

— Это вы за себя говорите, — ядовито ухмыльнулся Ванечка.

А Надя улыбнулась.

Хорошо улыбнулась, без насмешки, буд-то поняла что-то. Веснину сразу стало легче. Он всегда был такой: никакая ругань его не трогала, а вот доброе слово...

И подумал: может, прав Серов? Может, мне не с блокнотом прятаться в глухомани, а плюнуть на все и смотаться на Север?.. Говорят, в Кызыл-Кумах тоже не скучно... Куда-нибудь за Учкудук... Забыть про черные дыры, квазары, метагалактики. Забыть о пришельцах с Трента, выбросить из головы дурацкие теории... Покрутить роман... Он покосил на Наденьку... На пришельцах, что ли, стоит наш мир?

Почему-то вдруг вспомнил Харина.

Савел Харин, художник-любитель, точнее, любитель всех на свете художеств, борода-тый, как старообрядец, и как старообрядец замкнутый, еще до войны попал на Север. Там ему дали лавку — торгуй, стране пушнина нужна. Савел, подумав, придумал сделать лавку коммунистической — приходи, бери, что кому требуется, рассчитаешься, когда сможешь... И приходили, и брали, и были до-

вольны, и рассчитывались, когда могли. Только придирчивым ревизорам начинание Савела страшно не пришлось по душе — перевели его в начальники Красного чума. Вот тогда Савел и открыл для себя существование живописи, или того, что он сам считал живописью. На Красный чум приходило по разрядке сразу несколько иллюстрированных журналов. В тех журналах увидел Савел и Трех богатырей, и несчастную Аленушку, и печальное Не ждали, и даже Девочку на шаре, а не только с персиком. И все, абсолютно все приводило Савела в восхищение, он приглядывался к каждой линии. Рисунок какого-нибудь Притыркина из села Ковчуги рождал в нем не меньшую бурю, чем Брахмапутра кисти Николая Рериха. Когда возмущенные посетители Красного чума начинали допытываться — однако, где картинки? кто это вырезывал из журналов все цветные картинки? — Савел бесхитростно раскрывал толстые самодельные альбомы: вот, дескать, наши картинки! Бери альбом и любуйся! Он всерьез считал, что поступает правильно, и скоро слава о нем разнеслась по всему Северу. Правда, к этому времени Красный чум у него отобрали, а сам он перебрался в Норильск.

Слух о невероятной коллекции Савела, обрастая еще более невероятными деталями, облетел всю тундру. Известный художник, приехавший на Север, пришел к Савелу знакомиться. Прямо с порога он впал в ужас. Стены неприхотливой коммунальной квартиры были сплошь обклеены репродукциями, среди которых Шагал соседствовал с Герасимовым, а никому не известный мазила Тырин — с Пикассо.

«Вкус, вкус где?» — впал в ужас художник.

«Какой, однако, вкус? — удивился Савел. — Смотри, как красиво. Мне на смотре художественной самодеятельности специальную премию дали — за инициативу. Я на всю премию спирт купил. Вот спирт. Садись. Будем пить. Будем разговаривать об искусстве».

«Какое, к черту, искусство! Не хочу пить за отсутствие вкуса! Я же не сумасшедший».

«Я премию не за вкус получил».

Художник, в итоге, сел. Выпили. Савел

смирился. «Однако, ты что-то знаешь. Не тебе, ты рассказывай».

«Чем не пришелец?» — с нежностью подумал Веснин, вспомнив Харина. Тесная комната, гнусные репродукции, сияющие глаза... И взглянул на Наденьку. Ее-то какие желания томят?..

Анфед как подслушал его.

— Ну? — хмыкнул Анфед. — Тебе-то что пришло в голову?

Ответить Наденька не успела.

Хотела ответить, рот уже раскрыла, заранее смеясь над собственными тайными желаниями, но грохнуло рядом, и чудовищная, причудливо изломанная молния рассекла потемки, упала в море, затрепетала, риясь, бросила на леса ревушие раскаты грома.

Кубыкин вскочил.

— А генератор-то тарактит. Пойду, вырублю генератор.

И, как призрак, исчез во внезапно нахлынувшей на мир тьме.

Веснин вспомнил: вкладыш от спальника так и болтается на кустах... Но встал не сразу, не хотелось вставать... Лишь когда, поморгав, погасла на столбе лампочка, поднялся.

Новая молния хищно разорвала тьму. Палатка сама как бы выпрыгнула навстречу. Внутри свет — помаргивает свеча.

С в е ч а?

Какая еще свеча? Разве он, уходя, зажигал свечу?

Неприятный холодок пробежал по спине. А тут еще растяжка попала под ноги. Споткнулся, зацепился за куст, разорвал на боку рубашку.

Серов подарил рубашку.

Вдруг странно, необыкновенно ясно, удивительно четко увидел перед собой узкое язвительное лицо Серова. Его очки с треснувшим стеклом, щеку, легко оцарапанную безопасной бритвой...

Отмахнувшись от видения, вполз в палатку.

Ничего.

Никакой свечи, никакого огня — привиделось.

Нашарил спички.

Теперь — да, теперь свет, свеча, но это он сам зажег. Настоящая свеча, стеариновая.

На полу матрас надувной, спальник...

Ваньку валяешь, упрекнул себя.

И опять отчетливо до изумления увидел поляну, заставленную по периметру палатками, и он, Веснин, шумя, Ваньку по поляне валяет, Ванечку...

3.

Молнии нервно раздергивали тьму, занудливо и протяжно скрипела сосна. Этот однообразный скрип, душные вспышки... Сердце томительно билось, тревожно затуманивалось сознание...

Попробуй усни.

Впрочем, Веснин уже понял: не уснуть.

Давило сердце. Вдруг всплывало из подсознания что-то давно забытое. Дед Антон, был такой... В холодную зиму сорок третьего года это дед Антон, крадучись, воровал у Весниных дрова... Лицо матери, иссеченное ранними морщинами, седые волосы, падавшие на белый лоб... Толпа, текущая по улицам Калькутты — чудовищная, неостановимая толпа... Пляж в Линдосе, над которым по известняковым обрывам тянулась огромная надпись: «Просьба полиции: не заниматься любовью!» И еще что-то, скомканное, перепутанное, набросанное обрывками...

От сознания своей ничтожности в море человеческих лиц, в море человеческой истории Веснин замер, потом потянулся за сигаретами. Едва коснулся пачки, как небо рассекла невообразимая, раскаленная до белизны молния.

«Нельзя пошевелить цветка, звезду не потревожив...»

Коснулся спичек, молния ударила вновь — удручающе точно.

«А ну...» — хмыкнул Веснин и пять раз подряд ударил ребром ладони по краю надувного матраса. С той же периодичностью, будто и впрямь отвечая на удары, пять раз ударила молния, окончательно раскалив и без того душное небо.

Интересно, что там видел над рекой Кубыкин? Что за шар такой? Ведь действительно не бывает шаровых молний в метр диаметром...

Почему-то Веснину расхотелось совершать чудеса. Сказок в мире больше, чем за-

конов физики, ну их к черту.

Он лежал, стараясь ни к чему не притрагиваться. Даже сигарету не зажег. Пытался сжать веки, забыться, но странные тени, неясные силуэты медленно проплывали перед ним — по кругу, по кругу... То ли шаги в кустах, то ли шепот...

Приподнявшись на локте, быстро глянул в пульсирующий, прыгающий в разрывах сухой грозы пейзаж. Никого, конечно, поблизости не было. Надя уже, наверное, спит. И Анфед спит. И Ванечка, и Кубыкин...

Но спину обдало ледяным холодом.

Сияние слабое... Под сосной... Не в небе, а под сосной... Сияние...

Есть там кто?

Всмотрелся внимательнее.

И замер.

Некая тень, тень тени, некий призрак тени, газовый дымный шлейф, изнутри подсвеченный сиянием. И этот неясный шлейф воздушно мерцал, клубился во тьме, обвивал обожженную сосну... Нечто медлительное, нечто вечное... Веснин не знал, почему так подумал — вечное... Так подумалось, ничего другого в голову не пришло.

...и этот призрак ни на секунду не оставался в покое, он трепетал, как последние огоньки костра, подернутые пеплом, как волшебная паутина на сквозняке, пульсировал невнятно, то отбрасывая отсвет на всю поляну, то замирая, действительно, как угли в отгоревшем огне — мерцающий, чужой призрак...

Чужой.

Ну вот, поздравил себя Веснин, отдохнул, набрался здоровья.

И пожалел остро: нет дождя. Это все игра наэлектризованной атмосферы.

Не было дождя. Томила духота, зарницы вспыхивали. И был нежный, мерцающий под сосной, почти неуловимый на взгляд призрак.

Именно призрак. От него даже тени не было.

Впрочем, какую тень может отбрасывать призрак, да еще мерцающий изнутри?.. Анфед позвать?

Но позвать не успел. Выручил Кубыкин. Невероятным своим голосом прогудел из тьмы:

— ...с в е т.

Веснин замер.

Откуда Кубыкин? Почему Кубыкин? Почему «свет»?.. И еще внимательнее присмотрелся к призраку. Он-то, призрак, как отреагирует на голос начальника базы?

А невидимый Кубыкин снова повторил:

— ...с в е т.

И тогда до Веснина дошло — не Кубыкин это говорит. Это голосом Кубыкина кто-то ему, Веснину, говорит:

— ...с в е т.

Он не выдержал и широко распахнул полы палатки.

Газовый мерцающий шлейф дрогнул, будто на него ветром подуло, и медленно расплылся по траве, как сухой туман, затопляя сумеречным свечением каждую впадинку, заставляя светиться каждую травинку. Что-то легонько пискнуло, затрещало электрически. Веснин ощутил легкие покалывания, волной пробежавшие по всему телу.

— Ты кто? — испуганно спросил в темноту Веснин.

Он не ждал ответа, но голос Кубыкина, непомерно низкий, как пластинка на малой скорости, прогудел:

— Ты не поймешь ответа.

Неплохо отдохнул, поздравил себя Веснин. Видения, галлюцинации слуховые... И спросил:

— Это ты, Кубыкин?

— И да, и нет, — ответил Кубыкин, как бы дивясь собственным словам, но требуя при этом признания и авторитета. — Выбери ответ сам.

— Как это понимать?

И услышал:

— Я — и н о й.

— Иной Кубыкин? Как это может быть? Ты не один? Вас двое?

— И да, и нет. Выбери ответ сам.

— Как сам? Почему сам? Ты, что ли, не человек?

— Ты не поймешь ответа.

— Но я же слышу тебя. Почему мне будет непонятен ответ?

— Выбери ответ сам.

— А-а-а... — догадался Веснин. — Ты, наверное, моя галлюцинация...

— Выбери ответ сам.

Веснин дотянулся до сигареты, размял ее в руке, подозрительно всмотрелся в кусты — не прячутся ли там Ванечка и Кубыкин? От них всего можно ждать... И снова спросил:

— Ты кто?

И услышал в очередной раз:

— Ты не поймешь ответа.

— Но раз мы слышим друг друга и говорим на одном языке... Нас что-то связывает?

— Разум, — прогудел Кубыкин.

— А-а-а, — усмехнулся Веснин. — Выходит, мы Братья по Разуму?

Усмехнулся он не случайно. «Братья по Разуму» — так назывался один из самых известных его романов, переведенный на дюжину языков, среди них почему-то даже на фарси. Сейчас, в одуряющей духоте, в спиртовом мерцании пульсирующего вокруг сосны призрака любая литературная ассоциация могла вызвать только усмешку.

— Твоя реакция определяет твою ступень, — хрипло пробормотал Кубыкин.

— У Разума есть ступени?

— Я насчитываю их семь.

— На какой из них нахожусь я?

— Ты вступаешь на третью.

Веснин нацупал спички. Если этот призрак насчитывает семь ступеней, значит сам он их, наверное, давно прошел?.. Интересно, слышен голос Кубыкина в других палатках? Неужели это все шутки Ванечки? Если я сейчас выйду из палатки...

— Твоя свобода ничем не стеснена, — услышал он.

Уже хорошо, нервно хмыкнул про себя Веснин. Только смотря как... Выйду из палатки, а меня шваркнет разрядом...

Замирая, чувствуя неприятное стеснение в груди, он все-таки наполовину высунулся из палатки.

Никого. В палатках темно. Похоже, это не розыгрыш. Похоже, он действительно разговаривает с призраком.

Странно, эта мысль Веснина не успокоила. Раскурив сигарету, он с упорством идиота повторил свой вопрос:

— Кто ты?

— Ты не поймешь ответа.

Похоже, ему не собирались уступать.

— Откуда ты?

— У Разума одна родина.
— Что это значит?
— Ты не поймешь ответа.
— Но я же понимаю твои слова. Почему я не пойму ответа?

— Всегда ли дети понимают ответы взрослых?

— При чем тут дети? — удивился Веснин.
— К тому же, ребенку можно растолковать любое самое сложное понятие.

Голос Кубыкина прохрипел:

— Ты когда-нибудь возвращался в детство?

— В какое детство?

— В свое собственное.

— Я не умею, — растерялся Веснин. — Этого никто не умеет. Как это — вернуться в детство?

И зачем? — спросил он себя. Чтобы снова чувствовать холод пустого дома? Чтобы дед Антон, плача и матерясь, снова воровал чужие дрова? Чтобы снова оказаться в останевших очередях, понимая, что хлеб и сегодня могут не привезти? Чтобы... Нет, сказал он себе, я не хочу возвращаться в детство.

А мать?

Он вспомнил о матери и сердце его больно сжалось.

Сухая морщинистая ладонь, на ладони печеная в золе картофеля, иногда кусочек желтого сахара... На что она умудрялась выменивать эти богатства?..

Нет, он, Веснин, не хотел возвращаться в детство. Совсем наоборот, он лучше бы вытаскивал оттуда, из тех мерзлых голодных лет свою младшую, умершую от недоедания сестру, свою мать, плачущую над очередной похоронкой, даже нечестивого соседа деда Антона, воровавшего у них дрова...

Он, Веснин, выжил. Он, Веснин, вырвался из голодного детства. Может, та печеная картошка на ладони матери, тот кусочек желтого сахара и спасли его. Он, Веснин, отдышался, отъелся, он взял свое, а вот младшая сестра навсегда осталась там - в детстве. Нет, Веснин не хотел туда возвращаться. Он даже в книгах своих старательно избегал этой темы.

— Детство... — пробормотал он. — Что

тебе в моем детстве? — Он не знал, к кому обращается. — Если бы я и вернулся в свое детство, ты бы этого никак не почувствовал. Мой личный опыт всегда остается лишь моим опытом. Разве не так?

— Ты не поймешь ответа.

— Да и зачем тебе мой опыт? — никак не мог остановиться Веснин.

— Вспомни.

Голова закружилась.

Веснин увидел широкую пыльную улицу большого села Завьялово.

На выщербленных ступенях крошечной каменной церквушки, давно превращенной в овощной склад, сидел Ванечка Шашкин. Деревенский пацаненок в заношенной рубашонке, в подвернутых, великоватых для него штанах, на корточках примостился у его ног, завороченно следя за кончиком хворостинки, которой Ванечка рисовал на пыльных ступенях странные чертежи. Пассажиры давно вернулись в институтский автобус, нагулявшись после двухчасовой непрерывной тряски, не торопился только Ванечка, казалось, он не слышал окликов: «Эй, Архимед! Закрывай семинар! Ванечка, черт тебя!..»

Спокоен был лишь водитель автобуса.

Грузный, морщинистый, он тяжело сложил на руле испачканные мазутом руки. Он не материл Ванечку, он даже не торопил его. Он только повернул голову, когда Ванечка наконец поднялся в автобус, и негромко спросил:

— Не зашибут там мальчишку лошади?

Возле церквушки действительно бродили спутанные лошади.

— Не зашибут, — уверенно ответил Ванечка. — Ему уже почти три года.

— Ага, — кивнул водитель. — Я так же вот бегал...

Что-то незримое соединило вдруг грузного водителя и аккуратиста Ванечку, и все в автобусе уловили, почувствовали это, каждый пусть на мгновение, но вернулся на ту свою единственную пыльную улочку, Мазутную или Телеграфную, ставшую ныне Звездной или Космической, к тому единственному человеку, который когда-то, как вот только что Ванечка, сидел рядом с ними и чертил на пыльных ступенях странные волшебные чертежи.

Веснин тряхнул головой.

Ванечка Ванечкой, но он впрямь чувствовал себя ребенком. Заигрался на завалинке под закрытым окном, а окно внезапно растворилось, выглянул странный, видно -не злой человек, и видно было — человек этот готов ответить на любой вопрос, не теряйся лишь, спрашивай, а он, ребенок, растерялся, не успел о главном спросить, не успел даже понять, что для него — главное.

— Зачем тебе опыт? — спросил он вслух. — Ты что, не знаешь, что наш опыт на восемьдесят процентов замешан на лжи?

— Дети лгут, — непонятно ответил голос Кубыкина, — однако не их ложь разрушает миры.

— Это... — неуверенно начал Веснин. — Это и у тебя так?

И замер.

В его вопросе таилась ловушка. Заметит ее Иной?

Иной заметил.

Будто в чистую воду бросили горсть песка — пульсирующий шлейф, расплзшийся по траве, замутился. Темные струи разматывались по спирали, рались изнутри, бились под какой-то невидимой, но, несомненно, прочной оболочкой. И перед этой безмолвной, как зарницы, чудовищно непонятной борьбой, абсолютно непонятной, но открытой его взгляду, Веснин действительно почувствовал себя ребенком. И он -как ребенок — не успел. Он растерялся. Он нес всякую чепуху. Он спрашивал о чем угодно, только не о главном. Он не нашел главного вопроса. Если Иной и был его галлюцинацией, теперь это уже не могло иметь значения. Он не задал главного вопроса.

А мог.

4.

Утром Веснин вспомнил все — каждый звук, каждое слово, услышанное из уст лже-Кубыкина.

Было ли это сном?

Над сонной базой царило все то же душное сухое безмолвие, все спали. Впрочем, у причала не оказалось весельной «семерки» Анфеда, значит Анфед ушел в море проверять поставки. А может, к устью речки Глухой

— ловить лещей. Так Веснин и подумал. Пусть Анфеду повезет, подумал он, вспомнив высказанные Анфедом тайные желания, пусть он вытащит крупного леща.

На крошечном костерчике Веснин сварил кофе.

Темные палатки, сонный увядший лес, неразразившаяся гроза... С ума можно сойти, бормотал про себя Веснин. Тут скоро не просто голоса начнешь слышать, тут скоро и видеть начнешь.

Что-то его мучило, заставляло настойчиво вскидывать голову.

Лес как лес, берег как берег. Палатки по периметру. Ванечкина, конечно, отдельно — оранжевая, особняком.

Делом займись, сказал он себе. Пораскинь мозгами. Ге это видано, чтобы слуховая галлюцинация оставляла какие-то материальные следы?

Но он уже знал, что сегодня поработать ему тоже не удастся. Такова структура текущего момента, как любил повторять Курт Воннегут. У него, у Веснина, имеющийся в виду момент растянулся больше чем на неделю... Ну так что теперь? Бегать по берегу? Сходить с ума? Орать глупости голосом лже-Кубыкина?

Он не знал.

Он встал и бесцельно прошелся по пустому лагерю. За палаткой Ванечки свернул на тропу и вошел в подлесок. Прямо над дорогой, недели две назад взрытой гусеницами вездехода, возвышалась огромная береза. Ее когда-то белая кора растрескалась, почернела, печально и низко провисла гигантская надломленная ветвь. Дорога, взрытая гусеницами, сохла под изнурительным Солнцем, воздух дрожал, пронизанный электричеством, опутанный паутиной душного томления, но в печальной этой надломленной ветви Веснин неожиданно ощутил холодное дыхание близкой осени. Ей, осени, было плевать — мерзнут деревья или задыхаются от духоты, она была уже где-то рядом, и это она, а вовсе не душный жар, дохнула ранней желтизной на листву трепещущих осин и почерневшей от времени березы. Ничто не могло остановить ее прихода.

Ничто.

Минут двадцать, пораженный этим странным открытием, Веснин бродил по душному лесу. Что он искал? Он сам не знал этого. Может, просто хотел устать, почувствовать настоящее физическое утомление.

Собиратель опыта, раздраженно вспомнил он. И н о й. Что какому-то Иному от нашего лживого опыта? Кто-то из исследователей, раздраженно вспомнил он, оценил опыт человечества примерно в десять в двадцать третьей степени бит. Неплохая величина. Интересно, какой ее процент занимает ложь?..

Он запутался. Он не понимал себя. Единственное, что он знал точно — если и сегодня не разразится дождь, они тут сойдут с ума в душных палатках.

Ага, ухмыльнулся он. Этот Иной, он собиратель, он коллекционер чужого опыта... В Веснине вдруг проснулся профессионал... Набив подсознание чужим опытом, этот Иной появляется в своей Поднебесной и там, любуясь добычей, распакивает перед ничего не подозревающими соплеменниками этот ящик Пандоры, вываливает перед изумленными соплеменниками чужой бесполезный, а то и попросту вредный мусор... Этим беднякам не позавидуешь... В самом деле, как, можно ли использовать чужой опыт?.. По крайней мере, Веснин это знал, люди такому пока что не научились.

Он вышел на берег тихой речки и присел на старый пенек, причудливо разрисованный пятнами сухих лишайников.

Странная штука опыт. Даже собственным не всегда можно воспользоваться... К тому же, чтобы приобрести настоящий опыт, надо самому прожить свою жизнь... Да и тем, чем пользуешься, далеко не всегда пользуешься сознательно...

Он повел плечом.

Вновь на лес и на речку накатывалась душная волна сухой грозы, потрескивали, дыбом вставали волосы, сердце отяжелело, трепыхалось тяжело, испуганно, наполняя мозг нехорошей, темной тревогой.

Веснин глянул на воду.

Темная вода, плотная. Кувшинки над нею. Берег невысокий, порос пышными кустами шиповника. Прямо за кустами простирался лужок.

Ну да, лужок... Широкий... Пустой... Лужок как лужок, сказал себе Веснин. Травка редкая... Только вот почему-то поперек этого милого лужка от края до края желтая жухлая узенькая полоска, будто по траве там огненным шнуром хлестнули...

Ну, пожухла трава, подумашь... Может, ей воды не хватило...

Но почему пожухла по прямой линии?

Веснин подозрительно оглядел речку, будто и по воде должна была тянуться такая же узкая жухлая полоска.

Чистой была вода. Темной. Белые кувшинки лежали на ней, как на тверди.

А проверить надо бы, как бы оправдываясь, сказал себе Веснин. Приснилось или не приснилось, проверить все равно надо. Ведь видел что-то такое Кубыкин, и ему, Веснину, голос тоже не приснился...

Он усмехнулся. И н о й... Вот так вот однажды за одну ночь жизнь действительно превратится из объекта чудес в объект статистики...

Коллекционер опыта...

Ни с того, ни с сего Веснин вспомнил капитана Тимофеева.

Был такой. Объявился однажды на литературном семинаре.

Шумный крепыш, с бородой, как у адмирала Макарова, голубоглазый, русский, на плечах китель с шевронами. Настоящий, не придуманный капитан — ходил над Атлантидой, глушил рыбу во всех гексафлегонах. Ну, понятно, и ждали от капитана тайфунов и бурь, страстей нечеловеческих и пейзажей, а он, паскудник, заломил крепкие руки и завыл: «Луч заката прощальный в голубой тишине, пики горные грезят небывальными снами...» С похмелья такого не сочинишь!

Слова, слова, слова.

Но на этом Веснин и поймал капитана.

В перерыве, в буфете, он присел за столик капитана и плеснул себе из его бутылки. Ну и дерьмо ты читаешь, сказал он капитану. Я думал, такое сочиняют вокзальные проститутки, чтобы приставать, как они думают, к интеллигентным людям.

Капитан Тимофеев побагровел и крепко ухватил полупустую бутылку за горлышко.

— Ну точно, — сказал Веснин. — По тебе

видно, ты еще в том возрасте...

И насмешливо процитировал:

— «А вот здесь одноклассница Ася мне читала стихи Маршака...»

Вот, добавил он. Это тебе не пики горные, тем более, что пиков долинных не существует. Это тебе не луч заката прощальный. Это стихи про одноклассницу Асю. Эти стихи написал какой-нибудь лопухий школьник, но лично тебе и такого не написать. Для тебя эта штука уж точно должна звучать сильнее, чем «Фауст» Гете.

Капитан Тимофеев рвался в бой, но его крепко держали два дюжих семинариста. Веснин наслаждался. Он не любил графоманов. Этот неординарный капитан сбивал его с толку.

— Хочешь, — сказал он багровому, рвущемуся из рук семинаристов капитану, — хочешь, я расскажу, как ты сочиняешь свои лучи прощальные?

— Вали, крыса бумажная! Давай! — выкрикнул капитан, пытаясь вырваться из крепких, сжимающих его рук.

Веснина вела интуиция.

— Ты берешь листок бумаги, — сказал он капитану, — тебе, наверное, нравятся такие маленькие аккуратные листки. — На семинаре он видел — портфель капитана набит такими листками. — Тебя мучает что-то неопределенное, опыт, как ревматизм, ломает душу, требует — поделись мною с кем-нибудь! И ты, торопясь, жадно прикидываешь — у какого классика можно спереть пару звучных рифм, и как эти рифмы можно использовать в собственном жалком тексте. При этом ты понимаешь, что любой стихотворный текст в твоём исполнении будет только жалок.

Веснин вздохнул и выдал главное:

— Ты жадно прикидываешь, что же еще можно сделать со своим жалким стишком, и тут, наконец, отчаявшись, уже ничего не понимая, ты плюешь на свои стишки и начинаешь писать прозой, так, как и должен от природы писать. — Здесь Веснин уже вступил на тропу опасных гипотез. — Ты вспоминаешь, скажем, торию, эти ритуальные деревянные ворота, похожие на иероглиф, которые японцы ставят прямо в воде, или об-

рубистый мыс, поросший флаговыми деревьями, ты вспоминаешь, как эти мысы заходят друг за друга, будто кулисы, и постепенно превращаются просто в голубизну... Ну, ты знаешь, как это выглядит...

И спросил:

— Я что, вру?

Он понимал: если он не угадал, капитан Тимофеев пустит в ход бутылку.

Разумное взяло верх.

— Отпустите меня...

Капитан стряхнул с себя семинаристов и хлебнул из освободившейся бутылки.

— Ты не врешь... Только как это ты догадался?..

Тогда именно капитан стал открытием семинара. Именно в прозе капитану Тимофееву удалось сказать то, что он мучительно хотел сказать. С некоторой даже завистью Веснин подумал: это ведь капитан, а не я, доходивший в Тихом до острова Мальтуса, написал об одиноких островах, стоящих над океаном, как черные базальтовые стаканы, это он, а не я написал о вечерней большой воде, пахнущей ламинариями и бездной, это он, а не я описал переливы за Парамуширом, где на наших глазах затонул МРС, вынесенный прямо на камни... Черт возьми! Пусть на первой книге рассказов капитана Тимофеева стояло посвящение Веснину, он, Веснин, автор десятка известных романов, так и не смог избыть непонятной тревожной ревности.

Тоже — тайна.

Он поднялся с сухого пня. Тайна. Как ее разгадать? Особенно при таком визге.

Визжала Надя.

5.

До палаток Веснин добежал минуты за три, не больше. Позже он прикинул расстояние и сильно себя зауважал — недурной результат однако. Правда, на Детском пляже его обогнал Кубыкин.

— Я им ничего не давал, — на бегу прохрипел Кубыкин. — У меня на базе сухой закон. У меня даже припасов никаких нет. Это, наверно, Анфед сплавал в деревню.

Но Анфед в деревню не плавал, и парфюмом ни от кого не несло. Просто Анфед,

стоя по пояс в мутной воде, тащил на берег визжащую Наденьку. Дважды они шумно шлепалась обратно в воду, но Анфед от Наденьки не отступился, выволок ее и, как русалку, бросил в траву. Метрах в пяти на крутом обрывчике задумчиво стоял аккуратный Ванечка. На его тонких губах играла язвительная улыбочка.

— Ну ты! — возмущенно заревел Кубыкин с изумлением разглядывая мокрую Наденьку. — Визжишь, а живая!

— Дура, — в свою очередь оценил Надю Анфед, отряхиваясь, как мокрая собака. — Нашла место для купания.

— Да я же не просто так! — Наденьку затрясло. — Я же хотела ее поймать. Там она, там! Я бы не стала просто так прыгать!

Вместе с Весниным на деревянный помост, с которого недавно прыгала Надя, поднялся и Кубыкин. Помост, резко обрывающийся в воду, служил при паводке причалом, но сейчас вода лежала низко. С реки несло листву, всякий мусор. Прыгать в такую воду могла только дура, тут Анфед был прав. Хотя... Если всмотреться, сквозь муть, сквозь неподвижность темной воды впрямь что-то просвечивало — неясное, пускающее тусклые блики...

Движение... Всплеск... Рябь сонная, солнечная...

— Спокойно! — рявкнул Кубыкин. — Анфед!

— Ну? — недовольно спросил мокрый Анфед. Он отжимал рубашку.

— Тут она!

— Кто она? — раздраженно спросил Анфед.

— Ну, она... — пояснил Кубыкин. И рассердился: — Я почему знаю?

И н о й — сразу решил Веснин и почти по-детски обиделся, будто что-то, обещанное только ему, вдруг показали сразу всем. Впрочем, с чего он взял, что что-то обещали только ему?.. Был огненный шар, виденный Кубыкиным, была подводная солнечная рябь, привлекавшая Наденьку... Он с необыкновенной, поразительной ясностью, как впервые, увидел — утомленный духотой берег безлюден, пуст, наклонные сосны, подмытые течением, несчастливы... А Ванечка?.. Как он бе-

зучастен, как ироничен. Как бесконечно скучен ему Кубыкин, как равнодушно разглядывает он Анфеда...

— Ладно, — сказал Веснин. — Я пошел. Разбирайтесь сами.

— Да в чем разбираться? — спросил Ванечка.

А Наденька совсем расстроилась:

— Ты сам нырни! Сам нырни!

Удовлетворенно усмехнувшись, будто он и ждал чего-то такого, аккуратный Ванечка повернулся и, насвистывая, направился к кухне.

Веснин оглянулся.

Вода в речке стояла скучная, не было в ней никакой подводной солнечной ряби. Так... Мертвая муть... Палые листья мокрые...

Отвязав от мостков «семерку» Анфеда, он бросил в лодку желтый спасательный жилет и оттолкнулся от берега.

6.

Речка звалась Глухой.

Такой она и была — глухая.

Весла без всплеска уходили в темную воду, так же бесшумно вскидывались над водой. Кувшинки, камыши, шиповник по берегу...

Выбравшись на берег, на уже знакомый лужок, Веснин прошелся вдоль жухлой, действительно, будто огненным шнуром выбитой полосы.

Вот это да!

Под жухлой травой земля оказалась рыхлой, перекаленной, будто жгли ее высокочастотным разрядом — у травы корешки обуглились.

Веснин ошеломленно покопался в земле. Взять горсточку на анализ?.. Надо бы... Засмеют? Подумаешь... Капитан Тимофеев тоже знал — над его стихами будут смеяться... Ну и что?.. И вообще... Кому какое дело?.. Может, я почвоведением увлекся, Докучаева читаю, академика Прянишникова... Дожди начнутся, потом найди ее, эту полосу...

Не зря визжала в воде Наденька, подумал он. Видела что-то, серебрилось что-то в воде... И шар огненный пред взором Кубыкина... И мои вчерашние эксперименты с молниями...

Иной!

Не приснилось... Ничего не приснилось...

Он молча сунул в карман кулек, свернутый из старой газеты. В кулке была проклятая земля. Еще раз оглядев полянку, сел в лодку и оттолкнулся от берега, доверившись течению — пусть несет к морю, может, хоть там нет такой духоты.

7.

База поразила Веснина немыслимой, вызывающей чистотой. Час назад тут все выглядело иначе. Окурки валялись, щепки. Возле кухни уж точно валялись консервные банки, а теперь тропинки были подметены, а трава чуть ли не расчесана. На кухне хорошо и вкусно пахло свежесваренным чаем.

— Садись, — пригласил Ванечка. На базе все были на ты. И удивленно погладил тонкие усики: — Ишь, Кубыкин как расстарался.

Он имел в виду прибранную, с иголки, базу.

— Действительно, — покивал Веснин и заметил подошедшему неслышно начальнику базы. — Что нас-то не предупредили? Метлой и мы махать можем.

Кубыкин запыхтел, странно бегая несколько округлившимися, как всегда выпуклыми глазами.

— Ну, это... Вы помашете... Знаю я вас...

И неопределенно повел плечом.

— Ночью слышали? Ветер... Посдувало кое-что в море... Так, лишнее тут прибрал... Вон мусор... Все еще в море плавает...

Кубыкин откровенно и трусливо врал.

— Ветер? Ночью? — удивился Веснин, но почему-то слова Кубыкина не вызвали у него протеста. Ну врет, что с того? Кубыкин, он мужик авторитетный, ему можно. Томясь, опуская лживые глаза, сказал:

— Ага... Ночью вроде ветер шумел...

Ванечка поднял прищуренные глаза. Кажется, он был изумлен. Это что? Это писатель не верит Кубыкину? Кубыкин — не радио! Кубыкину можно верить!

Похолодев от неясных предчувствий, Веснин понял, что на базе впрямь что-то произошло. И Кубыкин, наверное, отнюдь не самое серьезное испытание.

Интуиция его не обманула.

(75)

АЭЛИТА

Было так.

После обеда устроился с Кубыкиным на Детском пляже. Проигрывая третью партию, начальник базы авторитетно, хотя и не без некоторого лицемерия, заметил:

— Первейшая игра шахматы... Эта в смысле умственном, значит... Потом уже штанга... Верно?

Веснин кивнул рассеянно.

За спиной начальника базы уютно тянулись белые пески Детского пляжа, растворяющиеся незаметно в уродливых тальниках выступающего в море мыса. Никто никогда в те тальники не ходил — сыро, топко, злобные комары, но сейчас в тальниках что-то хлюпало и ворочалось. Боясь привлечь внимание Кубыкина к происходящему, Веснин всматривался незаметно — кто там хлюпает в лужах?

Анфед!

Хмур, озабочен, озирается быстро. Под мышкой мешок. Глянет из тальника, снова спрячется. Или потерял что-то или наоборот — ищет. И явно, явно озабочен, как бы его кто не засек в тех тальниках.

На пляже Анфед появился минут через двадцать, причем совсем с другой стороны — с дороги. Видимо, след запутывал, не хотел, чтобы видели, откуда пришел. Только о кедрах не подумал — промокли они насквозь, и шел Анфед странно. Спортсмен, всегда держался прямо и независимо, а тут сгорбился, каждую ногу ставил осторожно, будто боялся споткнуться.

— Устал? — полюбопытствовал Кубыкин, упрямо расставляя фигуры для новой партии.

— Устал, — вздохнув, подтвердил Анфед.

— А рыбку словил? К ужину рыбка будет?

— Не будет к ужину рыбки, — еще горше вздохнул Анфед. Был он чем-то озабочен, часто оглядывался на тальники. — У меня поставки сняли. Из деревни кто-нибудь снял. И, видишь, мозоль натер... — он показал Кубыкину действительно натертую руку. — А поставки, может, и химики с соседней базы сняли, ищи их теперь...

— Да химики! — авторитетно подтвердил Кубыкин. — Я их знаю. И в армии у нас сержант всегда говорил — химики...

И спохватился:

— Мозоли-то как натер?

— Волна... Лодку так и водит вокруг якоря... Все время за весла хватаешься...

Веснин поднял голову. Море на много верст лежало плоское, тихое, как стекло.

— Ладно, — Кубыкин смешал фигурки. — В сон тянет. Пойду посплю с полчаса...

— И я, — обрадовался Анфед.

И снова Веснина поразило то, как Анфед шел — ступал на землю сразу всю ступней, старался ступать как можно тверже, даже палку какую-то подобрал, опирался на нее, как старик.

— И ноги, что ли, потер?

— Волна... — буркнул Анфед. — Лодку, говорю, так и водит вокруг якоря...

А перед палаткой Анфед осторожно опустился на четвереньки, так и вполз в палатку, сразу зашнуровался изнутри. Устал, дескать.

Веснин покурил. Свихнуться от духоты можно. Что мог делать Анфед в тальниках?

Круговой дальней дорогой, обойдя кухню, мимо баньки, мимо пустой волейбольной площадки, усыпанной сосновыми шишками, никем не замеченный, добрался до тальникового мыса.

Пусто, глухо. Лужи ржавые, комары попискивают. Вырожденцы — кусать разучились, целиком ушли в писк.

Что тут можно спрятать? Ведь был под мышкой Анфеда мешок, а вернулся спортсмен без мешка... Может, притопил в луже?..

Точно!

Вот он, мешок. Торчит краешек из воды, камнем придавлен.

Не раскрывая мешка, Веснин догадался, что там внутри — лещ!

Красавец! Сантиметров на семьдесят, на все девять кило потянет. Чешуя, как копейки, одна к другой. Такого не в лужу, такого на кухню тащат!

О леще Веснин думал автоматически, в голове стояло другое. Вчерашний костерок, сухие молнии... Надин голос... «Если бы сбывались желанья...» Вот они и начали сбываться! Чего вчера пожелал Анфед? Леща! Да такого, чтобы чистить его от хвоста до обеда!

И похолодел. Не только леща. Не только... Настолько «не только», что одна только мысль об этом и загнала Анфеда в уют-

ные тальники. Да и как не полезешь? Ведь если сказал ты — хочу леща! — а лещ тут же и объявился, значит и другое желание где-то на полпути. Зря, что ли, Анфед так осторожно ступает по ровной земле, как старик, опирается на палку? Он умный — Анфед, мало что неудачник. Все он понимает, четко блюдет логику. Раз ему подкинули леща, значит и насчет ноги позаботятся. Кто или что, это неважно. Важен факт. А лещ — это факт. Да такой, что проклянешь себя за дурацкие желания. «Ногу сломать...» Подальше, подальше от таких подарков! А этого леща — в болото. Вот, дескать, вам, матушка-природа или что там еще, ваш разлюбезенный лещ, и, пожалуйста, не тревожьтесь насчет моей ноги...

Умница Анфед, ухмыльнулся Веснин. Ну, прямо Филиппок, чисто сработал.

И вздохнул. Сам-то что вчера брякнул вслух? «Судьбу сломать...»

Лещ в мешке дернулся.

Веснин волоком дотащил разбухший грязный мешок до воды и вытряхнул рыбину в море. Лещ как упал в воду, так и затонул. Пустил пару пузырьков — и как его и не было. Может, утонул? — испугался Веснин. И сказал вслух:

— А это уж твое дело. Я тебя, лещ, в родную стихию вернул, дальше сам выпутывайся.

8.

А вечером вдруг разошелся Ванечка, бывал он и таким. Вытащил к костру все еще дующуюся на всех Наденьку и ударил по струнам гитары.

— «Эх, была бы дорога от звезды до звезды, на коне проскакал бы...»

— ...и туды и сюды! — хрипло поддержал Ванечку Кубыкин.

— Вот видишь, — опустил гитару Ванечка. — А ты говоришь, Кубыкин, голоса у тебя нет, слуха у тебя нет. Все у тебя есть, Кубыкин, просто ты опустился.

На шум выполз из палатки Анфед. Сел не на крепкий пенек, не на скамейку, аккуратно расстелив на песке штормовку, опустился на нее. Так не упадешь, подметил про себя Веснин. А Кубыкин удивился:

— Мозоли болят?

— Да так... — неопределенно повел рукой Анфед. И хотел что-то объяснить. Но Наденька уже взялась за свое:

— Было что-то в воде! Было! Я не придумываю. Скажи, Кубыкин!

— Да там в воде всякое, — авторитетно подтвердил Кубыкин, не сводя глаз с Анфед. — Милка Каплицкая, например, таз эмалированный утопила. Мне списывать теперь. Сколько таких дур, как Каплицкая?

— Анфед, посчитай, — привычно попросил Ванечка.

— Я уже посчитал, — хмуро сообщил Анфед. — С Надей — две.

— Анфед!

Анфед отмахнулся. Забрал гитару у Ванечки, забренчал, подвывая печально, страстно:

— «Ничего такого нету, все в порядке, все ажур, только съехали соседи и уперли наших кур. Машка бросила Ивана, Манька вышла за Петра...»

Веснин покачал головой. Если и сегодня дождь не прольется, не вылезем с базы, застрянем здесь навсегда.

Но от костра не ушел.

И дымные сумерки уже сгустились над лесом, и странно зеркально вспухло, багрово выпятилось прежде плоское море, и темный жар сумерек затопил лесистые берега, а Веснин все не отходил от костра, искал объяснений. Ну да, был лещ, но Анфед ведь не сломал ногу. Ну да, оказался лагерь выметенным, как Красная площадь перед праздником, но ведь ни на ком это никак не сказалось. Ну да, слышал он, Веснин, странный гдлос, только чего не услышишь в ночном предгрозовом, утопленном в духоту лесу?.. А еще Кубыкин. Вот видно, все врет, но авторитетно врет, уверенно. Что-то такое светится в его глазах... И, наконец, жухлая полоска, прокаленную землю с которой он собрал в газетный пакет...

Серова бы сюда. Серов — человек решенный. Он немедленно вызвал бы на базу своих приятелей-физиков, ну а химики здесь под боком...

Все-таки Веснин встал.

Но в палатке он устроился головой к входу, чтобы слышать голоса ребят, чтобы слы-

шать хвастливые, но чудовищно убедительные при этом байки Кубыкина. «Вот сержант мне и говорит...»

Одно мешало Веснину — раздражение. Увязал в чепухе, пытаюсь что-то осмыслить. Терял логику рассуждений. Пакость какая-то клубилась в душе, будто душу, как колбу, переболтали. Видел бесконечную вереницу когда-то не доведенных до конца дел, среди них — сейчас понимал — были и настоящие...

Опыт... Что толку в опыте, если нет возможности его реализовать? Какой опыт поможет убедительно нарисовать будущее, нарисовать человека будущего? Разве самый умный и опытный дьяк Петра Первого сумел бы дать более или менее убедительное описание российского человека, скажем, двадцатого века? Какого же черта я берусь описывать людей, которые могут жить на Земле через двадцать, даже через тридцать веков?..

-Ты не поймешь ответа.

Подняв голову, он уже знал, что увидит. И не ошибся.

Нежный газовый шлейф, слабо светящийся, переливающийся, как тусклая радуга, вновь клубился вокруг ствола обожженной сосны.

Веснин сжал кулаки. Какой смысл в столь одностороннем общении? «Ты не поймешь ответа...» А ты сделал что-то для того, чтобы я смог понять ответ?

Расслабься, сказал себе. Ты разговариваешь сам с собой. На кого тебе обижаться? На эхо?

Эхо...

Может, и правда, я разговариваю сам с собой?

Он усмехнулся. А лещ? А поведение Анфеды? А визг Нади? А чистая территория? А авторитетная убедительность начальника базы? И эти семь ступеней? Он сам ведь только на третью всходит... Если я сам с собой говорю, то, может, я говорю с собой будущим, явившимся оттуда, где человек уже вечен? Как вид, конечно, не личность...

Он покачал головой. Почему человек будущего должен ходить на газовый шлейф и говорить голосом Кубыкина? Почему человек будущего должен так настойчиво напо-

минать о детстве, приглашать в детство, ведь там — боль, там ничего, кроме боли.

Разве? — подумал он. Разве там ничего другого не было?

А летний сеновал, дыра в крыше, а несколько звезд в дыре? А душное сено, а долгий рев коровы, пускающей с губ стеклянные струйки прозрачной долгой слюны? А молочный туман над рекой, а кусочек желтого сахара к чаю, а болтовня у костра и печеная в золе картошка?..

Вспоминая все эти сладкие вещи, он не испытывал облегчения. Он видел — газовый шлейф под сосной истончается, тает, расплывается на отдельные, почти невидимые волокна...

— Ты уходишь?

Иной не ответил.

— Я не успел спросить... — Веснин торопился. — Я еще не успел спросить...

Иной не ответил.

И отчаяние впрямь охватило Веснина. Он же действительно не успел. Он же слышал голос лже-Кубыкина, пять минут назад слышал. Что могло измениться за пять минут?..

Но он чувствовал — что-то изменилось.

Но тогда зачем все? Зачем лещ? Зачем солнечная рябь в темной воде? Зачем растения, люди, микробы, звезды, галактики? Зачем молнии, духота, равнодушие Ванечки? Зачем Надин испуг?

З а ч е м в с е ?

— Выбери ответ сам.

— Но ведь для этого я должен пройти все семь ступеней!

Иной не ответил

Он гас. Он рассеивался.

Реже вспыхивали зарницы, тускнело небо, звезды потихоньку терялись в лохмотьях напалзающих с моря туч. Молния, не похожая на прежние, крючковатая, хищная, легко скользнула над берегом, до основания разрушив тьму, и не было больше тишины, как не было больше Иного. Стонала обожженная сосна, надувались, трепетали на ветру полотнища палаток. В раскаленном воздухе, шипя, скользнули первые капли.

Анфеду хоть повезло — не сломал ногу...

Веснин прислушивался к дождю. Может, Серов имел в виду такого вот соавтора? Мо-

жет, вообще не бывает работ, выполненных без соавтора? Разве не был соавтором Колумба тот матрос, что крикнул с мачты: «Земля!»? И разве не был соавтором Эрстеда тот студент, который первым обратил внимание великого физика на странное поведение стрелки компаса, случайно оказавшегося рядом с проводами, по которым пускали ток? И разве...

К черту!

Он нашупал газетный кулек, лежавший рядом с матрасом. Горстка земли для химанализа... Интересно, можно подвергнуть химанализу душу?..

Еще не понимая, что он делает, он, не примериваясь, запустил кулком в сосну. «Ты не поймешь ответа...» Наверное. Но я и не хочу его понимать, я хочу добраться до ответа сам, чтобы он был м о и м ответом!.. Ударившись о сосну, кулек лопнул, сухая земля глухо осыпалась на обнаженные, расползшиеся вдоль тропинки корни.

Вот и все. Дождь все замочит.

Веснину стало легче.

Он слышал, как стучат капли, как душное напряжение медленно отпускает пересохшую землю. Он слышал, как закипают соки в тугих стволах и как успокаивается во сне тяжелое дыхание Кубыкина. Он даже Ванечку вдруг увидел - его птичьих аккуратные усики. И вот странно, впервые они не вызвали в нем протеста... Интересно все же: какие Ванечку

стали тайные желания?..

То, что дождь наконец начался, было хорошо. То, что Анфед все-таки уберечь ногу, было замечательно. То, что природа начинает приходить в себя, было еще лучше. И если Иной исчез, не следует его уход оценивать однозначно. Если он ушел, значит он уверен в нем, Веснине, значит он уже уверен в том, что его не затопят лошади. Ведь если бы он впрямь считал его беспомощным ребенком, он бы не оставил его.

Веснин сел и медленно развел руки в стороны. Как никогда, он чувствовал прекрасную силу здорового еще тела, как никогда, чувствовал — впереди еще не одна ступень. А соавторы...

Он испуганно вздрогнул. Откуда-то из дождя, из неясного шума, производимого ветром, ворвавшимся с моря в лес, до него донесся все тот же невероятный, то хрипящий, как труба, то срывающийся на фальцет голос Кубыкина. Веснин даже испугался: Кубыкин ли? Может, Иной вернулся?

Но нет. Это ломился сквозь кусты Кубыкин.

Он материл весь мир, он лез прямо сквозь колючий куст шиповника, он хрипел, как черт знает кто. И он прорвался сквозь куст, упал перед палаткой на колени и невероятным голосом своим, дивясь сам себе, позвал:

— Эй, слышь, писатель? Пойдем. Там Анфед сломал ногу.

1979

Владимир КЛИМЕНКО

УРОД

Рисунок Ольги СТУЛОВОЙ

Я — урод. Я давно знаю об этом. Когда тебе постоянно говорят: «урод, урод», — поневоле не вырастешь нормальным. Впрочем, даже если бы мне ничего не говорили, я бы все равно вырос таким. Мне всегда хотелось походить на тех, кто меня окружает. Но вокруг меня люди, а я — урод.

Для родителей, конечно, я был обычным ребенком. Но ведь и они были уродами. Это чистое безумие — то, что они затеяли. Уехать от своих в чужую страну только для того, чтобы стать людьми. Нелепая затея. Мне никогда не стать человеком.

Ночью, на крыше, снимая ремешки, связы-

вающие концы моих кожистых крыльев, я постоянно запинаясь, когда бегал вокруг с леиногда начинаю чувствовать себя свободным. Лекарствами.

Один шаг в пустоту — и воздух подхватывает меня и несет через спящий город в луга или к лесу. Там летом часто встречаются похожие на меня создания. Маленькие летучие мыши с такими же кожистыми крыльями. Отвратительные твари — так говорят люди. И таким же отвратительным, должно быть, представляюсь им я. Урод, урод.

У меня хорошее лицо с правильными чертами, темные волосы и синие глаза. «Красавчик», — часто повторяла дома мама, а на улице я слышал — «урод».

Мы старались жить, как все. Особенно старался папа. Это была его идея — приехать сюда, чтобы стать человеком. Он ходил на работу, а когда возвращался вечером к нам, на него было больно смотреть. Он стонал, развязывая ремешки на концах крыльев. Он так ловко научился прятать свои огромные черные крылья, перекрещивая их на спине, что их было почти незаметно, особенно под пиджаком.

— Что говорят на работе? — спрашивала мама.

— Они говорят, что я хороший механик.

— А они по-прежнему...?

— Да, они по-прежнему называют меня Квазимодо. Но они перестанут. Вот только отпадут крылья.

Тогда отец еще верил, что наши крылья могут исчезнуть. Он часто повторял вечерами:

— Смотрите, у меня уже почти не растут когти. Да они и не похожи стали на когти. Надо их лишь чаще подстригать.

А у меня за последнюю неделю когти растут все быстрее. Мне уже трудно стало держать ручку, когда пишу, и я постоянно рву бумагу. И лицо у меня изменилось. Я даже боюсь подходить к зеркалу. Щеки запали, и нижние клыки начинают наползать на верхнюю губу, и в глазах появился сухой нездоровый блеск.

Неделю назад умерла мама. Она умирала тяжело и долго, а я не мог вызвать к ней врача. Если бы приехал врач, то ее, может быть, и спасли, но тогда она вряд ли бы вернулась домой. А, скорее всего, добрались бы так же и до меня. Маме трудно было лежать на спине, мешали крылья, и она широко разбрасывала их по обеим сторонам кровати, и я по-

Мы уже давно научились лечить себя сами. Обычными людскими лекарствами. Хотя мы и не люди, они, как правило, нам помогали, но только не в этот раз.

Мама умерла, и я похоронил ее сам на лугу за рекой, куда легче было долететь из-за попутных потоков воздуха. Нести ее было тяжело. Я летел низко сначала над городом, постоянно боясь, что заметит патруль и откроет беспорядочную стрельбу из автоматов, — в городе второй месяц действует комендантский час, — а потом над рекой с белыми и красными огнями бакенов. Я летел так низко, что пропыхтевший одинокий буксир обдал меня теплым и вонючим дымом дизеля, и мои крылья качнуло над черной водой.

Я не знаю, где мама брала талоны на продукты. Как странно, что родители так и не удосужились посвятить меня в обычные людские дела. Мы научились обходиться немногим. Отец всегда говорил:

— Для того, чтобы стать настоящими людьми, надо научиться питаться, как они, и, по возможности, обходиться без мяса.

Теперь, когда когти у меня отрастают за день больше, чем раньше за неделю, мне все чаще представляется охота. Странные картины пронесаются в моем мозгу, когда я лежу ночью в кровати и пересиливаю желание выйти на крышу и окунуться в насыщенный запахами летний воздух. Я знаю, что вон на том тополе постоянно ночует большая стая воробьев. Я бы мог их есть целиком, с перьями, перемалывая хрупкие косточки крепкими зубами. Я знаю, что мог бы сделать это, хотя еще ни разу не поймал и не убил ни одного живого существа.

Только во сне приходит ко мне картина охоты, и я вижу глубокие провалы теней между редкими деревьями саванны и маленькое стадо антилоп, чутко вздрагивающих даже во время отдыха, и себя, почему-то со стороны, летящего над острой и жесткой щеткой травы. А дальше всегда следует быстрый нырок вниз, и я чувствую, как мои когти впиваются в нежное ворсистое горло, и тут же я обрушиваю всю тяжесть своего тела на тонкий и одновременно упругий антилопий хребет...

После этого сна я обычно просыпаюсь от какого-то хриплого урчания и только потом с

удивлением замечаю, что эти страшные звуки издаю я сам.

Раньше я всегда после этого сна видел над собой встревоженное лицо матери. Она гладила меня по руке и успокаивала, что сон больше не повторится. А по утрам отец испытующе смотрел на меня и недоуменно вскидывал брови — ему было непонятно, почему я вижу эти сны, хотя и не помню своей родины.

Уже значительно позже отец неохотно и скупко начал рассказывать о том, как мы жили раньше. О нашем небольшом народе, прячущемся в глухих необжитых районах, о нашем великом умении охотиться и сражаться, о жестокости нашего племени и ненависти к людям. Люди теснили наши семьи все дальше и дальше, вглубь континента. Они строили города и дороги, они убивали наших воинов, и нас становилось все меньше, они называли нас колдунами и нежитью, а мы подстерегали ночью одиноких путников и перекусывали им горло, и этой ненависти не было конца.

— Но ты не должен быть таким, — всегда повторял после своих рассказов отец. — Мы все не должны быть такими. Мы должны жить в мире, где любовь и согласие, мы должны научиться любви, иначе у нас не будет будущего. Многие из нашего племени не понимают этого, и они обречены. Только любовь спасет нас:

Он так часто повторял это, что и сам поверил в свои слова. И еще он верил, что если жить среди людей и как люди, у нас отпадут крылья.

Не знаю, почему он выбрал эту северную страну. Может, потому, что она далеко от родины, и нам здесь будет легче забыть прошлое. А может быть, мы приехали сюда из-за его веры, что люди здесь добрее и лучше, чем в других уголках земли.

До сих пор остается загадкой, как родители сумели раздобыть документы. Ведь в этой стране документы — это все. Но отец очень старался.

— Мы — способные, — говорил он. — Мы сумеем стать, как все.

Отец всегда ходил в пиджаке, чтобы хоть немного скрыть некрасивый горб на спине. Он сам научился ловко связывать крылья, чтобы не слишком выпирали и не бросались в глаза, и научил этому нас. И маме, и мне было

больно, когда мы стягивали ремешками тонкие, сложенные в складки концы наших крыльев. Но мы терпели, потому что очень хотели стать людьми и ни в чем от них не отличаться.

Но люди все смеялись и потешались над нами.

«Это семья горбунов, — говорили они. — Смотрите, и сын у них — горбун».

Левое крыло у меня сломано. Его сломали давно, еще в школе, и оно плохо срослось. Отец сам лечил его, сам накладывал шины, но оно все равно срослось неровно, и я легко могу сейчас нащупать утолщение в том месте, где был перелом. И еще я плохо из-за этого разворачиваюсь в воздухе, а это так необходимо, чтобы стремительно и внезапно обрушиться на противника и вцепиться клыками ему в горло.

— Эй, урод! — сказал мне в школьном туалете дылда-восьмиклассник, затягиваясь дрянной вонючей сигаретой. — Ты зачем сюда пришел? Чтобы наступать на нас учителю?

— Я не урод, — сказал я. — Сами вы уроды.

— Ах ты, дерьмо, — сказал дылда. — Еще огрызается! — и толкнул меня к товарищу, такому же уроду, как и он сам. А тот толкнул меня обратно. И тогда я вцепился своими еще тонкими когтями дылде в лицо, а он схватил швабру и ударил меня по спине.

Наверное, тогда от боли я потерял сознание, потому что очнулся на заплыванном цементном полу уже один, а когда, пересиливая боль в крыле, притащился в класс, учительница посмотрела на меня насмешливо и сердито одновременно и громко сказала, что от меня воняет сортиром и нашей семейке не плохо было бы почаще мыться.

Это неправда, что мы грязные. Конечно, у нас есть специфический запах, который издают крылья, если они долго сложены и стянуты ремешком, но мама всегда их тщательно моет, как только я прихожу из школы, и от меня никогда не пахнет.

И еще никто не хотел со мной дружить. Со всем маленькому мне кидали песок в глаза, если я пытался в песочнице вместе с другими детьми строить из песка сказочный город, и отнимали игрушки. В школе за спиной я часто слышал: «Фу, какой противный, у него горб». Но настоящей пыткой были уроки физкультуры.

— Ты не ходишь на физкультуру, — говорили одноклассники, — потому что освобожденный. А слабо тебе прыгнуть через «коня», эй, урод! Какой же ты после этого парень!

Я бы запросто мог прыгнуть через «коня» и показать им еще кое-что, но отец настрого запретил мне делать что-нибудь такое, что не умеют люди. Ведь мы должны были стать, как все.

Я и сейчас еще учусь в школе. Вернее, осенью я опять должен буду туда пойти. Но я не пойду. Я уже сейчас выше на голову своих одноклассников и сильнее любого из них. Они теперь боятся со мной связываться. И в глаза меня никто не обзывает. Но стоит отвернуться...

Все сейчас в школе «левые» или «правые», и они орут друг на друга на переменках, а учителя орут на нас на уроках, а в городе очереди и комендантский час, так что совсем плохо стало летать по ночам, опасно. Я уже слышал крики снизу: «Диверсант!» — и в меня стреляли из автомата.

Мне очень хотелось потом спуститься к этому патрульному и перегрызть плюгавому солдату в болтающейся на его дебильной голове каске горло, но не стал этого делать. Отец бы мне не простил.

И еще у меня все сильнее растут когти.

Раньше когти росли у меня плохо, и отец страшно гордился этим.

— Видишь, — говорил он маме, — наш сын будет уже другим, не таким, как мы. Он вырос среди людей, он будет таким, как они. Из-за одного этого стоило приехать сюда.

Мама недоверчиво кивала в ответ. Помому, она не очень-то верила его словам. У нее были прекрасные острые когти, она подстригала их по людскому обычаю и покрывала лаком. Сегодня я возьму мамин лак и тоже покрашу свои когти. Пусть они будут красными, как кровь.

Когда погиб отец, мама перестала следить за своими руками. «Мне так удобнее носить сетки с продуктами», — шутила она. Но я-то понимал, что она перестала ухаживать за руками не из-за этого. Я все чаще замечал в ее глазах такой же сухой нездоровый блеск, какой вижу сейчас, подходя к зеркалу.

В тот день мы уехали далеко за город.

— Давайте устроим пикник, — сказал отец.

— У людей это называется пикником. Возьмем еду и отдохнем где-нибудь у речки.

И мы поехали. Мы присмотрели отличную лужайку недалеко от круглого, заросшего камышами озера. Мы развели костер и напекли картошки. Отец всегда говорил, что печеная картошка — настоящая человеческая еда. И еще у нас было молоко, и зелень, и вареные яйца. Отец предусмотрел все, но забыл, что в этот день открывается охотничий сезон.

Мама расстелила на траве чистую старую скатерть и расставила еду, и мы освободили от ремешков свои большие черные крылья, но отец сказал, что надо еще вскипятить чай. Он взял маленькое желтое пластмассовое ведро и полетел на середину озера, ведь рядом никого не было, а там вода чище, и тут загремели выстрелы.

Стреляли из лодки в камышах. Два раза, дуплетом. Я видел, как над дальним концом озера поднялся сизый дымок.

Отец сначала остановился в воздухе, как будто налетел на невидимую преграду, а потом выпустил ведро из рук, и оно упало в воду и закачалось ярким поплавком.

Отец не полетел обратно к нам. Если бы он полетел обратно, стрелявшие люди поплыли бы за ним, а мы сидели недалеко от берега, и наши крылья не были спрятаны под одежду. Поэтому он сумел еще каким-то чудом развернуться в воздухе и упал сбоку от озера, на опушке леса.

Мы с мамой подбежали туда потом и увидели двух мужчин в телогрейках и с ружьями в руках. Они стояли над телом отца и зло переговаривались, оглядываясь по сторонам.

— Зачем ты стрелял? — испуганно шипел мужчина в выглядывающей из-под телогрейки тельняшке. — С ума сошел!

— Это не человек, — отвечал другой, пытаясь перевернуть тело носком сапога на спину, но этому мешали отцовские огромные крылья, сломанные от удара о землю. — Ты же видишь, это не человек.

— А кто тогда, кто?

— Не знаю, может, пришелец.

Мужчины зарыли отца маленькой саперной лопаткой тут же, на опушке, и уплыли в своей вертлявой резиновой лодке, а мы еще долго не решались выбраться из кустов и подойти к могиле.

После этого у меня быстрее стали расти когти.

Совсем не осталось талонов на продукты.

Я перерыл все ящики кухонного стола, но напрасно. Наскреб чуть-чуть пшенной крупы, но совсем нет масла. И молоко без талонов больше не продают. Вчера мне без талонов не продали хлеб, а когда я сказал продавщице, что очень хочу есть, она сердито посмотрела на меня и пообещала позвать милиционера.

Милиционер теперь постоянно дежурит в магазине и тех, у кого нет талонов, забирает с собой. Потому что талоны должны быть у всех, кто работает, а кто не работает, тот — саботажник.

Я не мог сказать, что учусь в школе, я выляжу старше, да и потом, в таком случае талоны должны быть у моих родителей. А что я могу сказать людям про них?

Сегодня мне опять приснилась охота, и я не стал после этого лежать в постели, а вышел на крышу. У нас очень удачно расположена квартира, на последнем этаже, прямо над нами чердак.

Чужой безлюдный город спал. Или только притворялся, что спит. По соседней улице прогрехотали танки, они теперь ездят по городу чуть не каждую ночь. В доме напротив заплакал ребенок. Он плакал долго, но свет все не зажигали, и я решился.

Нельзя, чтобы дети плакали по ночам от страха. Они после этого будут бояться темноты и одиночества.

Я привычно соскользнул с острого конька крыши вниз, и крылья, как всегда, подхватили меня. Я подлетел к распахнутому настежь окну и даже зацепился когтями за деревянный подоконник, и тут дверь в комнату открылась, но свет не зажгли, а я оцепенело остался на месте, не успев от неожиданности отлететь в сторону. Но никто в квартире меня не заметил.

В ярко освещенном дверном проеме показалась женщина. Она цеплялась за косяк и отчаянно кричала, а мужчина, настигший ее у входа в детскую, бил ее по голове и телу, всюду, куда доставали его тяжелые кулаки, и грязно ругался. Даже на улице я почувствовал, как от него разит перегаром. Ребенок закричал еще громче, а женщина упала, сбитая мужским кулаком, у самой кровати. И дверь с треском захлопнулась. Снизу послышались возмущенные голоса соседей, но никто не покинул своей квартиры.

Женщина всхлипывала и стонала на полу, ребенок заходился в плаче, и тогда я с ужасом заметил, что мои когти полностью ушли в дерево, пронзив его, словно стальными гвоздями, на всю их длину.

Я рванулся вверх и со скрипом выдрал свои когти из подоконника, и взмыл над домами, чувствуя на языке привкус собственной крови из прокушенных губ.

Внизу лежал чужой, полный ненависти город. Темные провалы улиц казались ущельями, но даже здесь, высоко над крышами, все еще был слышен захлебывающийся детский плач.

Плач был полон такой беспомощности и страха, что я зарычал от ярости и сложил свои крылья, чтобы камнем упасть к освещенному окну кухни, у которого, бессмысленно раскачиваясь и глядя пустыми глазами в темноту, стоял мужчина с зажатой во рту папирсой.

Я не стал останавливаться у окна, чтобы тот заметил меня и закричал от ужаса, а лишь пронесся бесшумным призраком мимо и, вытянув руку, чиркнул своим отросшим и острым, как бритва, когтем по открытому горлу.

Раньше отец говорил, что можно быть свободным где угодно. Но это не свобода, говорил он, если ты только и можешь, что парить в ночном небе над саванной, высматривая дремлющих антилоп. Это не свобода, если во всем и всегда ты можешь положиться только на себя, а для того, чтобы умереть от такой свободы, много ума не надо. Надо научиться быть свободным, живя среди других. Нас поэтому и осталось так мало, говорил отец, что мы всегда полагались только на себя, поэтому у нас нет будущего.

Поэтому он аккуратно ходил на работу, каждый день на одну и ту же работу. Он был хорошим механиком. Ему не мешали копать в моторах даже его быстро отрастающие когти. И он стойко переносил насмешки людей, насмешки любого подвыпившего заморыша, которого он мог убить одним ударом своего крыла. Но его убили самого.

Я не хочу быть таким. Я не хочу больше лгать и притворяться, и поэтому сегодня ночью начнется моя настоящая охота.

Я вернулся домой и выбросил все мамини скляночки с лаком. Зачем мне они, когда мои когти и так красны от крови?

Ведущий рубрики Сергей КАЗАНЦЕВ

ДОРОГА В ЖИЗНИ - «МЛЕЧНЫЙ ПУТЬ»

«Здравствуйте, уважаемый Игорь Георгиевич! Пишет Вам Альберт Михайлович Петросов, учитель физики Веневской (Тульской области) средней школы № 1, руководитель школьного КЛФ «Млечный путь».

Давно собирался написать Вам письмо, но никак не мог найти подходящего повода. (От редакции: для письма сотрудникам и близким друзьям «Следопыта» любой повод — подходящий.)

Начну, однако, с КЛФ. Клуб наш родился в апреле 1992 года и вот уже шесть лет проводит большую работу по популяризации фантастики, пропаганде книги, приобщению школьников к чтению и т.д. Кстати, это единственный в Тульской области школьный КЛФ. Не знаю, как обстоят дела по всей России, но судя по тому, что даже Евг. Харитонов испытывал определенные трудности, работая со своими ребятами, а С. Кобзев не решается взяться за это дело, можно сказать, что по всей стране школьных КЛФ раз-два и обчелся.

Так как клуб основан на базе кабинета физики, то у нас тесная связь именно с этими предметами — физикой и астрономией. Члены клуба разбирают произведения разных авторов, а «научные комментаторы» обосновы-

вают или, наоборот, критикуют те или иные фантастические «открытия».

Мы собираем энциклопедию НФ, занимаемся библиографией — сейчас в картотеке клуба около 2000 каталожных карточек на отечественных и зарубежных авторов. Составили список писателей-фантастов из среды ученых, список НФ-книг (около сотни), которые можно использовать на уроках физики. И т.д.

12 апреля 1997 года КЛФ «Млечный путь» отмечал свое 5-летие. На юбилейное заседание были приглашены Игорь Всеволодович Можейко (Кир Булычев) и редактор отдела газеты «Книжное обозрение» Александр Михайлович Ройфе. Вечер получился прекрасный. Зал ДК, вмещающий 500 человек, был переполнен.

После приезда Кира Булычева в Венев в августовской книжке журнала «Искатель» появилась его новая повесть «Лишний близнец». Город, в котором происходили события повести, удивительно похож на Венев...» (Из письма А.М. Петросова И.Г. Халымбадже).

«Сначала была идея, которая долго витала в воздухе... Толчком к тому, чтобы она материализовалась, послужило появление в

школе работников библиотеки Е.И. Воронцовой и А.Б. Бирюковой. Были проведены диспуты, вечера, Гагаринские чтения и конференции, конкурсы фантастического рассказа и рисунка, викторины и многое другое. И вот на апрельском 1992 года литературном вечере «Вечные паруса фантастики» было решено организовать школьный КЛФ. Первым в истории клуба председателем была избрана Т. Марченко.

Октябрь 1993 г. — объявлен конкурс на название клуба. Победила Н.Легеза. Отныне клуб называется «Млечный путь».

Февраль 1993 г. — подведены итоги конкурса на лучший фантастический рассказ. Жюри единогласно присудило первое место А.Авдошину.

Апрель 1993 г. — состоялось 10-е заседание клуба, посвященное проблемам экологии в произведениях Кира Булычева.

Май 1994 г. — состоялось 20-е заседание клуба по теме «Река Хронос (машина времени в творчестве отечественных и зарубежных фантастов)».

Октябрь 1995 г. — 30-е заседание клуба, посвященное фэнтези и одному из ее создателей Толкиену.

Март 1996 г. — 35-е заседа-

ние клуба, посвященное «женскому цеху» фантастики, в частности творчеству О. Ларионовой, А. Громовой, У. Ле Гуин, А. Нортон. (Из летописи КЛФ «Млечный путь», опубликованной в районной газете «Красное знамя»).

Е. Алявдина, студентка Тульского государственного университета: «Ребятам просто необходимы различные клубы по интересам, а КЛФ особенно. Ведь школьники в большинстве своем — фантазеры, мечтающие побывать в космосе, посетить неисследованные планеты, познакомиться с другими представителями Галактики. Все ребята романтики, и им нужно хотя бы представить себе тот мир, который, быть может, когда-нибудь мы увидим и познаем. И возможно, что они — сегодняш-

ние мечтатели — как раз и помогут человечеству в открытии этих миров... Мне хотелось бы пожелать, чтобы ребята, посещающие КЛФ, нашли поддержку и понимание у взрослых и у сверстников».

В. Ямановский, 11-й класс, Веневская средняя школа № 2: «Я отношусь к КЛФ с симпатией. Мне нравится, что он есть в Веневе. Жаль только, что его нет в школе № 2. В КЛФ интересно, ведь там обсуждают аномальные явления, загадки космоса, развивают фантастические и овеянные тайной, а потому интересные любому любознательному человеку темы... Мне хочется, чтобы КЛФ существовал еще долго, а ребят по-прежнему интересовала фантастика».

Т. Марченко, студентка финансово-банковского факультета Московского института молодежи: «...Не стоит сегодня смотреть без перерыва телевизор. По нему, конечно, иногда и показывают красивые американские фильмы, но большей частью они не самого высокого качества. Лучше набрать целую кучу фантастических книжек, того же Кира Булычева, и все их перечитать. И если вы прочитали какую-то интересную книгу, немедленно собирайте заседание клуба, чтобы заинтересовать ею и остальных. По крайней мере, у вас будет много друзей, а не один товарищ телевизор». (Из отзывов о КЛФ «Млечный путь», опубликованных в районной газете «Красное знамя»).

Надежда КАМЕНСКИХ

ВОСКРЕСЕНИЕ ХМЕЛЁВКИ

Есть у эволюции начало.

У истока родиноведческого поиска «Павленковская библиотека», затеянного нашим журналом еще в 1992 году, мы задали краеведам и читателям задачу: отыскать следы павленковской библиотеки, открытой 1 апреля 1904 года в деревне Хмелевка бывшей Нижнемуллинской волости Пермской губернии. Кое-какие сведения об этой читальне и первом ее хранителе С.М. Федотове обнаружили в Гос. архиве Пермской области. (См. «УС» 1992, № 1, с.4).

Увы, ко времени нашего поиска деревня Хмелевка исчезла с лица земли и, казалось, унесла с собой в небывшие и тайну своей библиотеки — маленького факела, не долго, но щедро светившего людям.

Прошло более шести лет. Пожелтели страницы журнала. И вдруг — письмо из Перми, от Надежды Анатольевны Каменских, заведующей отделом обслуживания центральной районной библиотеки.

Поиск долгое время не двигался с места. Деревни нет, жигели разъехались, старожилы ничего не помнят... Но оказалось, мы не там искали. Хмелевка была ошибочно отнесена к Новоильинскому сельсовету. А в этой новоильинской Хмелевке библиотеки никогда не было, и Степан Михайлович Федотов в ней не проживал.

Выйти на правильный путь помог случай. На карте павленковских библиотек Хмелевская оказалась отмеченной совсем в другом месте — рядом с деревней Горшки Заболотского сельского совета. Подняв административные справочники за прошлые годы, мы обнаружили, что там прежде существовали две Хмелёвки — Большая и Малая. К поиску подключили заведующую Заболотским сельским филиалом № 41 Надежду Александровну Калашникову.

Как удалось узнать из районного архива, в деревне Хмелевке (Хмелевский

починок) в 1869 году было 38 дворов и проживало 125 лиц мужского населения и 128 — женского. Гомонила торговая ярмарка. На общественных началах учила детей школа. А напротив нее стоял памятник Александру II.

Старожилы помогли восстановить и недавнее прошлое Хмелевки. Деревня была зажиточной. Жили дружно, вместе отмечали праздники да и на работе не грустили. Отправляясь на повозках на дальние покосы, пели песни, потому что всегда был рядом гармонист. И если вдруг беда к кому нагрянет, помогали, чем могли, всей деревней.

Потрудней жилось во время войны. До сих пор в ушах стоит плач детей и женщин. Много мужчин ушли на фронт. Было трудно, как и всем. По весне собирали на полях подгнившую картошку, пекли из нее лепешки.

Колхоз в Хмелевке назывался «Колос». Развивалось пчеловодство, была своя маслобойка, и потому на трудодни давали мед и масло. Было два конных двора, магазин, школа, клуб и в нем же читальня; телятник был, коровник на 50 голов, пожарка, свинарник, овчарня. Не из Америки продукты получали. Помнят жители «магазинный амбар», у которого собиралась молодежь на «барашки» (танцы).

Потом мелкие колхозы стали объединять в более крупные, и со временем из-за неудобства в работе все жители разъехались из Хмелевки.

И о том, что была здесь когда-то прекрасная деревня, напоминают лишь старые тополя, несколько ям на месте, где стояли дома, да теплые воспоминания жителей. Последний из них покинул деревню в 1980 году.

Встречи и беседы со старожилками многое поставили на свои места. Оказалось, что в Перми живут дети первого библиотекаря Степана Михайловича Федотова — сын Алексей и три дочери

Анна, Антонина и Тамара.

Семья Федотовых была не очень богатой, и старшему сыну, Степану, пришлось уйти в помощники к слепому крестьянину. Он обрабатывал ему землю и половину урожая за это брал себе. Был грамотным. Деревенский сход поручил ему заведовать народной библиотекой, открытой на средства столичного издателя Ф.Ф. Павленкова и уездного земства. Федотовы предоставили читальню часть своего дома.

Степан был женат на уроженке деревни Малая Хмелевка Надежде Даниловне. Было у них семеро детей.

Федотовы и поведали нам печальную повесть о судьбе павленковской библиотеки в Большой Хмелевке.

Она жила и светила людям до 1922 года. На праздник Троицы в деревне случился большой пожар. Сгорело 18 дворов, в том числе библиотека. После этого Степан Михайлович долгое время работал в правлении. Много лет в семье хранились обгорелые книги, журналы.

Скончался Степан Михайлович в 1947 году и

похоронен на заболотском кладбище. Дети приезжают на могилу ухаживают за ней.

... Нет деревни, нет библиотеки. Но семья Степана Федотова бережно хранит две фотографии. С одной из них смотрят на нас супруги Федотовы — Надежда Даниловна и Степан Михайлович. В его руках — книга...

Фотография датирована 1915 годом.

На другой мы видим жителей деревни, собравшихся по какому-то случаю возле дома Федотовых. На доме вывеска: «Павленковская бесплатная народная библиотека-читальня».

Сельская библиотека в селе Заболото стала преемницей хмелевской павленковской. В ней создана музейная экспозиция, альбом истории библиотеки.

В прошлом году заболотская сельская в числе 21 читальни области, стала победительницей областного смотра-конкурса «Павленковская библиотека» и ей официально присвоили имя Ф.Ф.Павленкова. Теперь у села Заболото как бы две биографии, две судьбы, и библиотека его живет за двоих — за себя и за ту хмелевскую, что одной из первых затеплилась в этих краях в апреле 1904-го. Живет и продолжает поиск, начатый журналом шесть лет назад... Нет у эволюции конца.

Фёдор ВОСТРИКОВ

МЫ С ТОБОЮ, ДРУГ, БЕССМЕРТНЫ...

КОВЫЛЬНЫЕ ХОЛМЫ

По склонам холмов
Вековечный ковыль
Трясет бородой белопенной.
Здесь все уживается:
Сказка и быль,
Года, времена и мгновенья.
Коснусь ковыля —
И ветра заревут,
Ветра самого Святослава!
Холмы, словно русичи,

 вдруг оживут,
Восстанут отвага и слава.
И в душу ворвется
Великая быль
России моей сокровенной!..
По склонам холмов
Вековечный ковыль
Трясет бородой белопенной.

СТЕПЬ

— Ответь мне, степь,
 в сентябрьской тишине:
Куда мои родные предки
 скрылись?
— Они в степи, а стало быть,
 во мне.
Не скрылись на века,
 а растворились.
Но что ж теперь поделать,
 дай совет:
Я с ними не успел
 наговориться.
— Да не тужи! —
 вещала степь в ответ —
Тебе сначала надо
 раствориться...

Ветер травы завязал,
В кленах затаился.

Ухнул в омуте сазан —
Омут раздвоился.
В берег шлепнула волна,
Как спросонья утка.
Задымилась луна,
Словно самокрутка.
Развенчала вечер ночь,
Росами сверкая.
Млечный путь взялся толочь,
Звезды высекая.
Указует, не спеша,
Лету направленья.
Улетит оно, дыша,
Как стихотворенье.

НЕПОГОДА

Ветер северный дует
Трое суток подряд.
Березняк негодует,
Реки в страхе бутрят.
Канул окунь в глубинах,
В круче спрятался стриж.
Как ветла при долине,
Расшумелся камыш.
Суета и морока
И в душе, и в дали.
Видно, лето до срока
Унесут журавли.

Полетели снега, полетели.
И под вечер заметно уже,
Как поля и холмы пополнели,
Как завязли кусты на меже.
И сугробы клубятся,
 как дрожжи,
Восставая из тесной дежи...
День схоронен, а стало быть,
 прожит,
Канул в пропасть,
 ушел в миражи.

Растворяются в буйной метели
Боль и радость,
 любовь и вражда.
Полетели снега, полетели,
Заметая и дни, и года.

Завалена сугробами округа.
Кустарники в заснеженном
 плесну.
Но, тишины не терпящая,
 вьюга
Плетьми наотмашь хлещет
 по окну.
Гоню ее разгневанною печью,
Швыряя в жар солому и дрова.
Окутывает избу теплый вечер
Под бабушкины добрые слова.
Крадется тишь,
 неспешно прячет лапы,
Выветривая вьюгу,
 словно грусть...
Зажду вот
 керосиновую лампу —
И в пушкинские сказки
 провалюсь!

Мы с тобою, друг, бессмертны,
Если в нас пути кружат,
Да поют и рвутся ветры
Горевых и добрых жатв.
Если в нас польнь и вежа,
Песня предков и мольба.
Если в нас живет от века
Древнерусская изба.
Проступает незаметно,
Как заря, потомков рать...
Мы с тобою, друг,
 бессмертны —
И не страшно умирать.

Рубрику ведет Алексей КРАПИВИН

Скажите нам, пожалуйста...

(Разговор с читателями)

Читательская конференция в одной из первоуральских школ. Строгая шестиклассница в очках, которые поблескивают обличительно.

— Владислав Петрович, ваши книги очень интересные, но скажите, пожалуйста, почему вы пишете только про мальчиков, а про девочек не пишете никогда?

— О-о-о... Сколько раз я уже слышал от вас, дорогие девочки, этот вопрос, и сколько приходилось оправдываться!.. Что же, начну опять... В шестьдесят третьем году я был участником Четвертого Всесоюзного совещания молодых писателей. Занимался в так называемой «детской секции», то есть среди тех авторов, которые писали для детей. Руководил нашим семинаром Лев Абрамович Кассиль — автор замечательной книжки «Конduit и Швамбрия» и других известных романов и повестей. Великолепно руководил, общался с нами без всякой важности, как с товарищами. Но я все-таки стеснялся знаменитого писателя и, сидя за общим столом, старался укрываться за громадной лампой, сделанной в виде китайской вазы. Наконец Лев Абрамович заинтересовался:

— А что это нашего свердловского делегата опять не видно?

— Да вот он, за лампой, — тут же безжалостно выдал меня волгоградец Юра Мишаткин.

— Гм... Этак можно подумать, что нашему уральскому коллеге «всё до лампочки», — усмехнулся любимый мною классик. Я тут же, красный и взъерошенный, «высунулся наружу». И в таком «высунутом» состоянии прослушал рассказ Льва Абрамовича о том, как нелегко бывает выступать перед юной читательской аудиторией.

— Вам этого тоже придется хлебнуть на своем веку... Имейте в виду, что часто вас будут мучить одними и теми же вопросами... Меня, например, то и дело спрашивают: «Почему вы много пишете о мальчиках и мало о девочках?»

— И что вы отвечаете? — робко подал я голос, показывая тем самым, что мне не «все до лампочки».

— Отвечаю кратко и честно: потому что сам я в детстве был мальчиком и никогда не был девочкой... Как правило, ответ находит понимание...

И я, дорогие друзья, могу лишь повторить ответ Льва

Абрамовича Кассиля. Я тоже был мальчишкой, а девочкой никогда не был. А ведь всякий детский писатель в своих книжках так или иначе использует опыт собственного детства.

Однако, должен заметить, что слова, будто я вовсе не пишу о девочках, несправедливы. Да, главные герои у меня мальчишки, но и девочек в моих книжках хватает. Помните Данку в «Голубятне на желтой поляне», решительную Вику и своенравную Катю в «Мушкетере и фее», заботливую Соту в «Детях синего фламинго», добрую Иринку в «Журавленке и молнии»... Да почти в каждой книжке хватает девочек, потому что мальчишкам без них жилось бы на свете трудно и скучно...

Тюмень. Группа ребят провожает меня из школы, где была встреча, до гостиницы. Присели на скамейку в сквере у цирка. Белобрысый (как я в детстве) мальчик, который все время заботливо держит подаренный мне букет:

— А можно задать еще один вопрос, я в школе не успел?

— Конечно!

— Скажите, а вы, когда были маленький, мечтали о какой-нибудь... ну, самой-самой такой... заветной игрушке?

— Мечтал. Правда, не совсем об игрушке. Мне с давнего дошкольного детства хотелось, чтобы у меня был глобус. Большой, голубой и пестрый, блестящий. Чтобы его можно было разглядывать и вертеть на подставке. Мне казалось, что он приблизит меня к дальним морям и странам и даже к космосу. Казалось даже, что я буду полностью счастлив... Но глобусы тогда, во время войны не продавали. Я пытался смастерить глобус сам: из глины, из мяча, но это было всё не то... Теперь у меня дома есть глобус, даже не один. Но оказалось, что для полного счастья этого почему-то мало....

Мальчик забыл про цветы и рассеянно возит букетом по траве.

— А что надо... для полного?...

— Ну-у, дорогой мой... Тут как в старом студенческом анекдоте: «Вы обещали задать один вопрос, профессор, а это уже второй...»

Краткокрафан

Р

Рептилий Казимирович. Библиотечный гном (см. *гномы*). Жил в подвале библиотеки, в доме, над которым обитал в башенке *корабельный гном Гоша*. Отличался равнодушием и философским складом ума. (*Возвращение клипера «Креchet»*).

Ржавые ведьмы. Особы женского пола, занимавшиеся колдовством, а также танцами на железных бочках в период полнолуния. Обитали в старой баньке на огороде (*Тополиная рубашка*) и на свалке металлолома (*Голубятня на желтой поляне*).

Роботенок (робот-мальчишка). Эпизодический персонаж, разносчик товаров, доставивший заказчику из магазина старинную граммофонную пластинку. (*Помоги мне в пути*).

В оформлении словаря использованы иллюстрации и эскизы художников Е. Стерлиговой, Е. Медведева, Е. Пинаева и рисунки автора.

Роботы. Официанты, дежурные в гостиницах, дворники, чистильщики обуви и т. п. Эпизодические персонажи в *разных книгах*.

Роза, тетушка. Ведьма в сказочном лесу, которая помогла Золушке попасть на бал. По некоторым данным — обычная баба-яга, но со смягчившимся в результате преклонного возраста характером. (*Журавленок и молнии*).

Рома Смородкин. Мальчик-инвалид, друг *Серезки*, который иногда становился самолетом. В конце повести излечился от своего недуга и тоже научился превращаться в самолет. (*Самолет по имени Серезка*).

Рыбка золотая («золотинка»). Живой талисман, выполняющий любые желания. Но чтобы желание исполнилось, рыбка должна погибнуть: ее необходимо намертво сжать в кулаке. (*Сказки о рыбаках и рыбках, цикл «В глубине Великого Кристалла»*).

Рыбка лунная («календарик»). Живой талисман, помогающий передвигаться по времени. Но при этом лунная рыбка (как и золотая) гибнет. (*Сказки о рыбаках и рыбках*).

С

Саший (от слова «сад», по аналогии: «лес» — «леший»). Дремучий житель громадного заброшенного парка на границе Оранжевого и Лилового королевств. Провокатор и агент обоих королевств, которые по обоюдному сговору устраивали войны между своими странами. (*Бабушкин внук и его братья*).

Сашка Крюк. Одиннадцатилетний проводник (*лоцман*) из туристической фирмы «Пилигрим»,

занимавшейся экскурсиями туристов по достопримечательностям параллельных пространств. Сдал экзамены на звание капитана второго ранга лоцманского корпуса, созданного для безопасной проводки межпространственных кораблей по граням Великого Кристалла. (*Лоцман, цикл «В глубине Великого Кристалла»*).

Серебряный витязь. Всадник, которого наблюдал мальчик Алешка, летевший над Заповедным лесом в самолете «ОСА». Эпизодический персонаж. (*Летчик для Особых Поручений*).

Серезка (Сереза Сидоров). Мальчик, который умел превращаться в самолет. После авиакатастрофы он вынужден был поселиться в Заоблачном городе и навсегда остаться мальчишкой. Но при этом не прекратил дружить с Ромой Смородкиным. (*Самолет по имени Серезка*).

Сестренка мальчика Юкки. Девочка, которая вместе с братом (а иногда и без него) идет по Дороге сквозь разные времена и пространства. (*Цикл «В глубине Великого Кристалла»*).

Старик. Колдун, учитель и врач, живущий в Заоблачном городе. (*Самолет по имени Серезка*).

Старый дом. Дом, умеющий думать и чувствовать. Наслушавшись рассказов Старого Капитана, он снимается с места и вместе со всеми жильцами ночью улетает к морю. (*Старый дом*).

Стеклянные музыканты. Жители Приморского города, крошечные стеклянные человечки, которые во время теплых дождей пляшут и играют на разных инструментах под водосточными трубами. (*Возвращение клипера «Кречет»*).

Стекольный мастер. Волшебный умелец, изготовивший стеклянного барабанщика Тильку (см.): (*Возвращение клипера «Кречет»*).

Степанида. Старшая из ржавых ведьм, обитавших в старой баньке. Ворчливая, но не злая по натуре, хотя несколько раз обещала съесть мальчика Славку. (*Тополиная рубашка*).

Славка. Третьеклассник, живший в Тюмени в 1947 году. Персонаж почти автобиографический, но в данном случае отнесенный к числу фантастических действующих лиц, так как в истории о тополиной рубашке ведьмы наградили его (вместе с этой рубашкой) способностью к полетам. (*Тополиная рубашка*).

Сторож на железной свалке. Грустный старик, вынужденный нести постылую службу и разлученный с родными силой заклятия, которое наложил на него Хозяин. Сохранил в себе остатки независимости и склонность к критическим высказываниям. (*Тополиная рубашка*).

Стражники из колючей проволоки. Слуги зловредного колдуна, Хозяина железной свалки. (*Тополиная рубашка*).

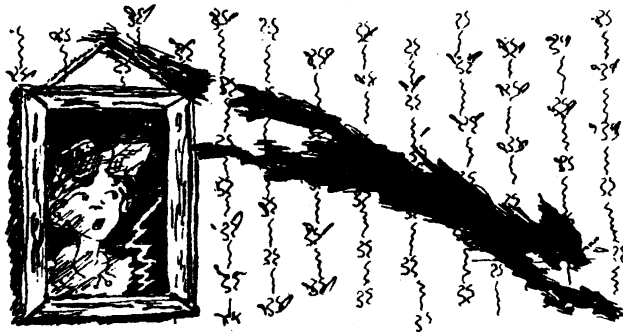

т

Теленок глиняный. Детеныш глиняной коровы, которого вылепил и оживил с помощью своего заклинания Леша. (*«Чоки-чок» или Рыцарь Прозрачного кота*).

Темно-красный шарик. Разумная звезда. Несмотря на небольшие размеры — самая разумная звезда в системе, где обитал Белый шарик. Отличался стариковской сварливостью. (*Белый шарик Матроса Вильсона, цикл «В глубине Великого Кристалла»*).

Тени орлов. Бесплотные, но агрессивные существа, неоднократно атаковавшие самолет Ромы Смородкина. (*Самолет по имени Серезжа*).

Тень кота Филарета (Тень-Филарет). Тень, которая при драматических обстоятельствах потеряла своего хозяина-кота и сделалась самостоятельным существом. Увлекалась филателией (собирала тени почтовых марок). После ряда приключений получила возможность превращаться в настоящего кота, только в свою очередь лишенного тени. (*«Чоки-чок» или Рыцарь прозрачного кота*).

Тиви. Порода водяных курочек. Водятся на побережье у города Льчевск. Никакими необычными особенностями не отличаются, но, поскольку на самом деле не существуют, а придуманы автором, логично отнести их к фантастическим существам. (*Взрыв Генерального штаба*).

Тилька. Маленький стеклянный барабанщик (см. *Стеклянные музыканты*). Друг четвероклассника Владика Арешкина. (*Возвращение клипера «Кречет»*).

Тили Тегус. Корабельный гном, житель города Нью-Гномборо, расположенного в трюме парохода «Новая Голландия». (*Портфель капитана Румба*).

Тихо Тахомир. Правитель острова Двид. Обладает способностью превращаться в другого человека — по имени Ктор Эхо (см. *Эхо Ктор*), которого выдавал за своего заместителя. (*Дети синего фламинго*).

Тонга-Меа-Маа (тетушка Тонга). Старшая двоюродная сестра Катикали Четвертого, монарха островного государства Нуканука. Владела ма-

гией. Стала приемной матерью мальчика Гвоздика и отправилась с ним в Европу. (*Портфель капитана Румба*).

Тот. Один из манекенов. Исполнительный субъект с малоразвитым интеллектом. Подвергся саморазрушению, оказавшись не в силах осознать истину, что человек может быть равен целой галактике. (*Голубятня на желтой поляне*).

У

Угу. Имя, которое давали всем джиннам и волшебникам люди каменного века, еще слабо владевшие членораздельной речью (см. *Кукунда и Башкампудри*). (*Портфель капитана Румба*).

Уу-гы. Неразвитые существа гуманоидного типа, обитавшие в джунглях планеты Ллимузина. (*Серебристое дерево с поющим котом*).

Уркла («Универсальный разведчик кладов»). Весьма разумное и доброе механическое существо, похожее на кенгуру. Было придумано и построено Кудриком и Мудриком, юными жителями прозрачной планеты Бутылки. (*Лето кончится не скоро*).

Ф

Фа-Дейк. Четвероклассник Фаддейка Сеткин, научившийся попадать на Марс и там, при королевском дворе *иттов*, получивший княжеский титул — сет. (*Оранжевый портрет с крапинками*).

Фа-Тамир. Маршал *иттов*, знающий дорогу до Земли, где живет маленький сет *Фа-Дейк*, и владеющий искусством межпланетной связи. (*Оранжевый портрет с крапинками*).

Филарет. Кот, в которого научилась превращаться тень прежнего кота Филарета (существа нефантастического). При дворе короля Респектабо Первого этот (второй) Филарет был удостоен герцогского титула. Отсутствие тени не

помешало герцогу Филарету жениться и иметь наследника. («*Чоки-чок*» или *Рыцарь прозрачного кота*).

Филя. Третьеклассник (потом четвероклассник и т. д.) Филипп Кукушкин, житель поселка Лугового. Научился вместе с петухом *Кригером*, а потом самостоятельно преодолевать межпространственные барьеры и путешествовать по многим пространствам Великого Кристалла. (См. *Пограничники и койво*). (*Цикл «В глубине Великого Кристалла»*).

Фламинго синий. Гигантская птица, обитавшая на острове Двид и помогавшая детям преодолевать выпавшие на их долю злоключения. (*Дети синего фламинго*).

Х

Хозяин. Представитель нечистой силы. Владелец железной свалки в логу г. Тюмени. Личность с обывательским интеллектом и диктаторскими планами. Мечтал стать владыкой мира,

когда он, этот мир, превратится в сплошную свалку. С помощью колдовских железных браслетов держал в плену *ржавых ведьм* и многих людей, в душе которых завелась ржавчина. (*Тополиная рубашка*).

ц

Цезарь Лот (Чезаре, Чек). Мальчик, который с помощью особого излучения уничтожал источники биологических импульсов, насильно прививаемые властями Западной Федерации (придуманная страна) каждому жителю государства для осуществления тотального контроля над населением. Друг *Витьки Мохова*. Долгое время не мог освоить искусства прямого перехода через межпространственные барьеры, но в конце концов сделал это и стал полноправным *Пограничником*. (*Цикл «В глубине Великого Кристалла»*).

ч

Чай-с-Лимоном. *Корабельный гном*. Один из жителей городка Нью-Гномборо в чреве парохода-гиганта «Новая Голландия». Был замечен в присвоении чужой вещи (пуговицы), но потом исправился. (*Портфель капитана Румба*).

Черные кристаллы. Неземная цивилизация на одноименной планете. Ее представители име-

ли кристаллическую структуру. Отличались крайне невозмутимым, с нашей точки зрения, характером. (*Голубятня на желтой поляне*).

Чиба. Маленькое существо, обладающее даром перевоплощения (тряпичный клоун, котенок, птичка-кулик, вороненок, бегающий птичий скелетик, попугай, щенок и т. д.). Происхождение его неясно. По словам Чибы, он одно время был шутком у марсианского короля *иттов*. Друг и спутник мальчика-лоцмана Сашки (см. *Лоцман и Сашка Крюк*. (*Лоцман, цикл «В глубине Великого Кристалла»*)).

Чип. Говорящий лягушонок, который очень хотел превратиться в мальчика. (*Баркентина с именем звезды*).

Чука-дымовой (см. *Чуки*). Житель болота вблизи г. Свирска. Раньше обитал в печной трубе и пропах дымом. (*Сказки о рыбаках и рыбаках*).

Чуки. Существа, похожие на обросшие косятой шерстью корявые пеньки. Добродушного нрава. Отдаленные родственники домовых и гномов. (*Самолет по имени Сережка; Сказки о рыбаках и рыбаках и др.*).

ш

Шар с хвостом. Разумное существо, с которым встретился на Стеклопланете третьеклассник *Филя*. (*Крик петуха, цикл «В глубине Великого Кристалла»*).

Шкурик. Детеныш крысы-мутанта *шкыдлы*. («Я больше не буду» или *Пистолет капитана Сундукскера*).

Шары. Гигантские космические мыслящие объекты, живые звезды. Образуют собственную цивилизацию, которая считает своей целью достижение Всеобщей Гармонии. (*Белый шарик матроса Вильсона*).

Шкыдлы. Большие крысы-мутанты, которые развелись в некоторых болотах в результате неблагоприятных изменений экологической обстановки. Имеют отвратительную внешность и не менее отвратительный характер. Весьма умны. Постоянно враждуют с *чуками*. (*Сказки о рыбаках и рыбках*, «Я больше не буду»... и др.).

Шмели. Тяжелые насекомые, покрытые составом, напоминающим металлическую пыль и заряженные электричеством. Состоящая из шмелей туча, накрыв какую-либо область, вызывала разрушительные явления, называемые «нашествия». Нашествия были побочным явлением деятельности *манекенов*. Вне тучи, в одиночку, шмели были почти не опасны, хотя и противны. (*Голубятня на желтой поляне*).

Шумс. Переплетчик, живший в Синеграде. Злодей, обладавший магической силой. Создавал из бумаги плоские зловредные существа (см. *Дети Шумса*). (*Синий город на Садовой*).

(См. *Ыхало*)

Шурка Полушкин. Мальчик, живший с искусственным сердцем (рыбкой) которое было вживлено в него агентами инопланетной цивилизации (*корректорами*), пытавшимися изменить ход земной истории. В конце концов отказался быть союзником инопланетян — несмотря на всю горечь, которую ему принесла жизнь на Земле. (*Лето кончится не скоро*).

Ы

Ыхало. Косматое шарообразное существо, родившееся от пылкой любви самовара и привидения. Лениво и добродушно, стесняется посторонних. Много лет живет в доме, принадлежавшем когда-то художнику О.М. Редькину. Несмотря на леность всегда приходит на помощь друзьям. («*Чоки-чок*» или *Рыцарь Прозрачного кота*).

Э

Э. Живая буква, приятельница автора из времен его дошкольного детства. (*Золотое колечко на границе тьмы*).

Эхо Ктор. Второе воплощение Тахомира Тихо (см. *Тихо Тахомир*), правителя острова Двид. Выдавал себя за человека с добрым и романтическим характером, но на самом деле был циничен и безжалостен. (*Дети синего фламинго*).

Ю

Юкки. Мальчик, который долгое время был в пути со своей *сестренкой* или один, шагал по бесконечной Дороге сквозь времена и пространства. В конце концов стал командиром мальчишек-трубачей в княжестве Юр-Танка-пал. Свое имя — Юкки — получил в честь трубача *Юхана*. (*Цикл «В глубине Великого Кристалла»*).

Юр-Танка. Юный князь, верховный владыка средневекового княжества Юр-Танка-пал в одном из пространств Великого Кристалла. *Пограничник*. Друг многих ребят — героев разных повестей о Кристалле. Известен тем, что прими-

рил в своих землях враждующие кланы и построил на краю Дикой долины церковь Матери Всех Живущих. (Цикл «В глубине Великого Кристалла»).

Юхан. Герой легенды, маленький трубач, который своим сигналом спас родной город от нашествия врагов. Начало легенде положила история трубача по имени *Иту Лариу Дэн* (он же *Валерка*). Об этом говорит трансформация имени в разных вариантах легенды: Иту Дэн, Итудан, Итан, Ютан, Юхан. (Трилогия «В ночь большого прилива»; цикл «В глубине Великого Кристалла»).

Я

Яга, баба. Известный персонаж русского фольклора. Однажды летела в самолете «ОСА» с легчиком *Антошкой Топольковым*, вела себя невоспитанно и сожалела, что не может съесть юного пилота по причине старческого беззубия. (*Летчик для Особых Поручений*).

Янка (Денёк). Мальчик-ветерок, посланный друзьями в г. Старогорск, чтобы вернуть бывшему космонавту Ярославу Родину сына Юрку. Оказавшись в Старогорске, Янка стал юным музыкантом и до двенадцатилетнего возраста не помнил, что он — ветерок. (*Голубятня на желтой поляне*).

Яшка. Маленький кристалл, выращенный *Валентиной фан Зеехафен* в цветочном горшке. Модель Великого Кристалла Вселенной. В результате стихийного бедствия потерялся и частично утратил память. После ряда приключений превратился в живую звезду (см. *Шары* и *Белый шарик*), т. к. поверил, что выращен из капли звездного жемчуга. Затем — в мальчика Яшку, который остался жить на Земле со своим другом Стасиком Скицыным. В дальнейшем оба стали учеными, занимались проблемами пространства и времени и в конце концов отправились в бесконечный межпространственный полет. (Цикл «В глубине Великого Кристалла»).

Ящер. Искусственное существо в виде гигантского спрута. Использовался правителями острова Двид для подавления инакомыслия. (*Дети синего фламинго*).

Ящерка. Очень умная маленькая ящерица, которая подружилась с мальчиком, живущим в старинной приморской крепости. (*Голубятня на желтой поляне*).

ИЗ АРХИВНОГО РУНДУКА

СТРАНА СИНЕЙ ЧАЙКИ

(Окончание. Начало в № 2)

Приобретение Биром Бахбура

Биром Бахбур приехал в две минуты десятого. Профессор встретил его на лестнице и проводил в кабинет. Когда миллиардер расположился в кресле, Бенэм Аргон обратился к нему:

— Господин Бахбур, дело, по которому я обращаюсь к вам, весьма важно. Поэтому я начну без преисловий.

— Прошу вас, господин Аргон.

— Неделю назад, двадцать седьмого мая, я заметил в телескоп неизвестное небесное тело. По моим подсчетам, его масса немного меньше Луны. Я мог бы

назвать его новой планетой, но это светило движется не вокруг Солнца, а почти по прямой линии, навстречу Земле.

— Извините, господин профессор, но я не астроном и не понимаю...

— Одну минуту... Примерно через два месяца это светило столкнется с нашей планетой. Произойдет катастрофа.

— И велики ли будут ее масштабы?

— Сравнительно велики — от Земли ничего не останется.

Бахбур не заметил иронии. Хотя глаза его были скрыты за дымчатыми очками, видно было, что он

испугался: его маленькая нижняя челюсть с оттопыренной губой отвисла и начала мелко дрожать.

— Вы шутите?

— Я не стал бы тревожить вас ради шутки.

Вдруг у Бахбура мелькнула мысль:

— Вам не кажется странным, что эта звезда никем больше не замечена? Иначе были бы сообщения в печати...

Действительно, профессор был так увлечен своим открытием, что не подумал об этом. Но он тут же нашел объяснение.

— Вам, вероятно, известно, господин Бахбур, что единственная обсерватория Страны Синей Чайки прекратила работу из-за отсутствия средств.

Напоминание пришлось не по вкусу миллиардеру. Он возразил:

— Но за границей...

— Там, вероятно, не успели сделать окончательных расчетов. Я сам закончил их лишь вчера вечером. А для сообщения нужно время.

— Но чем я могу помочь? Разве можно предотвратить столкновение?

— Можно. И только с вашей помощью. С помощью Розового Луча — моего изобретения — можно уничтожить Зеленую звезду. Но для этого нужен гигантский аппарат, который можно построить только на ваших заводах. Это единственное оружие против надвигающейся опасности.

— Оружие? Я его покупаю у вас.

У Биром Бахбура возникает чудесная мысль: когда будет уничтожено опасное светило, в руках у него окажется могучее оружие, которое сделает его, Железного Бахбура, властителем мира.

— Я покупаю его!

Глаза миллиардера закрыты очками, но чувствуется, что он взволнован: его губы сжаты, пальцы барабанят по столу.

Профессор возмущен:

— О какой торговле идет речь, когда всей планете грозит гибель?! Я сам буду руководить работами, — добавляет он.

— Но зачем вам заниматься работой простого инженера? Вам, знаменитому ученому!..

— Речь идет о спасении человечества...

Но господину Бахбуру до человечества нет дела. Он встает и говорит довольно резко:

— Я согласен строить аппарат, но только при условии, что вы продадите ваше изобретение.

— Но если я его не продам, вы погибнете вместе со всеми.

— На моих заводах закончена постройка межпланетной ракеты. Я улечу на Венеру.

— Вы уверены, что там для вас подходящие условия? — не без ехидства спрашивает профессор.

— Уверен. Человеку с такими капиталами, как у меня, везде хорошо.

Бенэм Аргон вздрагивает. Он не ожидал такого ответа. «Сумасшедший?» — думает он и вглядывается в лицо Бахбура. Но дымчатые очки непроницаемы.

Профессор решил. Собственно, выхода не было. Он достал из сейфа пластинку, с которой накануне сделал несколько фотокопий.

— Здесь все чертежи и расчеты. Кто будет руководить работой?

— Инженер Вайкип.

— Знаю. Он должен справиться.

— В случае затруднения вы не откажетесь помочь нам? — спрашивает Бахбур.

— Не откажусь.

— Имея в виду важность вашего изобретения, я предлагаю пятьсот миллионов танимов. Вас устраивает?

— Я не намерен торговаться, — сухо ответил профессор.

— Отлично!

Бахбур достал чековую книжку и выписал чек.

— Инженеру Вайкипу многое известно в этом изобретении, мы вместе начинали работать над ним, но затем он забросил работу, найдя ее бесполезной, и начал заниматься вашей техникой. Я думаю, он разберется в этом деле.

С этими словами профессор передал пластинку Железному Бахбуру. Тот встал, собираясь откланяться.

— Господин Биром Бахбур, — вдруг остановил его профессор. — На вас лежит ответственность за судьбу человечества. Учтите это!

Бенэм Аргон сказал это так, что у миллирадера снова отвисла челюсть. Но тут же он подумал, что, если катастрофа произойдет, отвечать ему будет не перед кем.

Биром Бахбур молча кивнул и вышел. Профессор вздохнул. Пока он сделал все, что мог.

Первая ошибка

Эник еще спал, когда профессор вошел в комнату. Он спал, хотя было уже десять часов. Обычно он вставал рано, но здесь подействовала домашняя обстановка.

Профессор подошел к кровати. Его шаги разбудили мальчика. Он открыл глаза и сел в кровати, сразу вспомнив, что было вчера.

— Доброе утро, — улыбнулся профессор.

— Доброе утро, господин профессор...

Лицо Эника было озабоченным.

— Я, наверно, опоздал, — с тревогой сказал он.

— Куда?

— В порт. К приходу шхуны капитана Румба.

— Зачем?

— Там можно хорошо заработать.

— Хорошо заработать? Сколько же?

— Танимов пятнадцать. Этого хватит на пять дней.

— Не беспокойся, друг мой. Заработок не уйдет. Вставай. Будем завтракать.

«Неужели этот мальчуган, который вчера спас планету, найдя мои чертежи, сегодня пойдет разгружать корабль, чтобы заработать на хлеб?» — думал профессор

Эник уже встал и подошел к книжному шкафу. Корешки книг золотились на солнце.

— «Черная стрела», «Робинзон Крузо», «Тайна голубых пещер»... — читал Эник.

— Как много у вас книг! — воскликнул он.

— Это книги Нэви, моей племянницы. Она гостит у знакомых, — ответил профессор. Потом спросил: — Ты учился в школе?

— Да, я проучился четыре года.

— А еще учиться хотел бы?

— Это невозможно.

— Оставайся жить у меня, — неожиданно сказал Бенэм Аргон. — Ты будешь учиться.

Эник никак не ждал этого. За год уличной жизни он привык быть хозяином самому себе. Ему жаль было терять эту свободу. Но, с другой стороны, холод, голод, ночевки в ящиках давно надоели мальчику.

— В порту у меня много товарищей, — нерешительно проговорил он.

— Разве тебе помешает дружить с ними то, что ты будешь жить у меня?

— А почему вы хотите, чтобы я жил у вас?

Бенэм Аргон не мог точно ответить на этот вопрос. Ему нравился этот мальчуган с открытым взглядом больших темных глаз и густыми, давно нечесаными волосами. Кроме того, не мог же он снова отпустить на улицу того, кого считал спасителем человечества.

— Если тебе не понравится, ты всегда сможешь уйти, — вместо ответа сказал профессор.

И Эник остался.

Вечером, как только появились первые звезды, профессор Аргон снова был у телескопа. Но напрасно он искал среди знакомых созвездий Зеленую Искру. Уже совсем стемнело, стали видны в телескоп самые слабые звезды, а ее не было. Бенэм Аргон был поражен. По его подсчетам Зеленая звезда должна быть сегодня ярче прежнего! Неужели он ошибся? И вдруг он увидел не одну, а две зеленых звезды... на крыше Белой башни городской библиотеки. Профессор не верил глазам. Он подозревал Эника, который сидел у стола, читая «Тайну голубой пещеры».

— Посмотри, друг мой, не видишь ли ты на крыше Белой башни две звезды?

Но Эник не был удивлен. Он спокойно пояснил:

— Это не звезды. Это простые светящиеся жучки. Они часто по ночам блестят на крышах.

Потом Эник добавил:

— Интересно посмотреть, как такой жучок ползет по нитке от бумажного змея, повисшей между крышами. Кажется, что на небе появилась новая планета...

Услышав эти слова, профессор разбил о стену колбу с каким-то раствором и бросился по лестнице в кабинет. Там он швырнул будильником в книжный шкаф и стал ходить из угла в угол.

Профессор Аргон понял, что совершил первую в жизни большую ошибку: он принял светящегося жучка за неизвестное небесное тело. Вероятно, этот жучок не мог почему-то улететь и в течение двух суток переправлялся по нитке от одной крыши до другой. А потом шторм сорвал нитку.

Когда в кабинет вошел удивленный и испуганный Эник, профессор, чуть не плача, рассказал ему о своей ошибке. Его ничуть не огорчало, что опасная планета оказалась зеленым жучком. Бенэм Аргон не беспокоился, что его ошибка станет всем известна и над ним будут смеяться. О Зеленой Искре знал лишь один Биром Бахбур, а ему все равно никто не поверит, если сам профессор не подтвердит.

Но профессор не мог себе простить, что отдал в руки миллиардера страшное оружие. Имея Розовый Луч, Железный Бахбур был не менее страшен, чем Зеленая звезда.

Профессор позвонил Бахбур, желая предупредить его о бесполезности постройки аппарата и предложить расторгнуть сделку. Однако тот уже запросил крупнейшие обсерватории мира и убедился в ошибке профессора. Поэтому он не пожелал разговаривать с Бенэмом Аргоном. Секретарь ответил, что господин Бахбур находится в деловой поездке.

Профессору очень хотелось разбить трубку о голову секретаря, но тот был далеко, и он разбил ее о бронзовый письменный прибор. А к полуночи у него поднялась температура. Профессор простудился, когда искал под дождем пластинку. Он заболел.

Эник собирает друзей

Утром профессор выписал сам себе рецепт, и Эник сбежал в аптеку за лекарством. Потом профессор сказал, что ему лучше, и отправил Эника гулять. Тот помчался в порт. Он был подстрижен и одет в белый матросский костюмчик — обычную одежду «приличных мальчиков» Города Острых Крыш. Хорошо одетые прохожие уже не шарахались от него...

На одном из перекрестков стоял мальчуган, одетый в лохмотья, со скрипкой в руках. Маленький скрипач играл, и многие прохожие останавливались, чтобы послушать. Шляпы у него не было, и люди осторожно опускали мелкие монетки в карман его старой куртки. Чаще всего это были подвыпившие моряки.

Мальчик играл песенку о старом моряке, который, почувствовав приближение смерти, решил умереть в море и вышел в океан на парусном баркасе. Но в море его встретил шторм. Долго боролся старик с этим давним врагом моряков и остался победителем. В борьбе со штормом он помолодел и прожил еще много лет.

Вдруг на перекрестке показался велосипедист. Это был был чрезвычайно толстый человек с красным

лицом. Видимо, врачи посоветовали ему заняться велосипедным спортом для борьбы с ожирением. Кажется, толстяк плохо освоил технику езды на велосипеде. Руль не слушался его, и, несмотря на все старания свернуть в сторону, велосипедист наехал на мальчика-скрипача.

Увидев приближающегося полицейского, толстый господин немедленно обвинил мальчика в том, что тот пытался перебежать дорогу перед самым велосипедом. Так он хотел избежать штрафа. Полицейский схватил мальчика за ворот и собрался тащить в управление. Но тут подоспели еще двое велосипедистов: мальчик в черном матросском костюме и широкополой шляпе и необычайно худой и длинный человек в клетчатом кепи.

До этого они ехали за толстяком и с любопытством наблюдали за его попытками справиться с велосипедом. Сейчас мальчик-велосипедист с разгона остановился перед полицейским, едва не ударив его передним колесом.

— Вы видели, что мальчик не виноват! Отпустите его! — крикнул он. Полицейский шарахнулся от колеса, но скрипача не отпустил.

— Кто ты такой?! — заорал он на маленького велосипедиста.

Худой человек в клетчатом кепи необычайно жалобным и тонким голосом сказал:

— Вы с ума сошли! Это сын господина Бахбура! Полицейский выпустил скрипача, щелкнул каблуками и, выгнувшись дугой, забормотал извинения.

В то время подошел Эник. Он не слышал, о чем говорил худой человек, но видел, что полицейский отпустил мальчика со скрипкой по требованию велосипедистов. В скрипаче он узнал своего товарища Сколя. Схватив его за руку, он нырнул в переулок — подальше от беды. На бегу он остановился и крикнул мальчику на велосипеде:

— Спасибо, друг!

Когда они пробежали квартал, Сколь остановился, оглядел Эника и спросил:

— Откуда?

— Потом, — отмахнулся тот, — бежим в порт.

По дороге Эник спрашивал:

— Румб пришел?

— Нет капитана.

— Давно пора бы...

— Пора. Но был шторм... а шхуна старая.

— Нет. Он, наверно, просто пережил шторм.

— Может быть.

Ребята говорили спокойно, как бывалые моряки, но обоим было тревожно.

У портовых складов их встретили два брата — Азик и Рум. Оба голодные, но веселые. Увидев Эника в новой одежде, Азик свистнул и сказал:

— Эник получил наследство.

— Ничего подобного, его усыновил Железный Бахбур, — возразил Рум.

— Бросьте шутить, ребята, — возмутился Эник. — Бахбур не при чем. Я потом все расскажу.

— Вчера на заводах Бахбура была забастовка, — тихо сказал Азик. — Бахбур приказал стрелять в бастующих. Многих убили.

— Смотри! — указал Рум на высокую стену портового склада. Там была выведена известью громадная надпись:

БАХБУР—УБИЙЦА

— Гад! — сказал Эник.

— Где Нааль? — спросил он через минуту.

— Наверно, у Памятника, как всегда.

— Пойдем к нему, — просит Эник ребят.

— Да расскажи в конце концов, откуда ты свалился в таком виде, — не выдерживают все трое.

— Там и расскажу. Пошли.

Мальчики идут по старым переулкам к пляжу. Вдруг Эник спохватывается:

— Есть хотите?

Он достает из кармана монету в один таним, которую ему сегодня подарил профессор.

Потом друзья продолжают путь, жуя на ходу жареную рыбу с хлебом, купленную у бродячего торговца.

Сын капитана Дейка

Около трехсот лет назад к Городу Острых Крыш подошел трехмачтовый корабль. Не входя в гавань, он приблизился со стороны Белых скал, рискуя разбиться о камни. Пренебрегая опасностью, он встал у самого берега, поднял черный флаг и стал обстреливать город. Все береговые укрепления были у гавани, потому что никто не думал, что вражеские корабли могут подойти к скалам.

Пользуясь безнаказанностью, пираты громили город и готовили десант.

Вдруг в той же стороне появился другой корабль. Он встал рядом с пиратами и, не поднимая флага, дал по ним залп всем бортом. Пиратский корабль сразу

загорелся и стал тонуть. Большинство пиратов погибло, уцелевшие высадились под огнем неизвестного корабля на берег и с боем ушли в леса.

Город был спасен, а неизвестный корабль ушел в море...

Благодарные горожане поставили памятник Неизвестному Кораблю. Это был бронзовый корабль, стоявший над самым морем. Перед ним на серой ска-

ле, как на гребне каменной волны, сидела белая мраморная чайка с распущенными крыльями.

Во время шторма, когда волны достигали бушприта бронзового корабля, казалось, что чайка стремится взлететь на палубу...

Если встать лицом к морю, направо от памятника тянулся большой пляж, налево были скалы, а за ними зеленые заросли заброшенного парка.

На крутой скале у бронзового борта корабля была маленькая площадка — любимое место Нааля, десятилетнего мальчугана, сына капитана Дейка.

Два года назад теплоход, которым командовал капитан, стоял в гавани Города Железного Шума. Портовые рабочие отказались грузить оружие на теплоход. Когда их хотели заставить взяться за работу с помощью полиции, капитан Дейк увел теплоход из порта и привел его в Город Острых Крыш. Через день капитан был убит вместе с женой, когда ехал в автомобиле. Трое личностей в надвинутых на глаза шляпах, те, кто стрелял по машине, не были задержаны полицией... У капитана остался восьмилетний сын. В квартире Дейков поселились другие люди, но Наалю оставили его комнату. Моряки, товарищи капитана, не оставляли его, но прошло два года, и одни из них уехали, другие погибли в море. Жить стало совсем плохо. Дома мальчик чувствовал себя совсем одиноким и почти не бывал там. В порту он нашел четверых верных друзей: Эника, Сколя, Рума и Азика. Они вместе боролись за жизнь. Но иногда он хотел остаться один и уходил на площадку, к памятнику Неизвестному Кораблю. Он смотрел в море и вспоминал погибших родителей. Он не плакал. Он всегда носил с собой кортик отца.

Над морем, над пляжем, над скалами знойный полдень.

Нааль на площадке. Он смотрит туда, где синее небо сливается с синим океаном, и поет песенку, которую сам придумал:

В небе высоком
Плывут облака,
Море в дорогу
Зовет моряка.
Море и небо,
Небо и море —
Чайка за судном
Летит на просторе.

На пляже полным-полно народу. Даже у самого подножья памятника трудно пройти.

Молодой человек в полосатых трусах сидит перед граммофоном и вертит в руках пластинку. На одной стороне пластинки модное танго «У бабушки скончался Бобик», на другой — не менее модный фокстрот «Трах-бах через голову».

Молодой человек не может решить, что же проиграть сначала. Пение Нааля отвлекает его.

— Эй ты, заткнись! — кричит он.

Но Нааль поет:

Море и небо
Свободны для всех,
В море и небе
Радостен смех.
Море и небо,
Небо и море —
Нет в них печли,
Нету в них горя...

Какой-то субъект в темных очках и широкополой шляпе роется в карманах своего костюма. Он достает оттуда монету и, размахнувшись, швыряет ее на площадку. Та падает к ногам мальчика. Субъект, довольный своей ловкостью, оглядывается вокруг. Несколько человек аплодируют ему, а затем смотрят на Нааля. Ударом ноги он сбрасывает монету с площадки, и она, серебрясь на солнце, падает в море.

Поет Нааль:

Будь ты хоть самый
Богатый на суше,
Моря и неба
За деньги не купишь.
Море и небо,
Небо и море —
Волны с ветрами
И скалами спорят.

Люди смеются над субъектом в темных очках, и он покидает пляж.

План Нааля

Вдруг Нааль услышал, что его зовут. Внизу стояли друзья.

— Лезьте сюда! — крикнул он им.

Мальчики забрались на площадку. Тут Эник и рассказал обо всем: о своей находке, о том, что он живет у профессора, об ошибке Бенэма Аргона.

— Профессор говорит, что заболел от простуды, но, по-моему, от того, что сильно расстроился. Он не может себе простить, что продал Бахбуру оружие, — говорил Эник.

— Теперь этот убийца будет уничтожать забастовщиков, начнет войну на весь свет и ничего с ним не сделаешь, — волновался Азик.

— Сдох бы он, — мечтательно сказал Рум.

— Толку будет мало. Он не один, — заметил Нааль.

— Надо предупредить всех рабочих, — предложил Эник. — И как можно скорее.

— По-моему, спешить некуда. Всем известно, что Железный Бахбур трус. Он побоится сразу показать инженерам чертежи — вдруг украдут! А еще эти самые пушки построить надо, — сказал Рум.

— Если так, надо вернуть пластинку с чертежами, — вдруг проговорил Нааль.

— Как?

- С ума сошел!
- Как вернуть?
- Невозможно...

Но Нааль упрямо мотнул головой:

- Надо пробраться в дом и достать ее.
- Как пробраться? — спросил Рум.
- Как-нибудь.

— Поймают — убьют, — тихо сказал Азик.

— А если не достать пластинку, сколько человек убьют Розовым Лучом, — скрипнул зубами Эник.

— Шхуна капитана Румба! — вдруг крикнул Азик.

В море шел парусный корабль.

— Бежим в порт, — скомандовал Нааль.

И снова друзья помчались по каменным плитам старых переулков.

Шхуна спустила паруса и, включив двигатель, подошла к молу.

У причала уже толпились десятка три мальчишек.

— Привет морской гвардии! — воскликнул коренастый человек с обветренным морщинистым лицом и седыми усами. Он помахал ребятам выцветшей морской фуражкой.

Это был старый капитан Румб.

Капитан находился уже в том возрасте, когда большинство моряков лишь вечерами в приморских кабаках вспоминают опасные рейсы, но кораблей уже не водят. Но Румбу повезло больше, чем другим. Ему удалось приобрести старую шхуну, и он продолжал плавать. Правда, он не выходил в дальние рейсы, не надеялся на прочность судна.

Капитан был любимцем всех портовых мальчишек. Для них он всегда находил работу. Когда он привозил легкие товары, мальчишки разгружали трюм; когда эта работа была им не под силу, они чистили, красили, мыли шхуну. Капитан не стремился к прибыли. Он плавал, потому, что любил море. Поэтому он не купился, когда платил за работу. Ведь он сам был когда-то таким же беспризорным мальчишкой.

— Вот подождите, — говорил капитан Румб, — подрастёте немного, наберу я из вас команду, отремонтирую свою скорлупу, и махнем мы вокруг света...

Мальчишки знали, что кругосветное плавание — давняя мечта капитана.

И хотя команда капитана состояла из восьми человек, а ребят было гораздо больше, все они верили ему.

— Здравствуйте, капитан! — кричали ему мальчишки. — Работа есть?

— Валите на палубу! Будем мыть, чистить, красить надстройки!

— Разгружаться не будем?!

— Немного! Пять бочонков! — ответил капитан.

— Не откажетесь помочь, орлы? — обратился он к нашим друзьям. — Бочонки небольшие. Это вино для Железного Бахбура, чтоб он заржавел от него! Скоро за ними придет машина.

— Поможем, капитан! — сказал Нааль, и глаза его загорелись.

Через полчаса бочонки были на молу. Нааль ото-

звал друзей в сторону и сказал шепотом:

— Если забраться в бочонок, можно попасть в дом Бахбура.

— В погреб можно, — заметил Эник. — Но не там же пластинка спрятана.

— Лишь бы в дом попасть, а там видно будет.

— В бочонках вино...

— Можно подменить пустым. Их здесь много.

— А если поймают? — тихо спросил Азик

— Ну и пусть. Можно сказать, что спал в бочонке, а его по ошибке погрузили.

— А если поймают не в бочонке, а в доме да еще с украденными чертежами?

— Если, если... А если море высохнет? — рассердился Сколь.

Все понимали: случись это «если» — хорошего будет мало. Замолчали.

— Я пойду, — вдруг просто сказал Нааль.

— Куда? — не поняли его.

— В бочонок.

И тут оказалось, что готовы идти все. Каждый выдвигал свои преимущества перед другими, но все сходились на том, что Нааль не должен идти. Он самый маленький. Они понимают, что он не боится, но они старше и сильнее.

Но Нааль сказал снова:

— Я пойду.

— Мы не пустим тебя!

— Ведь все равно же пойду. Они убили...

И в синих-синих глазах Нааля, который плакал очень редко, блеснули слезы.

— Тебя могут убить, — сказал ему Эник.

Нет! Его не убьют. Он меньше всех, значит, незаметнее. Он понимает, что чертежи у Бахбура за семью замками, но с ним кортик отца. Он сломает им замки. Кортиком можно обороняться. И притом Нааль маленький, только он и может поместиться в бочонке. А если его не пустят, он найдет другой путь.

Ну, что можно было с ним сделать?

Ребята отыскали пустой бочонок и незаметно подменили им бочонок с вином. У Нааля сжалось сердце, но он быстро забрался и съезжился на дне. Мальчики по очереди пожали ему руку и закрыли крышку, слегка забив ее, чтобы не выпала раньше времени. Скоро пришел автомобиль, и ребята закатили в него бочонки. Тот, где сидел Нааль, они не катили, а втащили волоком и поставили. Машина тронулась и ребята бросились за ней.

К дому Железного Бахбура.

Железная армия Бахбура

Было темно и очень душно. Машину трясло. Нааль съезжился в бочонке, стараясь не стукаться головой о крышку. К горлу подкатывал комок, в глазах плясали красные и зеленые пятна. Наконец автомобиль остановился. Бочонок с Наалем взяли последним и долго куда-то несли. Потом Нааль почувствовал, что его закружило, завертело, раздался сильный удар и стало тихо и неподвижно. Крышка от удара вылетела. Мальчик высунул голову и увидел, что находится в подвале среди бочек и ящиков с бутылками. Погреб. Никого...

Дверь была приоткрыта. Нааль вылез из бочонка и пробрался к ней. В голове у него гудело. Он на минуту притаился у двери, потом выглянул. Перед ним виднелся узкий коридор. Больше выходов не было, и Нааль решил.

Он осторожно прошел до конца коридора, свернул направо, поднялся по ступеням и оказался перед стеклянной дверью. Через стекло был виден громадный вестибюль: цветные плиты пола, зеркальные окна, бронзовые люстры.

Только сейчас мальчик понял, что его затея бесполезна. Куда пойдет он в этом громадном доме, как останется незаметным? Где он отыщет маленькую пластинку с чертежами профессора Аргона?

Страшно стало Наалю. Захотелось снова оказаться на солнечных улицах, вместе с друзьями.

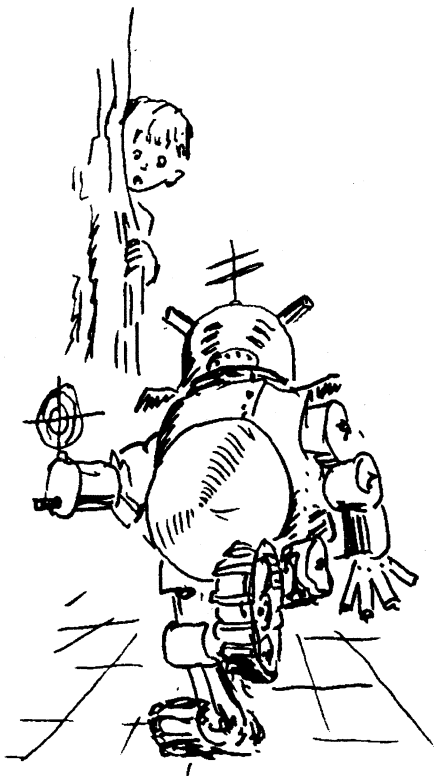
А что скажут друзья? Ничего. Он все объяснит им, и они поймут. Если бы они были здесь сами, они бы увидели...

Что сказал бы отец? Он сказал бы: «Сумасшедшая идея».

Но ведь он, Нааль, со слезами уговаривал товарищей отпустить его...

В подвальном коридоре раздался шаг, они приближались. Мальчик вздрогнул. Он посмотрел через стеклянную дверь: в вестибюле никого не было. По бокам широкой, покрытой ковром лестницы стояли железные рыцари с белыми перьями на шлемах — пустые старинные латы. Нааль решил. Открыл дверь, добежал до лестницы и спрятался за рыцаря. Напротив он увидел стеклянные двери, ведущие на улицу, а у них восемь человек в темных костюмах.

— Господа, прошу подняться в мой кабинет, — говорил один из них, низкорослый, в дымчатых очках.

Господа направились к лестнице. С бьющимся сердцем мальчик бросился на второй этаж. Ковер заглушал шаги, и Нааля не заметили. Он оказался в широком коридоре, в конце которого была дверь. Нааль слышал голоса поднимавшихся по лестнице людей.

Он потянул дверь, она открылась. Мальчик попал в полутемную комнату с круглым столом посередине. Громадное окно было скрыто за плюшевой занавесью. Пусто! Нааль спрятался в оконной нише. Окно выходило в парк, за глухой каменной изгородью которого лежала тихая улица.

Вошли люди.

— Что за темнота, Биром, — раздался голос. — Я открою окно.

Под чьей-то рукой кольхнула занавесь. Нааль замер от ужаса.

— Не надо, — послышался ответ. Над столом заглялась люстра. — Прошу садиться, господа.

Нааль услышал шум придвигаемых кресел.

— Господа, — снова раздался голос Бахбура. — Я знаю, что все вы встревожены. В стране растут коммунистические настроения. На заводах забастовки. Вчера гвардейцы морской дивизии и легионеры отказались усмирять рабочих. Можно опасаться восстания, тем более, что в других городах положение такое же. Но... пусть это не беспокоит вас. На моих заводах создана железная армия. Она уничтожит мятежников. Смотрите!

Нааль был заинтересован. Он понял, что на окно больше не обращают внимания, и решил слегка раздвинуть занавесь.

На столе стояла железная кукла высотой в полметра. Она была похожа на рыцаря в латах. Семь человек с интересом разглядывали ее, а восьмой, Бахбур, стоял у пульта управления в другом конце комнаты. На пульте вспыхнули лампочки.

— Управление очень простое, — говорил миллиардер. — Эти солдаты управляются по радио. Здесь кнопки со всеми нужными командами: шагом марш, кругом, огонь и так далее, около двухсот пятидесяти кнопок. Здесь же маленький телевизор, а в голове солдат телепередатчики. Поэтому на экране можно видеть все, что происходит на поле боя. Можно управлять всеми солдатами сразу и каждым в отдельности. В правую руку железного человека вделан пулемет, левая оставлена для рукопашного боя. Все механизмы скрыты под крепчайшей броней, толщина которой десять сантиметров. Здесь вы видите модель, а настоящий рост железного солдата около трех метров. Свалить такую фигуру может лишь прямое попадание пушечного снаряда... Создание железной армии обошлось мне необычайно дорого. Но теперь мы можем быть спокойны и подавлять бунты, не выходя из дома.

— Но это не главное назначение железной армии, — продолжал Бахбур. — Скоро мы распустим нашу живую армию, которая может выступить против нас самих, и будем воевать при помощи механических солдат. Они не будут бояться смерти, а главное — не будут думать. Их батальоны пройдут сквозь огонь и окажутся непобедимыми... А вооружены они будут сверхмощным оружием, схема которого вот на этом металлическом чертеже... — В руках у Бахбура сверкнула прямоугольная металлическая пластинка.

Он подошел к столу, положил пластинку, с натурой поднял железную куклу и опустил ее на пол. Снова отошел к пульта.

— Смотрите...

Бахбур нажал кнопку, и кукла замаршировала в дальний угол комнаты. Все двинулись за ней.

Нааль быстро оглядел комнату. Потом взгляд его опять упал на пластинку с чертежами, лежащую на краю стола. Стол находился в десяти шагах от Нааля. Люди были далеко и стояли спиной к оконной нише.

Еще сам не поняв, что делает, мальчик осторожно отодвинул занавесь и пошел к столу по мягкому, залушающему шагу ковру. Он двинулся с остановившимся дыханием и окаменевшим сердцем, видя перед собой только тускло поблескивающую пластинку. И вот она уже в его руках! Нааль прижал ее к груди. Глаза его неожиданно встретились с глазами одного из членов Совета Восьми. Тот изумленно смотрел на мальчика, не понимая, что происходит

Сердце у Нааля словно взорвалось. Он бросился к окну и, прикрыв лицо пластинкой, ударился о зеркальное стекло. И вылетел в пустоту. Упругие ветви подхватили Нааля, подбросили и опустили на землю.

Он смутно помнит шум за спиной, кусты, цепляющиеся за матроску... Что-то теплое бежало по щеке, стекало по шее за воротник...

Одним махом он взлетел на высокий каменный забор. Ему показалось, что около уха кто-то коротко свистнул. Раздался легкий щелчок, и на ногу ему попала каменная пыль. Прыгнув с забора, он не удержался на ногах, но тут же вскочил...

Потом он помнит бегущих рядом друзей, качнувшуюся под ногами лодку, взревший мотор, светлую комнату, бородатое лицо, склонившееся над ним. А рядом — другое, и синие глаза незнакомой девочки...

*Послесловие,
(которое, как и предисловие,
написано через сорок лет)*

Вот на этом я и оставил работу над сказкой «Страна Синей Чайки».

Впрочем, не совсем оставил, не сразу. В следующем, пятьдесят восьмом году вместе с друзьями Виталием Бугровым и Леной Шубиным я попытался продолжить эту сказку — пусть будет коллективное произведение. Но энтузиазма хватило лишь на несколько страниц. Эти страницы, написанные Витей Бугровым, сохранились у меня. Но ничего нового в сюжет они не вносят, лишь добавляют подробности. А стиль их совсем другой — Витин, — и я не решился вставлять их в свой текст.

Так и пролежала тетрадка много лет. И читателей у этой повести оказалось всего два — Виталий и Леонид. И лишь совсем недавно появился третий. С полгода назад мой сын Алексей попросил разрешения покопаться в старых отцовских тетрадках и прочитал «Страну Синей Чайки».

Я ожидал критики, лишеной всякого снисхождения. Алексей был в том возрасте, в котором я писал эту свою сказку, но в отличие от меня имел за душой уже две принятых к публикации повести и несколько рассказов. Однако сын сказал с ноткой благосклонности:

— Вроде бы ничего, только почему вы ее не дописали? Втроем-то!

— Видишь ли... Понимали уже, что замысел наивен и подражателен, стиль неуклюж... Ну, а кроме того, веселая студенческая жизнь, нехватка времени, новые планы...

Алексей нелюбезно высказался о некоторых представителях студенчества середины двадцатого века, а потом спросил:

- Ну, а все-таки дальше-то что было?
- Что должно было быть?
- Какая разница...

Да, что же должно было быть дальше? Или, если хотите, что было? Теперь самое время и место ответить на этот вопрос, если он вдруг возникнет у кого-то из любопытных читателей.

Дальше сюжет должен бы развиваться в соответствии с лучшими традициями известной нам тогда сказочной и приключенческой литературы (от «Трех толстяков» до «Приключений Чиполлино»).

Естественно, трудовые массы — рабочие, моряки и докеры — поднялись на борьбу с тиранией (мы тогда неукоснительно верили в прогрессивную роль широких народных масс, сметающих всякий гнет). Мальчишки активно участвовали в борьбе. Поселившись у профессора Аргона, два десятка портовых пацанов создали нечто вроде юной морской гвардии. Профессор заботился о развитии интеллекта своих подопечных, капитан Румб — об их морском образовании.

Лишенный чертежей Розового Луча, Железный Бахбур не смог снабдить свою металлическую армию сверхоружием, пришлось довольствоваться пулеметами. Но и пулеметы в открытых столкновениях с рабочими дружинами — страшная сила. Когда дошло до решительного сражения, железные солдаты начали одерживать верх.

Здесь-то и сыграла свою героическую роль мальчишеская гвардия профессора Аргона. Несколько ребят решили проникнуть в особняк миллиардера, где был расположен пульт управления механическими батальонами.

На сей раз это оказалось гораздо труднее. Но мальчишкам помог наследник Бахбура, который (конечно же!) на самом деле был не родным его сыном, а похищенным у очень порядочных родителей. Этот мальчик был угнетен атмосферой, царившей в доме миллиардера, и не разделял воззрений и устремлений приемного папаша.

...Ребятня диверсионная группа ворвалась в кабинет Бахбура. Нааль, мечтающий отомстить за родителей (и, к тому же, вдохновляемый нежной привязанностью к синеглазой девочке Нэви, племяннице Бенэма Аргона) смаху всадил в панель управления отцовский кортик. Лезвие перерубило главные провода. К радости восставшего народа железные болваны на улицах прекратили стрельбу и начали с грохотом падать на мостовые...

В общем, «наши победили».

Бахбуру удалось бежать за границу, но лишенный капиталов и власти, он был теперь никому не страшен.

Страна Синей Чайки ступила на путь социального прогресса. Установки «Розовый Луч» бурили шахты и туннели, тем самым способствуя процветанию демократического государства.

Из гвардии профессора Аргона (включая, конечно, его племянницу и бывшего наследника Бахбура) сложился юный морской экипаж — как раз для громадной парусной яхты, конфискованной у беглого миллиардера. Яхта эта раньше называлась «Железная Дора» (в просторечии «Железная дура»), но теперь ее избавили от недостойного названия и нарекли славным именем «Синяя Чайка». Капитан Румб поклялся своими усами, что через пару лет, когда он сделает из храбрых мальчишек настоящих матросов, они отправятся на «Синей Чайке» в кругосветное плавание...

Ольга ЩЕРБИНИНА

ЗЛОЙ ДУХ

У ГРОБА И У КОТЫБЕТУ

Рисунок Юлии МЕНЬШИКОВОЙ

У русского этнографа Дмитрия Зеленина читаем загадочную подробность. «В Нижегородском уезде в головах умирающего помещают сосуд с водой, полотенце и камень. В Калужской губернии на 40-й день после смерти кладут под образа прикрытый полотном камень; в Новгородской губ. до похорон кладут под образа березовое полено... В Олонецкой губ. камень лежит на лавке, иногда в головах умершего».

Вспоминаются похожие действия в русских народных сказках, отразивших архаичные верования предков. Помните, как баба-яга, выдавая своих дочерей за добрых молодцев, хочет ночью срубить зятям головы? Но волшебный помощник, а иногда одна из дочерей яги предупреждают богатырей, и те надевают одежду своих жен (или их головной убор). В других сказках на постель кладется кукла, а то разрубается надвое наряженное березовое полено. Так наши предки обманывали враждебную силу, по новейшим поверьям — злой дух.

Тот же смысл видится мне и в рассказанном Зелениным случае с наряженным в плотно камнем возле гроба или поленом. Смерть, придя в дом, по народным поверьям, ищет себе добавочной пищи. И вот, чтобы она не принялась за близких покойного, ее и хотят обмануть с помощью камня или полена.

Этот смысл обряда — не исключочный, впрочем, и другие мотивы, — подтверждается многими похоронными обычаями. Например, возвращаясь с кладбища, перепрягали коней;

шли от могилы задом наперед, чтобы смерть по следам не нашла живых. То же отражено и в сказках: злой дух пойдет по следам живых, а следы-то ведут на кладбище (в болото, в реку или другое нежилое место).

Зачем ставят в головах умирающего сосуд с водой и кладут полотенце? Полотенце вообще играет в обряде похорон большую роль. «Если умер хозяин дома, украинцы после выноса тела перевязывают ворота дома красным кушаком или полотенцем», — читаем у Зеленина. На похоронных дрогах к дуге привязывают полотенце; оно же, порой, служит и поводьями. Нередко и до сих пор в России гроб несут к раскрытой могиле на полотенцах.

Дело в том, что полотенце ассоциировалось в народном сознании с образом моста. Не случайно в сказках брошенное на землю полотенце оборачивается мостом через реку или огненное озеро. И в похоронном обряде полотенце символизирует мост, по которому умерший должен перейти из одной жизни в мир иной.

Идея моста актуальна для похорон у разных народов. Вспомним мост через реку Лету или Стикс у древних греков и римлян. Белорусы еще в начале нашего века в память об умерших женщинах перебрасывали легкие мостики через ручьи или болотистые места. На доске или бревне мостика вырезали крест, башмаки или серп. «Первоначальный смысл таких мостиков, — пишет Зеленин, — помочь покойнику преодолеть труднопроходимые ме-

ста и помешать ему возвратиться назад».

Роль полотенца-моста видна и в обрядах защиты людей и животных во время эпидемий и падежа скота. Белорусы в качестве оберега ткали так называемые обыденные полотенца, т.е. сработанные в течение одних суток всем миром, в избе, где собирались все девушки и женщины деревни. В течение одной только ночи нужно было спрятать нитки и выткать для полотенца холст. На другой день полотенце из этого холста обносили вокруг деревни. Часто через полотенце или под ним проходили люди и животные. Речь здесь идет о магическом круге либо магической линии, через которую эпидемия переступить не может. И опять можно сопоставить этот обряд с известным сказочным мотивом: царевна махнула полотенцем — и сделался мост. Она поскорее перебежала через мост, свернула полотенце, а баба-яга перебежать не успела: мост сразу пропал. Так царевна от бабы-яги и спаслась. Не случайно и полотенце, и даже ткацкие станки, на которых оно изготовлялось, немедленно сжигались после обряда или закапывались в землю — чтобы ими не успел воспользоваться злой дух.

Свои заметки я начала с «конца», с похорон, а не с рождения, колыбели. Но кто знает, где начало, а где конец? Идея круговорота всего живого издавна знакома всем народам, а *тот и этот* свет отнюдь не разделялись непроходимой гранью.

Если на похоронах старались перехитрить смерть и отворотить ее от живых, родственников покойного, то еще старательнее стремились обмануть злого духа у колыбели новорожденного. Обычаев и примет неперечислимое множество. Обращусь только к некоторым. Чтобы ввести в заблуждение злого духа, передавали новорожденного не в двери, а в окно избы; клали его в корыто для корма свиней — прятали. В христианские времена порой крестили ребенка не в купели, а под купелью. Известны повсеместно обычай хаять ребенка и боязнь его хвалить — это сохранилось до наших дней, а также давать новорожденному разные уничижительные прозвища. Болезнь обманывали даже мнимой продажей ребенка нищему. Не отсюда ли, кстати, пошла современная присказка матерей: «не плачь, а то отдам дяде!»

Из старинных поверий о том, что болезнь

насылается духом определенного места, произошло, скорее всего, и обыкновение бить край стола, дверной косяк и т.п., о который нечаянно ударился ребенок. Мы делаем это и сегодня, слегка ударяя ладонью «виновное» место и приговаривая: «вот тебе, вот тебе, не будешь обижать нашего Филиппочка!» А в старину, если ребенок падал и ушибался, то, подняв его, немедленно бросали на то место нож или другой железный предмет — оберег от нечистой силы.

Повсеместен для родственных славянских народов обычай, называемый *каша*, когда собираются соседи и близкие роженицы на специальное ритуальное угощение. Обычно это каша и пирог. Обычай древний, но с принятием христианства его приурочивают к крестинному обеду. У русских на таком обеде подавали две каши: одну от хозяина дома, другую от повитухи. Каша повитухи, очень крутая, варилась из пшена или гречи, иногда с медом. Нельзя не увидеть в этом ритуале архаичный обычай угощения предка-покровителя рода, которому отдается под опеку и покровительство новый член общины.

Обряд *каши*, с уверенностью можно судить, возник в незапамятные времена как угощение, задабривание предка, покровителя рода. Так в сказках мажут куколке рот кашей, прежде чем та станет помогать падчерице. Это подтверждает и обычай разбивать тут же на столе горшок из-под ритуальной каши: ведь после употребления сосуда жрецом-вождем племени в архаичные времена никто больше не смел пользоваться его посудой под страхом смерти. Зеленин пишет, что обычай разбивать горшок после каши символизирует обновление жизни, но это, скорее всего, уже позднейшее переосмысление обряда. Точно так же, как и требование есть кашу побыстрее и побольше говорить за столом, чтобы ребенок скорее начал говорить. Под этими действиями можно предположить более архаичные и уже забытые стремления обмануть злого дух, «заговорить» его. Ритуальное угощение, например, поднимали повыше — к небу, к светлому, доброму духу и торопились все справиться побыстрее, пока злой дух не «спохватится». Для того же на русском Севере едят ритуальную кашу черенками ложек — опять-таки, чтобы злой дух не догадался о том, что тут, в избе, происходит, и не навредил новорожденному, не

забрал его себе. Ведь нередко черт забирает некрещеного ребенка, положив в колыбель «обменку», то есть своего собственного чертенка.

Вообще взаимоотношения со злыми и добрыми духами (доброго духа вместил с принятием христианства Христос, а злые духи остались в виде нечистой силы) составляют, я бы сказала, доминанту архаичной модели поведения.

Но где пребывали, «жили» эти духи? Где расположено иномирье? Вопрос чрезвычайно интересный и сложный, помогающий раскрыть самые глубинные представления народа о строении мира.

До того, как создались образы геенны огненной и царства небесного, т.е. верха и низа — соотношение *того и этого* света представлялось иным. Эти миры существовали на одном и том же уровне, но в противоположных измерениях, подобно тому как это стало пониматься в самое последнее время.

Почему девушка гадает в бане на зеркало? Откуда ждет она вести о суженом? Из зазеркалья! Почему занавешивают зеркала на похоронах? Чтобы смерть в зеркале не увидела живых и их не похитила. Но почему смерть может увидеть обитателей нашего мира именно в зеркале? Да потому, что сама она живет, видит и действует именно в зазеркалье. В нашем мире она слепа. А в *том* мире — зряча, активна, хищна, значит, *тот* мир надо отго-

родить, занавесив зеркало.

Тот мир — зеркальное отражение этого мира. Доказательств в фольклоре множество.

Так, заблудившись в лесу, человек, по старинным поверьям, должен был вывернуть одежду и надеть лапти не на ту ногу. Раз иномирье — зеркальное, опрокинутое отражение нашего мира, то чтобы попасть туда, надо все делать наоборот — как Алиса в зазеркалье. Надо пятиться задом, запрягать лошадь дугой назад и т.п. Литература трактует обычай пятиться задом наперед как способ запутать следы. Но мне видится тут более архаичный смысл, связанный именно с идеей мира «наоборот», мира «задом наперед», каким был для далеких предков *тот свет*, иномирье. Отсюда же, полагаю, и понятие «перекинуться» оборотню, обернуться вокруг какого-то предмета, чтобы попасть в стихию волшебного мира.

Можно вспомнить и о вывороченных шубах во время скоморошин на рождественских гуляньях. Человек на время как бы погружается в иномирье, сродняется с ним, снимая его враждебность. На время простой человек становится волшебником, всемогущим, а в позднейшие времена это стало связываться с веселой карнавальской игрой.

Мир людей и мир духов в старину взаимодействовал, взаимопроникал друг в друга и даже дополнял один другой.

Елена АРАПОВА

ЖА ОСТРОВА КРАЕЖОМ

Стояли когда-то три озера: Большое, Среднее и Малое, соединенные протоками. Человек решил слить их вместе и для этого построил дамбу. Возникла водная равнина, ушли на дно все низменности и заболоченные места, и открылся простор необозримый.

Так в 1825 году образовалось Аятское озеро, которое по объему водной массы не имеет себе равных в предгорной полосе. Длина его 12 км, ширина — 6, площадь 30 кв. км. Глубина в среднем 42 м. Это — по данным 1960 года. Потом увеличивались размеры дамбы, а с ней — и озера. Озеро собирает воды с площади более 300 кв. км, в него впадают 10 болотных ручьев и речек, и, как всесильный родитель, оно отпускает в самостоятельную жизнь реку Аять.

При слиянии озер образовалось три острова. Первый на нашем пути остров — Молебный. Место красивейшее, высокое. До 1825 года сюда приходили молиться. Теперь остров используется как перевалочная база заготовки мха. Если посмотреть сверху, он буквально испещрен тропами, и повсюду видны следы костров. Та же картина и на следующем острове — Красном. И на Святом тоже. Я даже не сразу отыскала место раскопок, которые проводились здесь в 1960 году Уральской археологической экспедицией. Немногом раньше, а именно в 1956-м, в этих местах было обнаружено четыре древних поселения. Остров Святой — последний из обозначенных памятников. Первые два были обнаружены в устье реки Шайтанки и в 900 м к западу от него. Берег там низкий, заболоченный. В 50 м от берега, на небольшой поляне, заросшей крупным лесом, когда-то стояла охотничья избушка, от которой сохранился полусгнивший нижний венец. На южном краю поляны заложили шурф и обнаружили черепки эпохи железа. Там же был найден развал печи или горна, который археологи определили как остатки литейного агрегата. Сошлись во мнении, что здесь, на стоянке «Шайтанка-2», имело место двойное заселение.

Еще один пункт обитания древнейшего человека — мыс Березовский. Он представляет собой небольшой выступ берега, возвышающийся на пять метров над уровнем озера. С трех сторон омывается водой.

Прибрежная часть заросла камышом и тростником, однако по сужающейся протоке путешественник может причалить к берегу и ступить на землю. В давние времена на берегу стояла избушка, сложенная из бревен. В канавке, тянущейся по ее периметру, находили осколки керамики. Раскопкам мешал огромный трухлявый пенёк. Его аккуратненько удалили и... обнаружили три топора.

Находки относятся ко второму веку до нашей эры — этапу Горбуновской культуры.

Много раз я любовалась озером, но только с берега, с причала. А сегодня...

Монотонно гудит моторка. Волна ударяет о борт лодки, разбиваясь на сотни зеленоватых частиц.

Я крепко прижимаю к себе восьмилетнего сынишку, который, сев в лодку, моментально изменился. Это уже не тот подвижный, озорной ребенок, каким был на берегу. Теперь он сидит тихо и неосознанно придвигается ко мне. Глаза гипнотически прикованы к воде, в них сквозит любопытство и страх. Мы идем по самому большому озеру в нашей округе, и оно воспринимается им как море.

Вдалеке, где небо соединяется с водной гладью, вдруг показалась косматая черная туча и стремительно поползла на нас. Моя взрослая дочь, сидевшая на носу лодки, повернула ко мне и мужу, управлявшему лодкой, встревоженное лицо: навстречу нам катились огромные пенные волны.

— Переждем в протоке! — донеслось до меня сквозь шум волн и мотора.

Мы повернули налево, чтобы спрятаться в камыше. Но совсем рядом, метрах в пяти от нас, из воды торчали камни! Наш капитан, чертыхнувшись, резко повернул руль вправо, зачерпнув бортом волну. Мотор заглох, и нам с трудом удалось поставить посудину по ветру, чтобы ее не перевернуло.

Я смотрю на сынишку: бледное лицо, посиневшие пальчики, крепко ухватившиеся за меня. Во взгляде испуг и... жажда приключений.

— Посмотрим, есть ли проход между островом Красным и левым берегом, не закрыт ли он плавающими островами, — кричит нам рулевой.

С горем пополам завели мотор и, осторожно

объезжая торчащие из воды камни, приблизились к маленькому участку суши, сплошь покрытому непонятной растительностью сферически-округлой формы.

Внезапно ветер стих. Наши взоры устремились навстречу величественно надвигающемуся загадочному острову.

Лучи солнца, пробивая тучи, серебристыми ленточками прикасаются к макушкам деревьев. Кажется, что по этим светящимся дорожкам спускаются на землю небесные ангелы, чтобы творить чудеса. Сам остров своим контуром напоминал церковь. Его куполообразная листовая шапка по-осеннему разноцветно переливалась в золотистом свете.

Насилу найдя протоку, мы свернули по ней к берегу. Долго петляли, застревая в плавающих кочках и запутываясь во множестве белых и желтых лилий. Но вот впереди замаячил травяной берег. Но что это? Я не могу выйти из лодки, потому что не чувствую под собой твердого грунта: почва качается под ногами.

По утопающим в воде дощечкам добираемся до избушки, бросаем вещи, оглядываемся. Все в порядке. И спальных мест как раз хватает.

На пожелтевшем невысоком мху алеют продолговатые крупные бусинки — клюква. Ни дать, ни взять:

Лето красное гуляло.
Красны бусы потеряло.
Мы присядем, вчетвером
Эти бусы соберем.

Прошло совсем немного времени, и мы уже расхаживали по трясине, словно по асфальту. Оказывается, по болоту можно не только бродить по колено в воде, но и бегать наперегонки. Правда, становится не до шуток, когда вдруг проваливаешься и, потеряв под собой опору, начинаешь хвататься за что попало.

Только к вечеру мы собрались на Красный остров. Теперь мы приближались к нему с другой стороны, и опять он светился на солнце, играя красноватыми красками. Причалили. Привязали лодку. Я стою и от восторга не могу дышать. Остров зрительно наполнен воздухом. Как одуванчик устремил

ввысь свои невесомые парашюты: на этом маленьком клочке земли растут одни липы, и их полукруглые кроны рвутся вверх пожелтевшими абажурами.

А что там за камни на берегу? Чудно! Большое каменное плато, окаймленное полуовальной ступенькой, которая как бы спускается на трибуны сказочного амфитеатра. Словно бы здесь проходили собрания античных богов, которые спустились сюда по золоченой лесенке солнечного луча.

Но что там, дальше?.. Боже мой! Передо мной стоит пикой рассекающая небо многовековая лиственница, в два обхвата шириной, стройная, высокая, но... наполовину сожженная у основания. Она стоит, не шелохнувшись, и, словно назло всем невзгодам, корнями крепко обхватила землю, гордо направляя свой взор к небу.

Не отрывая от нее сочувственного взгляда, обхожу униженное, но не сломленное живое изваяние, и... натываюсь на срубленное и растерзанное дерево. Пройдя дальше, увидела гору использованных емкостей из-под пищевых продуктов. А на берегу — следы пожарища, обгоревшие бревна и доски.

Идиллии как не бывало. В сердце ворвалась тревога. Кажется, что из высокой травы смотрит на меня кто-то подлый, за что-то ненавидящий, и видя мое смятение, злорадно похихатывает и потирает руки. Я ощутила присутствие чьей-то злой воли. Стало жутко. И я поспешила к своим.

Как и наши острова — Молебный, Средний, Красный, Святой — вся Земля сегодня стонет от боли. Ее терзают атомными взрывами, корежат гусеницами, зарывают в нее радиоактивные отходы. Она должна носить на себе бандитов и убийц, позволять топтать себя подонкам и насильникам, вынуждена резать себя на дачные участки для воров в законе и при законе... И наше отношение к природе зеркальной стороной поворачивается к нам же самим.

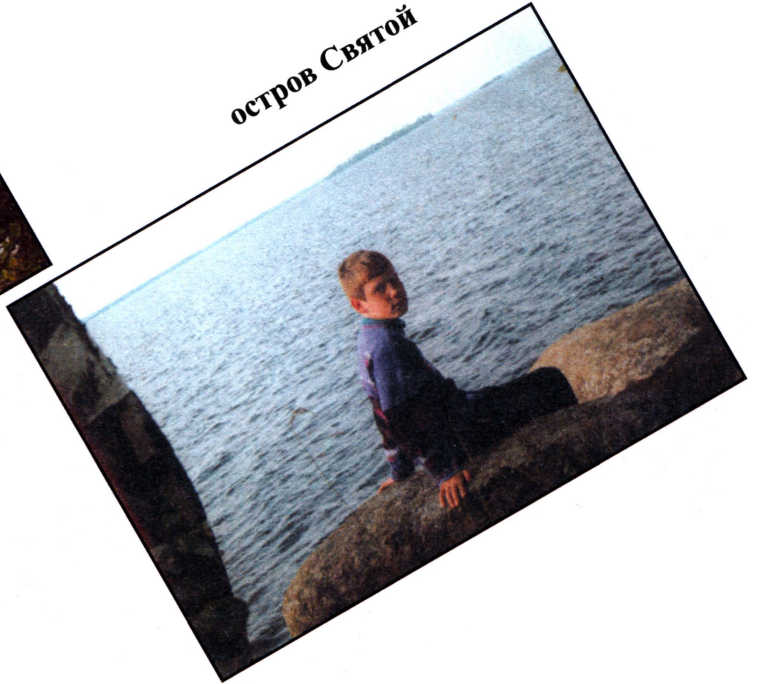
Все дальше уходит наша лодка, все тоньше становятся деревья на острове Красном. Вот уже невозможно отличить стволы друг от друга, все смешалось в сплошном массиве. За островом садилось солнце, и с той стороны, сквозь шум мотора, явственно слышался прощальный звон колоколов...

Фото автора на 3 стр. обложки.

остров Красный

остров Святой

остров Молебный

